

27615-V751
+y21+yx+
12X>11

Маршрут
Якутск - Тр
Копейка
Копейка
Самолет
Хлеб (200г)
Машина (100г)
Роды (100г)
Дети (100г)
Лук (100г) - 20

А. ГЛАДИЛИН

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

А. Гладкий. Прочие на свете

А. Гладилин

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

ПОСЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Закрой дверцу, все равно одна пыль идет, — сказал Кузьмич, и я захлопнул дверцу, а газик на первой скорости продолжал натуженно карабкаться на перевал и, казалось, вот сейчас его силы кончатся, он остановится и мы покатаемся вниз — и так в этом месте мне всегда казалось, хотя ездил я по этой дороге сотни раз. А потом мы понеслись к обрыву, и я знал, что дальше — крутой поворот, и Кузьмич обязательно притормозит, но все равно, я каждый раз представлял, как мы загремим с обрыва — перевернемся? — а ведь этого не могло быть, Кузьмич изучил все выбоины на дороге, да и я тоже. Я посмотрел через плечо Кузьмича в окно, и далеко внизу мелькнули домики станции, вытянувшиеся в линейку, и озеро, и бурозеленая долина, и дальше, обступившие ее со всех сторон сопки, но пыль, которую поднял газик, нагнала нас, когда мы затормозили на повороте, и я взглянул вперед, вверх, где на самой большой горе расцвел гигантский, в красных и белых полосах, цветок радиорелейной установки. Солнце оставалось сбоку, но оно сияло во все небо, его лучи били повсюду — такой жары здесь никогда не было. На дороге проступали темные пятна, кое-где даже блестящие лужи — но последний дождь прошел неделю назад. Берег озера перед самым поселком был усеян людьми. — Как в Крыму, как на пляже в Ялте, — сказал Кузьмич. Мужчины в трусиках и женщины в купальниках брели через дорогу на сопку. — Надо бы кабинки построить, — сказал

Кузьмич. Он родился в Симферополе, он год назад приехал из Крыма, он мыслил еще по-южному. — Ну вот, — сказал я, — только кабинок тут не хватает для полного счастья. А потом началась свалка, куски железа, разбитые ящики, ржавые придавленные бочки, мусор, разбитые бутылки — мы въезжали в поселок. Улица швыряла нас вверх, вниз, влево, вправо, трехэтажные и двухэтажные дома, желтые, синие или вообще каких-то бордово-оранжевых диковинных расцветок, пытались создать некоторую благопристойную видимость, но она нарушалась длинными деревянными бараками и маленькими будками известного назначения, стоящими как раз на проезжей части. У здания почты мы пробуксовали по огромной луже, потом вылезли на бугор, потом свернули налево и дальше вниз мимо всевозможных построек — эклектическая архитектура, пока еще не получившая названия, — мимо бухты, где у берега сгрудилась разная деревянножелезная дрянь, а большие суда, гордые и одинокие, тихо дымили на рейде. И тут уж Кузьмич погнал во всю. Справа оставалось море, слева начинались сопки и вдоль дороги тянулся водопровод — словно заживо перенесенный из учебников древней истории, тот самый, «сработанный еще рабами Рима».

В аэропорту я купил билет на Москву.

На обратном пути в поселок Кузьмич остановил машину.

— Смотри, — сказал он, — как далеко отогнало лед!

На горизонте синего, по-южному сверкающего моря низко дымилась белая полоса.

— Это не лед, — сказал я. — Это туман.

— Все равно, — сказал Кузьмич, — завтра утром ты улетишь. Небось часы уж перевел на Москву.

Вечером я позвонил в радиометцентр. Он сказал, что сегодня было 28 градусов — невыносимая жара для этих мест, — и завтра ожидается хорошая погода. Часы показывали час ночи. По-московски — семь вечера. Но я не стал переводить стрелки, я все-таки оставался суеверным. Я завесил окно плащом, ибо солнце било прямо в стеклянную дверцу книжного шкафа, а зайчик расположился как раз на моей раскладушке, и лег спать.

Странные цветные сны, которых не помнишь. И только часы, часы — помесь циферблатов различных приборов, — часы с четырьмя стрелками — остались. На часах четыре стрелки!

— Скажите, пожалуйста, сколько времени?

В комнате было сумрачно. Я натянул свитер и, стараясь не глядеть в окно, вышел на улицу. Холодный ветер ударил в лицо, и это было привычно и знакомо. Низкие облака спускались с сопок на мягких лапах. Туман навис в нескольких метрах над озером и, словно щупальцами, высасывал тепло из воды. Дорога исчезала в начале подъема к перевалу. От дизельной шел человек в ватнике и зимней шапке. Он делал несколько шагов, потом поворачивался спиной к ветру.

Я позвонил Васе. Он меня поздравил. Сказал, что туман на неделю. А впрочем, никто точно не знает. Посоветовал связаться с метео в аэропорту. Может, там ожидают прояснения.

Знакомая по голосу девушка-эстонка подробно обрисовала мне карту. Картинка не из радостных. Аэропорт закрыт до двенадцати.

В двенадцать:

— Аэропорт закрыт до шести.

В шесть:

— Аэропорт закрыт до десяти. Самолет из Анадыря прошел в Хатангу. Московский сидит в Норильске.

В десять мне посоветовали спать. Собственно, так и должно было быть. Не могла Арктика простить вчерашнего теплого воскресного дня. В двенадцать я позвонил еще раз, и мужской голос ответил, что Тикси закрыт. Закрыт до семи утра.

...Я действительно суеверный. Я не боюсь черных кошек, но верю другим приметам: понедельникам, 13 числам, счастливым билетам. Я часто вспоминаю тот день и думаю, что мне надо было оставаться. Надо было, хотя понимаю, что нельзя сразу изменить все планы, переиграть давно решенное, начать сначала. Я не первый раз покидал обжитые места, хорошую работу, расставался с друзьями (естественно, договариваясь о скорой встрече, клянясь, что буду писать и т. д.), — никогда не писал и никогда их больше не видел, — это какой-то фатум, болезнь, географическая лихорадка: мчаться куда-то в поисках лучшего и потом сознавать, что там, откуда ты уехал, тебе было хорошо. Я никогда не возвращался «на круги своя».

Но это неправда. Я всегда ходил по кругу. Кружил вокруг себя.

2

Летом ветры дуют в основном с севера. А зимой — с юга. Южный ветер самый страшный. Он приносит пургу.

В пургу люди ходят по кругу. Подставляешь плечо, отворачиваешься, а правая нога делает шаг чуть больше левой. Опытные полярники это знают и когда чувствуют, что потеряли ориентиров-

ку — идут просто по ветру. Идут, пока не наткнутся на кабель или на ЛЭП, а уж по кабелю можно добраться до Тикси.

Девочка-радист, приехавшая под Новый год на станцию, не была опытным полярником. Она не знала, что надо предупредить товарищей, когда идешь в соседний дом. Она замерзла на следующий день. Ее хватились не сразу и на поиски бросилась вся станция. Шли, обвязавшись веревками. Вероятно, несколько раз проходили около нее. Ведь она лежала в двадцати метрах от столовой. Она кружила рядом с домом, пока не замерзла. Все это выяснилось, когда стихла пурга.

И потом протянули леер.

Но это случилось до меня. Я уже ходил по лееру.

Весной и осенью видно, как идет пурга. В сером полумраке над стальными застругами воет, надрываясь, позёмка, а с юга приближается клущающаяся тьма.

Зимой ничего не видно. Лишь по лееру скачут белые электрические огни.

Считают, что красный свет пробивает пургу. Не знаю. Красный фонарь над своим домом я не замечал. Зато в десяти метрах от столовой я видел белое пятно обыкновенной лампы.

Пурга на станции — это полное одиночество. Обедать идешь через день. В столовой кто-нибудь из ребят мрачно ковыряет вилкой котлету. «Привет». «Привет». «Как дела?» «Нормально». И все. Нечего говорить.

Сидишь в домике, обходишься чаем и консервами. Уютно, по-домашнему горят лампочки приборов. Самописец чертит по ленте замысловатые красные узоры. Связь пропадает. Передатчик «берет» эфир.

Записываешь данные, ковыряешь какой-ни-

будь аппарат, или просто сидишь, читаешь, или просто сидишь, думаешь, или делаешь вид, что думаешь.

Тепло. Хочется спать. Лишь бы работал дизель. Но дизель при мне ни разу не отказывал.

Однажды из-за меня поднялась тревога. Мы со сменщиком разошлись по лееру. Были рядом, но смотрели в разные стороны, прикрывая глаза рукой, и не заметили друг друга. В столовой Андрей сказал, что меня не встретил. Начальник поднимал людей. Хорошо, что догадались заглянуть в наш домик. А я еще удивился: дескать, чем обязан такой делегации?

Сначала кажется, что время остановилось. Потом удивляешься, как стремительно летят недели.

Зайдешь в соседний домик к ребятам. Просто так, посидеть. Или устроишь шахматный турнир с Андреем из двадцати партий. Или заглянешь к Тимофеичу и он достанет бутылку спирта, а жена его приготовит пельмени.

Одиночество на станции? Сидишь и смотришь на разноцветные лампочки приборов. Но связь идет со всем миром. Поступают данные с Востока и Запада, с Якутска и островов, с Аляски и Канады. И ты сам звено в этой цепочке, охватившей ледяные, дымящиеся снежными бурями материки.

Но мне надоело ходить по лееру и я прочно засел в Москве и потерял себя в огромном городе, городе миллиона лиц, а потому и безликом.

Иногда меня еще спрашивают:

— Ну как там в Тикси?

И я тут же ловлю себя на мысли: «Неужели я там был?» Я чувствую, что мой собеседник ждет каких-то необычных историй, но что я могу ему рассказать? Одиночество на станции? Он не поймет. И я «хожу с туза», козырного туза всех игроков:

— В Тикси? Ничего, нормально. Плохо, когда пурга. Мороз тридцать девять градусов. Ветер пятьдесят пять метров в секунду. Три шага от дома и ничего не видно. Будешь кружить, пока не замерзнешь.

Потом я достаю сигарету, закуриваю и смотрю в глаза собеседнику.

3

Я один из шести миллионов. Я капля в реке. Я ощущаю это каждый раз, когда попадаю в метро, — людской водопровод Москвы.

Встаньте на переходе между станцией Проспект Маркса и площадью Свердлова. По пологой трубе течет людской поток, нескончаемый, в течение семнадцати часов в сутки. Шаркающий, монотонный гул шагов. Сначала вы будете различать пестрые изломанные ряды женщин, островки детей, торопящихся мужчин, которые как-то пытаются лавировать в толпе... Вы сначала будете запоминать отдельные лица — потом все расплывается, уже нет лиц, — кольшащиеся призраки, волна за волной, бесконечно. Иногда в течение дня вы можете увидеть самого себя, второй, а то и третий раз проплывающего в этом потоке, — опять вы ходите по кругу! Но вот поток замедляется, густеет, возникают водовороты, все медленнее шаг. Спрессованные тела, тяжелое дыхание, спертый воздух. Вы уже не принадлежите себе, вы не можете остановиться, повернуться, вы не упадете — вам остается покорно ждать, пока вас не вынесет на лестницу. Вы не личность, вы беспомощная песчинка в толпе, вы подчиняетесь общему закону медленного движения. Стены сдавили толпу, над вами низкие своды, кажется, сейчас раздастся чей-то истошный крик и начнется что-то страшное —

но что, что тогда? Вы вдавлены в людские спины, вы бессильны. Так кто же вы? И существуете ли вы? И что изменится, если вас не будет?

Город — это тысячи лиц, тысячи лиц, которые мы видим в метро, в троллейбусе, на улице. Среди этой тысячи — десяток, ну максимум сотня нам знакомы. Мы невольно улыбаемся им, или наоборот, отворачиваемся, или тщетно пытаемся вспомнить, где же мы встречали этого человека. Но чаще всего, усталые, замученные своими заботами, мы никого и ничто не хотим видеть. Но это невозможно. Мы втиснуты в вагоны метро, нам ехать долгих двадцать минут, у нас отвратное настроение, — а перед нами опять лица людей, лица, наверное, прекрасные, но нам сейчас они кажутся карикатурами — мы не знаем, куда отвернуться, нам просто некуда деться! Мы закрываем глаза или достаем старую газету, вновь читаем про американских империалистов, израильских агрессоров и боннских реваншистов и уже слышанную утром по радио информацию. Нет газеты — и мы с завистью смотрим на счастливичков, что сидят, уткнувшись в книги, на обладателей свежей «Вечёрки», добросовестно проглатывающих объявления типа: «Организация снимает складское помещение на длительный срок». Прошла молодость, когда каждую минуту мы мечтали о встрече случайной, о том, что раскроется дверь и войдет она, прекрасная незнакомка. Прошло время, когда в каждом человеке мы пытались отгадать характер, профессию, семейное положение. Увы, ежедневно три часа на транспорте, и так много лет, складывающиеся в годы непрерывного метро — тысячи вагонов, миллионы лиц... Вы выходите (вздыхнув с облегчением) на своей остановке. Попробуйте вспомнить тех, кто только что сидел с вами — куда там!

А эскалатор, как конвейер на выставке, услужливо демонстрирует вам еще несколько сотен человеческих разновидностей — старых, молодых, красивых, уродливых — но вы зеваете, отворачиваетесь: для вас они все на одно лицо.

Наверное, это не только привычка — это защитная реакция городского жителя забывать всех, кого он видит за день. А если бы вы их помнили? Представляете, ночью, вы закрываете глаза и перед вами мелькает вереница лиц? Но нет, этого не случается. Спите спокойно, сумасшедший дом вам не грозит. Правда, во сне вас посещают разные люди. Приходят друзья и враги, но появляются еще какие-то непонятные лица, тени. Утром вы их не помните. Но откуда они, эти странные незнакомцы?

Вы их когда-то где-то видели. Где и когда — неважно. Вам только кажется, что вы всех забыли, — они возникают, выплывают неожиданно, помимо вашей воли.

Утром, поджарив яичницу на маргарине и испив вчерашний чай, вы блаженствуете в кресле. Вам некуда торопиться, воскресный день, вы просто ждете условного звонка. Взгляд автоматически скользит по обоям. Но что это? Абстрактные черточки на стене (утвержденная в инстанциях фантазия фабричного художника) складываются в нечто знакомое, принимают осмысленное выражение. Вот около выключателя мелькнуло лицо: удлинённый нос, обвисшие щеки, запавшие глаза. Кто это? Не напрягайте память, вы его видели вчера, в вагоне метро — да, тот самый старичок, что сидел напротив.

Все лица людей, которых мы когда-то встречали, фиксируются в нашем мозгу. Мы этого сами не знаем, но это так. Ленты микропленки хранятся в нашей голове, их никогда не проявить, но они

существуют и мстят нам за нашу забывчивость. Поэтому все неодушевленные предметы имеют для нас свое человеческое лицо.

И даже на небе облака нам корчат рожи. Они появляются в казацких шапках с окладистой бородой, или расплываются легким шаржированным профилем нашего соседа.

Но зачем так высоко забираться? Каждый лист на дереве может соорудить любую гримасу.

Присмотритесь внимательнее.

Дома новостроек вытянулись как солдаты с одинаковыми послушными физиономиями.

Азиатский разрез глаз у нового рынка в Черемушках.

У Малого театра сытое выражение толстой пожилой женщины с сонными глазами.

А сухопарые дома на Новом Арбате — вставные челюсти Москвы — те, что находятся справа, если ехать от центра, стоят болваны-болванами.

У всех машин слегка вытаращенные глаза, словно они еще не могут отдышаться от быстрого бега. Ощеренное лицо «Волги» и беззубая улыбка «Москвича».

Даже тупые морды троллейбусов — и те разные. Один помятый, как после запоя, с подбитым глазом. Другой — новенький, лоснится от самодовольства. Третий сложил дуги, как длинные уши, присел перед прыжком, выжидает.

О животных и говорить нечего. Мордочки кошек напоминают лица знакомых женщин (у каждого свои ассоциации), а все собаки глядят глазами сослуживцев. В длинноногой, неврастеничной борзой с настороженными ушами я узнаю — это мой ночной кошмар — своего начальника.

Мы входим в свою квартиру, и сверху притаившийся электросчетчик облизывается красным языком.

Дверная ручка скосила глаза на свой большой, искривленный, совсем не арийский нос.

Шкаф доступен, беззащитен, сосредоточен на своих мыслях, разложенных по полочкам.

По-наполеоновски нахлобучив трубку, как треуголку, следит за нами телефон.

Чемодан, плотно сжав губы, весь ушел в себя.

Кофейник гордо подбоченился и лихо сдвинул крышку набекрень.

Уж на что унылое рыло у телевизора, а ведь тоже — как идиот от рождения, с большим пустым лбом — изображает из себя мыслителя.

Ботинки со шнурками, потупясь, выглядывают из-под кровати. У всех моих ботинок всегда одно выражение: они разбиты жизнью, изношены, хотя иногда и пытаются скрыть это под внешним гляncем.

Кровать, словно проснувшись, приподняла голову...

Но хватит. Попробуйте вспомнить лица своих близких, представить их застывшими, как на фотографии. Нет, выражение лиц меняется, колеблется, принимает сотни оттенков. Устоялись, неподвижны лица только тех, кого уже нет. Давно нет. Они врезались в нашу память, но это — копии последней карточки, что глядит на нас со стены крематория.

Теперь закройте глаза. Давайте вспомним свое лицо.

А имеем ли мы свое лицо?

4

Но на забор можно влезть.

Нечто вроде стройплощадки — бревна, ящики, большая катушка с кабелем — и вот с этой кату-

шки я подпрыгнул и вскарабкался. Правда, сначала я оказался на четвереньках, потом сразу выпрямился. Представляю, странное зрелище, человек на каменном заборе среди бела дня, ну не совсем белый день, шесть вечера, но все-таки. Привлекать чье-то внимание, позировать не хотелось. Внизу кусты и открытые участки травы, куда можно было благополучно приземлиться. Полминуты я раздумывал — нельзя ли как-нибудь слезть. Отпадало. Я понял, что пройдет минута, и я ни за что не спрыгну. Тогда я бросил папку. Теперь путь назад был отрезан. «Параютисты прыгают с трехметровой вышки — подбадривал я себя, — а тут максимум четыре метра». Итак, долго я буду загорать на заборе? Ну!

Я встал, поднял папку, потер ладони. На правой руке проступала ссадина. Ничего. Оказывается, я на что-то еще способен.

И дальше, через кусты я вышел на дорожку — солидный, респектабельный молодой человек — уже не совсем молодой, послушно откликающийся на «дяденьку».

Больные в серых халатах и одноцветных пижамах неторопливо прогуливались по саду. Человек пять ребят играло в волейбол. Нянечки, заняв «узловые пункты», там где дорожка поворачивала и все просматривалось, мирно беседовали между собой. Кажется, мое появление прошло незаметным.

Она сидела на скамейке с двумя своими новыми подругами. Я окликнул, она обернулась и, конечно, очень обрадовалась. Подруги как-то сразу исчезли, а я смотрел на ее улыбающееся, некрасивое, а может быть и красивое — я уже давно не знал, какое оно — лицо моей жены, лицо всегда милое для меня, лицо моей девочки.

— Как ты попал сюда? Через забор? Вот и

зря. Сегодня как раз хорошая сестра. Она бы пропустила тебя через первое отделение. Почему ты не поздоровался с Олей и Наташей? Да? Я не слышала. Ну, ладно. Как дома? Как Алена?

Я беру ее под руку, и мы идем по аллее, и я говорю с ней так, как разговаривают с маленьким ребенком — растягивая слова, добродушно покровительственная интонация, знак вопроса в конце каждого предложения.

Ну? Ты совсем прекрасно выглядишь, ты наверное поправилась? Играешь в пинг-понг? Так у вас тут просто санаторий? Такой глупый и играет в пинг-понг, разве такое бывает? Ну пойдем сыграем?

И мы играем две партии, а потом делаем круги по аллеям, неторопясь, в общем потоке, и нас обгоняет только сухонький старикашка, он вежливо просит чуть посторониться, он деловито семенит, размахивает в такт руками, — почти спортивная ходьба, — он делает два круга, пока мы проходим один. И я — растягивая слова, с той же покровительственно-добродушной интонацией, рассказываю, что Алена здорова, что с деньгами порядок, что дома все прекрасно, а на работе — еще лучше. Все, что просила, принес. Что принести в следующий раз?

Бьют в подвешенный кусок рельса. Гонг. Раунд закончен. А может, наоборот, только надо выходить на ринг? А может, это как в театре, конец очередной картины?

Нянечки на узловых пунктах оживились. Они словно подметают дорожки и люди в халатах скапливаются в одном месте, там, где висит рельс.

Мы в конце аллеи. Самые последние.

— Принеси мне иголку? Ладно? Порвалась кофточка. Только передай незаметно. У нас все острые предметы забирают. Обыскивают. Шарят

под матрацами. Только скажи им, чтоб мне не делали уколы. Ладно? Я не хочу. Поговори с ними. Не надо уколов. Возьми меня отсюда.

Я смотрю ей в глаза и в них сейчас страх, и они даже другого цвета, темные, темные без дна, и мне на мгновение кажется, что это не глаза человека — два черных отверстия куда-то в бездну, в подземелье, где хаос, мрак — это всего мгновение, но меня пронизывает дикая боль, мне хочется кричать, выть, царапать землю — всего одно мгновение — я отворачиваюсь, чтоб не дай Бог она что-либо не почувствовала, и, растягивая слова, покровительственно-добродушно завожу обычную бодягу, дескать, нельзя, врачам виднее, новый курс лечения и т. д., но она меня прерывает.

— Да нет, просто так. Я сама знаю, что нельзя.

Мы подходим к рельсу, где санитарки разбивают больных на четыре группы, и тут я понимаю, к чему я все время прислушивался — пение, поет пожилая женщина, поет тихим голосом, бесвязно, какую-то неизвестную мне песню.

— Не обращай внимания. Это из первого отделения. Она всегда поет.

Отпирают дверь, мы входим в тесный маленький вестибюль, больных считают, дверь запирают, открывают другую, мы на лестнице, а за нами щелкает ключ. Я довожу ее до второго этажа. Лестничный пролет затянут сеткой. Отпирают дверь отделения, уводят больных, щелкает замок. Я спускаюсь, жду, когда мне откроют другую дверь в коридор клиники. По коридору, где всегда электрический свет, в большой мрачный вестибюль, где деревянные кресла, провожаемый подозрительным взглядом санитарки, которая в положенные часы принимает передачи — по каменным ступенькам вниз, хлопает одна дверь, вторая — я на улице, издалека доносится скрежет и звон трам-

вая. «Еще светло» — почему-то думаю я, хотя пять минут назад гулял по саду, но то, что было там, мне представляется иным миром.

Я стою спиной к двухэтажному зданию из красного кирпича, на котором нет вывески.

5

Но ведь она ни в чем, ни в чем не виновата!

Она просто обыкновенная женщина.

Но в России испокон веков к женщинам предъявлялись какие-то дикие, несуразные требования. Они работали в поле наравне с мужиком, но потом мужик бежал в кабак, а женщина занималась детьми и домашним хозяйством. Быть хорошей женой и матерью — этого, видите ли, мало. Они еще должны были коня на скаку останавливать и входить в горящие избы.

Еще в детстве я замечал, что большинство женщин ходит в сапогах и валенках. Они вкалывали на стройках, ремонтировали железные дороги и мостили улицы. Войну выиграли женщины, ибо на них держался весь тыл. Тяжелое время, вынуждены? Да. Но почему, почему мужчины воевали так бездарно, что допустили немцев до Волги?

Нашим женщинам с малолетства вдалбливали:

Ты должна быть хорошей общественницей
передовиком производства

идти в доярки, свинарки, на целину и на
стройки Сибири

воспитывать детей в духе преданности пар-
тии и правительству

вести дом

повышать свой культурный уровень

делить с мужем все трудности и невзгоды
куда-то звать
и еще немного шить.

А то, что ты плохо одета — ничего, главное, чтоб человек был хороший, думать о тряпках — мещанство, тлетворное влияние проклятого Запада.

А то, что муж пьяница и не всегда ночует дома — сама виновата, не могла сохранить семью.

А то, что ты не знаешь, как жить с мужем — но ведь у нас странная мораль: проблемы, волнующие мужчин и женщин, проблемы их взаимоотношений, то, о чем люди думают половину своей жизни — все это считается аморальным, об этом принято умалчивать. Вроде бы ничего между мужчинами и женщинами не происходит, а детей приносят аисты. Нет никаких проблем, и все.

Решив, что женщина должна быть полноправным членом общества, мы навалили на нее кучу обязанностей: она и сеет, и пашет, стоит у станка и управляет производством, заседает в исполкоме и грызет гранит науки. Требования к женщине такие же, как и к мужчине, и даже больше.

Но мы забыли, забыли слова нашего Главного идеолога. Что он любил в женщине? Слабость! Что он ценил в женщине? Слабость!

Вот в слабости мы ей начисто отказываем!

Женщина входит в метро, усталая после работы, успев по дороге еще забежать в магазины. В сумке полный набор: все для дома, все для семьи. А ведь женщина не тяжелоатлет. Кто-нибудь ей место уступает? Фигу! Но вот повезло, выскочил пассажир, можно сесть, отдохнуть. Не тут-то было. Иронический, лихого вида мужчина пристально, откровенно рассматривает ее ноги. Господи, что случилось? Опять пополз чулок? За-

дрался край юбки? У всех желтые туфли, как у меня?

Даже одежду такую придумали, что в ней женщина чувствует себя неуверенно.

Шофер Кузьмич, подпольный философ, вечерами пускался в рассуждения... «Женщина, — говорил он, — одевается для удобства мужиков. Она как товар в магазине — должна быть чистой и блестящей. Несамостоятельная у ней одежда. Плохо одета — ей завидно, она не хочет выглядеть хуже других. Принарядилась — опять нехорошо: вдруг платье скрывает те места, которые надо подчеркнуть?»

Когда-то, давным-давно, у меня была знакомая, которая страсть как любила принимать красивые позы. Сидит она, разговаривает — так нет, не просто сидит, а позирует. И когда я приходил к ней на свиданку, она стояла как-то по особенному, правда, красиво это выглядело, ничего не скажешь. И жесты у нее были эффектные, она словно застывала. И все, любое движение, было мне знакомо, каждый день, когда я видел ее, застывшую, все это мне что-то напоминало. Потом я понял: все жесты, все позы она копировала с манекенов, выставленных на витринах магазинов женской одежды.

Что ж, все это объяснимо.

Истину, говорю я вам, одну истину. Человеку очень мало надо. Он может жить в коммунальной квартире. Может и без квартиры. Он может работать как вол и за маленькую зарплату. Может и без зарплаты. Жить на хлебе и на воде. И совсем без хлеба. Только обязательно ему надо все объяснить. Если ему объяснить, толково, ссылаясь на классика, он все примет.

Хороший из меня проповедник. Себе, во всяком случае, я все объясняю.

Вопрос: что такое средний род?

Это из грамматики. Мы привыкли, что все одушевленное в мире — мужского и женского рода. Что такое средний род? Бесполое? Есть ли в каком-нибудь еще языке, кроме русского, понятие «среднего рода»? А может, это гениальная догадка наблюдательного мыслителя, который однажды, случайно попав в метро, увидел навьюченную сумками работницу — она же служащая, она же общественница, она же домохозяйка — неопределенного возраста, со спущенными чулками, которой было решительно наплевать на пристальные взгляды особ мужского пола — так вот, этот находчивый мыслитель и подумал, что может диссертацию защитить, прямо перед ним его кандидатская восседает, а ведь все просто, ввести в науку новый термин — средний род, ведь существо, навьюченное сумками, оно же не иначе, как среднего рода.

Но жена моя, глупая больная девочка, она ни в чем не виновата.

Как ловко ты устроился! Как хорошо ты все объяснил!

Виноваты все. Всему виной традиции, тяжелое послевоенное время, укоренившееся отношение к женщине, чрезмерные требования и даже политика.

Только ты, ты сам, не при чем. Здорово?

Она окончила школу и поступила в институт, ибо папа ее был умным человеком и говорил, что женщина должна иметь высшее образование, и лучше — техническое, — инженеры всегда будут нужны. И она училась четыре года в одном инсти-

туте, потом бросила и пошла работать, потому что ей не нравилась специальность. Ей хотелось преподавать историю в школе, — но ведь папа сказал, но уже четыре курса технического вуза! Потом она поступила в другой институт, где ей зачли два с половиной года обучения. Потом она перевелась в третий, заочный. Через десять лет она получила диплом инженера.

Зачем? Кому нужны полиграфисты, когда нет новых типографий, а есть новые выпуски специалистов?

Итак, работа не по профессии. Кто виноват? Папа? А ты, ты женился на ней, когда она была на втором курсе. Ты, конечно, не при чем?

Далее. Все ее подруги довольны работой. Все ее подруги вышли замуж. Мужья помаленьку продвигаются. Защищают диссертации, строят квартиры, покупают телевизоры и магнитофоны, воспитывают детей. Мужья постепенно становятся солидными, начальниками, специалистами. Все как у людей.

А чем может похвастаться Наташка? Сначала ее муж физик. Приличная работа, платят лучше, чем ожидалось, да и вообще к ее мужу отношение прекрасное. Идет на выдвижение, на повышение, диссертация, считай, в кармане. Он уверен, дескать, вот-вот сделает важное открытие, но тут выясняется, что он ошибается, или, как ему кажется, он один прав, а все кругом ошибаются. Методы доказательства своей правоты существуют разные, но выбирается весьма оригинальный: муж бросает науку и играет в ресторане на аккордеоне. Потом он уезжает на Дальний Восток и вербует на сейнер. Потом кто-то зовет его в Певек, где он вдоволь хлебает романтику Севера и попутно получает новую специальность синоптика. Наконец, блудный муж возвращается в

Москву. Пора остепениться? Не тут-то было. Оказывается, семья мешает творческим поискам. Опять ему мерещится жар-птица, которую он знает, где ловить. В погоне за жар-птицей Мартынов (то есть её муж) отправляется в Якутск, потом в Тикси. Некоторая неувязочка. Только через два года он понимает, что жар-птицу голыми руками не возьмешь. Снова Москва. Рядовой сотрудник в Гидрометеоцентре. Иллюзии остались. Но со стороны виднее. А со стороны получается, что прошло пятнадцать лет, а Мартынов был никто и остается никем.

Странная семейная жизнь. Вроде бы Наташка замужем, но только муж неизвестно где. Женщинам на Севере не место. «Что мужчине нужна подруга — это тебе не понять». Муж посылает половину зарплаты и считает, что на этом его обязанности кончаются.

Кстати, всюду ли он был в гордом мужском одиночестве? А Ира, которая прилетела в Тикси и жила там как законная жена Мартынова? Это, конечно, никому не известно, да? И потом он с ней не встречался?

Спрашивается, есть от чего попасть в клинику?

6

Однако, к делу, братцы мои, к делу. Не для того я стал бумагу портить, чтобы свою жизнь описать — никому она не интересна, моя жизнь, кроме меня самого — я хочу историю рассказать, последнюю, что произошла со мной. Думал вроде просто — садись и пиши. Так нет, все время отвлекаюсь: воспоминания, рассуждения, мысли всякие и прочая бодяга. Это только в юности кажется, что жизнь пойдет по прямой. А на самом

деле бросает тебя из стороны в сторону, куда-то заносит. Вы сами целеустремленно жили или тоже, так сказать, отвлекались? Ладно, я пишу как умею. Кому не нравится — пусть не читает.

Вспомнил! Во многих книгах авторы тоже так заявляли, дескать, кому не нравится — пусть не читает. А сами надеялись — все равно прочтут. Надейся, надейся.

Так вот, как ни крути, а для каждого из нас главное — это производство. У меня производство особое. Я вроде зам. Господа Бога по погоде. Четыре месяца я фурыкаю, листаю справочники, смотрю карты, на меня машины работают, считают (умные машины — уравнения вихря скорости как семечки щелкают, нелинейные модели долгосрочного прогноза мне выдают). И еще фотографии со спутников, и еще данные со всех метеостанций Союза, и еще все то, что синоптики в краевых и республиканских управлениях про это думают — все мне надо. А потом, потом я решаю: вот такая погода будет в таком-то месяце там-то и там-то. Ну не один я решаю. Целая шарага. И не я самый главный. Но и не последний. И хоть потом прогноз обсуждается на всех инстанциях, утрясается, утверждается, но выходит он за двумя подписями тех людей, которые непосредственно отвечают, с кого потом стружку снимать будут, если что не так. И моя подпись — вторая.

На ноябрь составляли мы долгосрочный прогноз.

«Угадай-ка, угадай-ка», — интересная игра, собирайтесь ребята, слушать радио пора. Разложили мы тетрадки, краски разные берем, мы ответы на загадки рисуем и пришлем».

Этой песней в моем детстве начиналась одна

из передач. Теперь и мне приходится рисовать «ответы на загадки».

Долгосрочный прогноз, вроде бы, дело невозможное. Тем более, что ноябрьский мы должны сдать... в конце августа.

Американцам лучше. Они прогноз дают в последних числах предыдущего месяца. Да 15 числа новый прогноз на месяц, перекрывающий старый. Но у нас в стране плановое хозяйство. Нашим организациям он нужен заблаговременно. На уровне зампреда Совета Министров его изучают. И смотрят — что где сеять, где раньше уборку делать, куда топливо подкинуть, где возможна аварийная ситуация, и какие сроки навигации, и на каких реках, и прочее и прочее.

Хошь плачь, а прогноз давай.

И если мы во второй пятидневке обещаем ясную погоду, а будут сплошные дожди — ничего страшного. Еще один повод для упражнений острословов над бедными метеорологами. Мы клянемся, что в Крым придет жара, а месяц выдался прохладным — тоже сойдет. Изматерят нас в бога и в душу доверчивые курортники, и успокоются. На то он и долгосрочный прогноз. Если он на пятьдесят процентов оправдался — у нас праздник. А бывает, что оправдывается только на десять процентов. А бывает, что и на два. Случается, что мы ставим минус. Пролетел прогноз, пролетел голубчик, как миленький, ничего не сошлось. Как лично я ко всему этому делу отношусь — разговор отдельный. Суть в следующем. Прогноз может сойтись и на восемьдесят процентов (чего, правда, по-моему, еще не бывало), но допустим не угадали мы только по Поволжью. Сказали, дескать, можно сеять, а вдарили заморозки, да такие, что погибли посевы. Вот тогда нам каюк. Или начнется сильный паводок, реки выйдут из берегов,

наводнение — а мы прошляпили. Вот это беда. Но пока (трижды плюнем через левое плечо) Бог нас милует, пока такие вещи мы угадываем. Как сказал Старик: «Нам везет» — а Старик мудрый, все понимает.

Подсчеты ведутся — много людей на точных машинах подсчитывают — и получается, что наш прогноз себя экономически оправдывает. Хотя врём мы много, но главное — угадываем. А это большая прибыль государству.

«Угадай-ка, угадай-ка», — интересная игра.

Как мы в нее играем — вам все равно не объяснить. На то она и наука, хитрая. Во всяком случае, палец на ветру не держим и на закат с грустью не глядим. Температура воды в океанах, состояние тропосферы, сезонные и широтные воздушные потоки — три кита, на которых мы стоим. Достаточно ли этого, опять же другой разговор.

И сидит бедняга-прогнозист четыре месяца, и чего он только ни анализирует, и всего он боится, и рвет с отчаяния волос за волосом на своей многострадальной голове и никто не знает, где кончается наука и начинается интуиция. Вот, таким путем.

Четыре месяца он готовит прогноз, месяц защищает, месяц шишки получает. И потом опять по новой. Итого, в году у каждого прогнозиста два ответственных месяца. А больше нельзя. Ни один человек не выдержит большей нагрузки. Это наше начальство понимает. Иначе придется институту регулярно заказывать участки на Ваганьково, да открыть счет в магазине похоронных принадлежностей.

А ведь можно найти прекрасную, спокойную, милую сердцу работу. Господи, сколько есть возможностей сачковать, особенно в науке! Мало ли я заслуженных деятелей перевидал на своем ве-

ку! Правда, наша контора особая, у нас, в основном, все труженики. Но ведь и тут устраиваются. Допустим, есть такая гипотеза, согласно которой в определенных слоях атмосферы перед образованием циклонов наблюдается повышенное содержание некоего газа (не будем давать название, иначе поймут, на кого намекаю, а там люди сидят серьезные — глаза мне выпарапают, это точно). Случайно появляется газ или нет, связан ли он с циклонами, а, значит, можно ли по этому признаку прогнозировать — вопрос требует выяснения. А для выяснения нужна статистика. Да не дней, не недель, а лет так десяти. И вот сидит деятель, трудится в поте лица, карты составляет, справочники издает — и ни за что не отвечает. Лет через десять он подведет итог. Есть взаимосвязь — хорошо, готова диссертация. Нет взаимосвязи — опять же хорошо, проделана большая научная работа, это тоже тема для диссертации.

Да я не завидую. Вот, к примеру, после того как облысеешь и заработаешь нервный тик, пишешь:

«По таким-то областям:

Средняя месячная температура воздуха ожидается $0 - 1^{\circ}$ (ниже нормы на 1°).

Месячное количество осадков составит 25-30 мм (норма, на востоке территории местами ниже нормы).

Малооблачно, преимущественно без осадков будет в четвертой пятидневке. В остальное время ожидается переменная облачность, местами осадки (во второй половине месяца преимущественно в виде снега, местами метели). Ветер во второй пятидневке южный, в остальное время преимущественно западный, 5-10 м/сек, временами до 15 м/сек.

Наиболее низкая температура (ночью — 12,

—16°, днем — —5, —10°) ожидается в 18-20 числах и в отдельные дни шестой пятидневки; наиболее высокая (ночью 0, +5, днем 7—12°) — во второй пятидневке. В остальное время температура будет ночью —3, —8°, днем —2, +3°».

Написал, и абсолютно уверен, что именно так оно и будет. И вот огромная область, миллионы людей, у них свои проблемы, свои заботы, свое начальство (важное начальство, если встретит тебя — глазом не поведет), а ты — незаметный, недоделанный научный сотрудник, — сейчас как бы главный над ними, чародей, маг. И, слушая тебя, они будут одевать плащи или шубы, выезжать за город или сидеть у телевизора, включать отопление, или ставить на прикол пароходы. А ты пьешь молоко, которое тебе за вредность полагается, и чувствуешь себя не иначе как зам. Господа Бога — шутка ли, установил погоду на месяц.

И действительно, потом, когда в актовом зале обсуждаются итоги прогноза, и если он, в основном, оправдался, — чествуют работяг и премию дают, — помню был сильнейший паводок на Аму-Дарье, топило, дамбы прорывало, да только три месяца уже готовились к нему, меры принимали, ибо наши ребята угадали его, за три месяца угадали, и он, браток, не подвел, погулял — так вот, я про то говорю, что сидели наши ребята и золотые нимбы сияли над их головами. Не верите? А я сам видел.

Но все это лирика.

А мы составляли прогноз на ноябрь.

И вот Кероспан, могучий армянин, который на прогнозах не только собаку — троллейбус съел (как тот австралиец, что на пари свою машину изжевал), который заморозки печенкой чувствует (печень у него поэтому и больная — воду он пьет минеральную и таблетки глотает), подпись кото-

рого будет стоять первой — словом, вызывает меня Кероспян и говорит таковы слова:

— Ладно, Мартыныч, хватит раком-отшельником сидеть, давай выкладывай начистоту, что у тебя там наболело и накипело.

Сели мы с ним итоги подводить. Ведь до этого только намеками отделивались, да разговорами типа: «Хорошо бы, хорошо бы нам моржа поймать большого».

Сидим день, сидим два. Гладко все получается. Сплошное удовольствие иметь дело с умным человеком. И по Восточной Сибири мы с ним большущий антициклон поймали. Необычные там, граждане, морозы для этого времени будут. Жуткое дело.

И так, постепенно, доползли мы до Европейской части, хотя с нее принято начинать, но у меня свой резон.

Выслушал я его. Красиво говорит. А потом свои соображения выложил.

Что будет, братцы, что будет!

Однако, ничего. Сбегал он куда-то, воду свою минеральную принес, таблетку запил.

— Интересно, — говорит, — как в кино. Ты, Мартыныч, человек проницательный.

— Что верно, то верно, — отвечаю, и глаза скромно опускаю. Дескать, смущен. А ведь взглянуть на него боюсь, на смех подымет.

Но нет. Варткесу явно не до смеха.

— Значит, первая декада ноября морозы.

— Точно, — отвечаю.

— Что ж, это редко, но бывает. Тут я с тобой согласен. Тут ты голова, хоть и не Бриан.

(Знал в молодости Кероспян наизусть «Золотого теленка». Мода была такая.)

— А вторая декада — оттепель? Да?

— Я не виноват, — говорю, — а будет средний нуль в центральных областях.

— А последняя декада — повышение температуры. До семи градусов, я так понял?

Я лишь вздохнул.

— Это в конце ноября — семь градусов! Может и северные реки вскроются?

И спрашивает он таким тоном, будто с идиотом разговаривает. Соглашусь с ним, значит, признаю: верно, братцы, законченный я кретин.

— Вскроются, Варткес. А будет ли паводок — сие надо рассчитать.

Тут я думал, он меня спросит, где ты, мальчик, учился. Ведь все знают, что не синоптик я, не кончал я ни Ленинградский, ни Одесский институты. Однако такого вопроса Варткес не задал. Видно, решил, что лежачего не бьют.

— Аналоги у тебя есть?

Это, значит, было ли нечто подобное в древние времена, хотя бы при царе Горохе.

— Есть, — говорю, — похоже было в двадцать шестом году и немного в сороковом.

Варткес вылил в стакан что там в бутылке оставалось, выпил, не залпом, а осторожно, маленькими глотками. Что-то он в это время обдумывал. Поставил стакан.

— Хорошо, Мартыныч, давай все с начала. Качала, мочало — начинай сначала.

«Что мужчине нужна подруга — это тебе не понять».

Опять Кипплинга вспомнил. К слову пришлось. Да неинтересно вам знать, как и почему такое с погодой происходит. Мои выкладки объяснят разве что узкому специалисту, да и то не всякому. Ибо доказать в нашем деле можно только очевидные вещи. И то, через два с половиной месяца эта

очевидность боком выходит. Кухню погоды варит капризная старуха. В маразм впадает, любого фортеля от нее ждешь. И как все бабушки, всегда, сволочь, говорит надвое.

А выкладки, между прочим, все сначала посмотреть, — работа часа на четыре. Уборщица два раза в комнату заглядывала и бормотала что-то для нас нелестное. Ее можно понять. Уборщице лишние хлопоты. А она тоже ни в чем не виновата.

Никто ни в чем не виноват.

Виноваты мы сами. А разве не так? Откуда ты тепло взял, Мартынов, в конце ноября?

— Так вот, старче, — сказал Кероспян, когда было уже десять вечера, и, естественно, я не только в больницу к Наташке не успел (решила, небось, что к бабам пошел), но и дочь моя спать голодной легла (лентяйка она, никогда себе ничего не разогреет, или телевизор еще смотрит и некому ее за уши оттянуть) — так вот, старче, — сказал Кероспян, — ничего ты мне не доказал. Откуда тепло в конце ноября?

— А что в нашем деле можно доказать? У нас бы тогда стопроцентный прогноз был.

— Ты мне хвост не крути, — сказал Кероспян и достал таблетку, но не было воды запить.

— Циклоны, пойдут циклоны со Средиземного моря. Все ясно.

— Ясно! — он чуть не заревел. — Почему же они раньше не пойдут?

— Раньше будут ветры с Атлантики и с Севера.

— А Средиземное море останется теплым, да? Оно у тебя странное море, ручное, да? Спрячет тепло, переждет холода, а потом пустит циклоны, да не на Францию и Испанию, как обычно.

— Туда придет холод с Атлантики.

— Вот, вот, сговорился с морем, такое оно хитрое и послушное, что обойдет теплом капиталистические страны и нам подарочек пришлет на Украину.

— Шутить изволите, Варткес.

— Это ты шутишь. Повеселиться захотел. Ничего ты мне не смог доказать.

— Но у меня интуиция...

И тут Кероспмян замолк, с минуту грустно на меня смотрел, а потом тихо так, интеллигентно говорит:

— Катись ты в задницу со своей интуицией.

7

Я лег, кувыркался некоторое время, потом понял: бесполезно, все равно не засну. Накинул пиджак, пошел на кухню, включил свет. Принес бумаги и чертил каких-то чертей, и сам с собой тихо разговаривал. Это была даже не работа, а допрос с пристрастием. Прав Варткес, абсолютно непонятно, почему я даю тепло на конец ноября. Циклон Циклонович Циклонов. Откуда? От верблюда. Ах, циклончики, мои циклончики, вы надели да панталончики. Циклончик миленький, такой хорошенький, пошел по улице гулять, его поймали, арестовали, велели паспорт показать.

А паспорта нет.

«Нету, нету» — как говорила официантка-эстонка. И все.

Может, я это просто придумал? Усталость, нервное напряжение, галлюцинации. Бывает.

Интуиция? Варткес указал точный адрес, куда мне с ней идти.

И все-таки должен человек хоть раз в жизни себе поверить. Стоять на своем, и точка.

«Да будет свет», — сказал Господь Бог.

«Да будет тепло в конце ноября», — сказал его заместитель Мартынов.

И потом я стал думать вообще про жизнь, вот, дескать, Алена, дочь моя, не такая уж дура, разогрела себе котлеты (диетические — 13 коп. в кулинарии, вчера покупал), и все-таки проявила силу воли, отказалась смотреть передачу «Химию — на поля», сама легла. Так мы и живем. Без Наташи. А ребенку нужна мать. «Мать моя в больнице». Второй месяц. А вдруг она не выйдет? Случается и такое.

Нет.

Только не про это.

Циклончики, мои циклончики. Циклон Циклонович Циклонов верхом скакал на кобыле.

Я поставил чайник на плиту и принес из комнаты фотографию Алены.

Забыл, как дочь выглядит.

Как и все дети, фотографируясь, она смотрела прямо в объектив. Теперь, с фотографии, она строго глядит на меня. Глупая девочка с серьезной рожицей. Сейчас, конечно, я ей нужен. Хожу в магазины, готовлю жратву, слежу за уроками. Пока. А лет через шесть-восемь ей будет не до меня. Новое поколение. Свои проблемы. Подруги, девочки, а потом и мальчики. Придется мне дежурить вечерами с палкой в подъезде. Ждать, когда Алена заявится. Я буду тогда «предком», а «предки» вечно мешают. Потом она влюбится в какого-нибудь охламона. Господи, прошу тебя, как сослуживца, ну хоть по благу, не дай, Господи, ей Иркину судьбу!

Я выключил чайник. Очень хотелось пить.

НОВЕЛЛА О МОЛОДОМ ЖУЛЬМАНЕ

(а попросту — о жулике)

Как в песне поется, так, наверно, и было:

Течет, течет реченька, да по песочечку
Золотишко моет
Молодой жульман, эх, да удалой жульман
Начальничка молит:

— Ты начальникек, всем начальничкам
начальничек,

— и я представляю его, много у меня было начальников, но этот особый выдался — всем начальничкам начальничек, крутой, жестокий, насквозь видит, как-нибудь и о нем расскажу —

Отпусти, эх, отпусти на волю
Знать, соскучилась, а, может, скурвилась
На свободе дроля.

— и ведь на коленях жульман стоял. Гордый, а стоял. Скрутило. Вот так, в грязь бросился на колени, а кругом люди, а он стоит и молит. Что касается начальника, то тот усмехнулся, посуровел, глянул пронизательным оком —

— Отпустил бы тебя на волю я,
Да воровать, ох, воровать ты будешь.
А ты напейся воды, воды холодненькой —
Про любовь забудешь.

Вот так и отрубил. Это же ни одному поэту в мире не придумать! Так только начальник может ска-

зять: «Напейся воды холодной — про любовь забудешь».

И хотя поет ее сейчас на магнитофонах модный певец, и хорошо поет, но я уверен, что песня — народная, подслушанная.

Я впервые её узнал от двух мужиков, с шеями в три обхвата, и плечища у них были такие, что когда ребята вставали, я вздрагивал и к стенке прижимался, — заденут ненароком, потом никакой конструктор не соберет. И везли они полные сетки бутылок пива, и пели они, конечно, перевирая мотив (потом-то я услышал правильный), и у них выходило «не про любовь забудешь», а «забудешь про любовь». И, клянусь, никто, даже самая близорукая учительница не смогла бы в них найти хоть намек на интеллигентность, так что магнитофонов они не слушали и песни по радио не разучивали — это точно. Значит, выучили они этот текстик где-то у себя, на золотых приисках.

Давно это было. Я летел тогда на грузовом самолете из Магадана в Певек.

8

Понимаете, необычная у нас система. Ну с Кероспяном я могу поспорить. Пошлет он меня подалее, но все-таки доложит, дескать, есть такое особое мнение клинического идиота. А со Стариком, профессором, начальником лаборатории мне уже спорить нельзя.

Но ведь дальше прогноз смотрят наши светила. Для них я вообще нуль, они не только со мной говорить не захотят, они часто друг с другом не разговаривают. А потом прогноз утверждают в Главке. Туда меня на порог не пускают. И, наконец, прогноз ложится на стол Зампреда Совета Мини-

стров. Он, конечно, о моем существовании не догадывается.

Значит, по идее, сидеть мне тихо и не чирикать? Все равно не услышат?

Так нет. Если я продолжаю настаивать на своем особом мнении — никуда от меня не денешься. А вдруг? Вдруг хоть на одну десятую процента я прав? Редкое стабильное потепление может привести к опасным явлениям. К примеру, посеют озимые как обычно, а в конце ноября они дадут бурные всходы — растения, что с них взять, не понимают, что тепло ненадолго. Затем ударят морозы. Это, кстати, часто бывает. А снежного покрова не будет. Не успеет снег выпасть и все. Что тогда? Погибнут посевы, погибнет урожай на половине Европейской части Союза. Кто же свою голову решится подставить под такое дело?

И начали меня таскать по инстанциям.

Но сначала я со Стариком говорил (в лаборатории его иначе не называют). И тут, чтоб долго не тянуть, скажу сразу: не убедил я Старика. Ни черта толком не доказал — однако Старик мне поверил. Взял и поверил.

— Мартыныч, — сказал Старик, такого тепла, как ты даешь, нам никто не утвердит. Да и быть этого не может. Но мы все же предупредим. Так и запишем: «ожидается плюсовая температура». Согласятся ли с нами — этого никто не ведает. Но я на твоей стороне.

Думаете, страховался Старик на всякий случай? Ничего подобного. Не такой он, Старик, чтобы подушечки подкладывать там, где можно поскользнуться.

Ведь это он меня в лабораторию взял. Я же, сначала, в другой отдел поступил.

Легенды по институту ходят о моем первом разговоре со Стариком.

Представьте: сидит Старик, ученый, труды его за границей печатаются, правительство его орденom наградило, сидит и срочную работу выполняет — из Генштаба ему звонили, просили указать количество осадков в сентябре по Белоруссии за последние десять лет. Понимаете? Генштаб его просит, дескать, сделайте милость, дайте такую справочку. А тут заявляется Неизвестнокто, по фамилии Никогданигдетакого не слышал, можно сказать, прямо с улицы (разве что в буфете раз виделись, очередь он за мной занимал), — заявляется и говорит примерно следующее:

— Уважаемый т. д. и т. п., хочу я вам свои соображения высказать о долгосрочном прогнозе вообще и о вашей лаборатории в частности.

Ну вот вы, окажись вы сами на месте Старика, срочной работы по горло, с Генштабом запросто беседовали, трубка еще не остыла — скажите, только честно, куда бы вы меня послали?

А Старик извинился, дескать, через полчаса приходите, буду к вашим услугам.

Был грех, подумал я, что увиливает. Интеллигентно меня по боку. Через сорок пять минут рабочий день кончается.

А я, братцы, давно к этому разговору готовился. Несколько лет я его репетировал. Все надеялся, встречу главного по погоде и выскажу ему в бога и в душу.

Маленькая анкетная справочка (можно к личному делу подшить):

Признаюсь, замечал я за собой такую склонность — высказывать начальству все, что я про него имею. Не раз мы это проходили. И как правило, совпадала сия откровенность с моим уходом с работы. Или начальству я сразу становился не симпатичен, или — продаю, братцы, сам себя продаю с головой — или я решал, что мол, пора, за-

сиделся. Как же отказать себе в удовольствии громко хлопнуть дверью? Героем становился в глазах сослуживцев. Со слезами провожали. Правда, плакали лишь со мной наедине. Без свидетелей. Невидимые миру слезы. Но не высказаться, братцы, я не мог. Просто зуд какой-то, болезнь. Себе дорожке выходило. А так, вроде публичной исповеди, очистился.

И в тот вечер, когда Старик Генштаб успокаивал, я бродил по коридорам и повторял: «Ты должен, должен». Чувствовал я, понравится мне работа и потом не решусь. Привыкну. Пригреюсь к месту. Сколько можно выступать в роли кузнечика, прыг-прыг, прыг-скок? А не выложу я в откровенную — всю жизнь себя пилить буду, за человека не посчитаю. Сейчас в самый раз, пока не прикипел к стулу.

Лишь сожалел, что старикан симпатичный попался, чем-то он мне понравился. Наверно тем, что говорил тихо.

Прихожу я, а он меня ждет. Я ему траля-ляля, это пока из комнаты все не выкатились, а потом пошел. Точно не помню, но, наверно, говорил так:

— Это же все обман! Сплошное жульничество! Служба погоды держится на глупости людей, на их доверии к печатному слову, и в то же время, на их привычке не верить, вернее, не совсем доверять услышанному и прочитанному. Не будь этого — давно бы нас погнали в три шеи и заколотили нашу лавочку. Когда-нибудь кто-то догадается, осенит его, сердешного, простая идея: взять наш месячный долгосрочный прогноз и изодня в день проверять его. Обхохочется. Животик надорвет. Выяснится, что мы не в состоянии предсказать ничего похожего, чтоб хотя бы близко лежало. И если случайно, крайне редко, наш прогноз оправдывается — так на то теория вероятно-

сти: не можем мы совсем не попадать. Совсем не попадать — тоже высокое искусство. К счастью нашему, нет такого идиота. Всем некогда. Все выбрасывают вчерашние газеты, начисто забывая, что в них написано. Вот прогноз на сентябрь... «Начало месяца холодное». Вранье! Тропическая, тридцатиградусная жара была, редкостная. «Потом ненадолго придет волна тепла», опять мимо! Потом пришло похолодание. «Потом снова нудная холодная погода и где-то в конце — теплее». Кстати, это прогнозом называется: «где-то в конце — теплее?» По рукам надо бить за такие слова! И вспомните, нудных дождей не было. Пришла золотая осень, в которой вы категорически отказывали бедным москвичам. Поймите меня правильно. Я не хочу лично вас обидеть. У вас работа во много раз сложнее, чем у краткосрочников. Мы ничуть не лучше. Прогноз на завтра не можем дать! Чтобы сказать: «ожидается переменная облачность, местами кратковременные дожди» — никакого образования не требуется. Девяносто процентов гарантии, что попадешь. И ругать никто не станет. Люди подумают: «у нас нет дождя, — значит он где-то на местах». А если ливень на целый день, то человек соображает: «видимо, у нас такое место, ведь предупреждали 'местами', а у других, наверно, сухо, сам прогноз читал».

Так я поливал час.

И знаете, что мне Старик ответил? (Опять же тихим голосом, по-другому, я убедился, он и не разговаривает.)

— Америку вы не открыли, молодой человек. Спросите у любого — каждый с радостью подтвердит, что синоптики ошибаются. Но тем не менее, все поголовно жадно слушают прогноз на завтра. Знают, что мы можем наврать, но хотят верить. Многие покупают газеты и радио включают спе-

циально из-за метеосводки. Такова человеческая натура. Он хочет верить. Попробуйте нас закрыть. Страшно подумать, что будет. Мы нужны.

Вот так мне Старик ответил. Не по существу, не вокруг да около, а в разрез, наповал.

И захотел я извиниться перед Стариком, а он меня стал расспрашивать, кто я, да что?

Выложил я коротко про себя. Как физиком закидоны устраивал. Как по морю шлепал. Как в ресторане лабухом зимовал. Как синоптиком на Севере был (не приехал человек, и тут я подвернулся, образование подходящее, можно поднатаскать. И вообще, кратковременный локальный прогноз на Севере легче, чем в средних широтах. А мне интересно — словно шахматная партия.) Как и в лаборатории ионосферы на Тикси сидел, кухню погоды через космические лучи хотел понять, революцию в метеорологии совершить. (Когда не знаем предмета — мы все революционеры, все завоеватели. Пришел, увидел, победил. Пока сам, уже в институте, не влез в это дело по уши, я был уверен, что ни черта мы не разбираемся в кухне погоды, не нашли еще главного повара. Теперь и я стою на «трех китах». И даже, временами, верю в свой прогноз.)

Слушал меня Старик, а потом предложил:

— Переходите ко мне в отдел. Оформлением я сам займусь. И, кстати, я тоже кончал физмат.

И не то меня удивило, что Старик в дирекцию не стукнул, дабы меня к институту близко не подпускали и вахтеры двери запирали при моем появлении — нет, другое: как он догадался, что я давно к нему в отдел пробираюсь, ошущью, сам себе не признаваясь, — всю мою сознательную жизнь, можно сказать, я брожу около него.

С тех пор прошло два года, а недавно слух пополз, верный слух, дескать на каком-то совещании

или конференции, когда директор назвал Старика лучшим прогнозистом, Старик потом в кулуарах во всеуслышанье заявил: «Прогнозист номер один у нас Мартынов». А когда начали смеяться, он добавил: «Еще может и нет, но будет».

Шутил, конечно. Большой он шутник. Наверно, он и сам в это не верит. Каждый из нас только самого себя считает первым. Но ведь сказал. Значит, подумал. А уж если Старiku такая мысль пришла...

Теперь вам понятно, что не из осторожности Старик решил меня поддержать?

И еще я вам скажу: грош нам цена, ничего из нас путного не выйдет, если во всем мире не найдется хоть одного Старика, который в нас поверит.

9

— А в Закарпатье топить не будет?

— Не должно. Проскочат циклоны, не успеют.

И он успокоился. Больше я его не интересовал. Но Поладьева меня спрашивала с пристрастием. Гоняла, как студента на экзамене.

А ведь я сидел перед людьми, фамилии которых обычно произносятся шепотом. Я по их книжкам самообразованием на Севере занимался. А теперь я с ними, как ни как, коллега.

Или калека?

Во всяком случае, перед единственным зрителем, институтской красоткой Ниночкой, которая в углу притаилась — расчеты какие-то делала, — Поладьева меня представляла именно калекой, дефективным. И хоть Ниночка глаз не подымала, но я знал, что сегодня же, в буфете, я буду обрисован соответствующе.

Пожилые женщины смотрят на девушек, как ушедшие из спорта мастера на нынешних рекордсменок. Сравнивают, дескать, сама я бегала хуже или лучше? И хоть девушка рядовая лаборантка, но если она показывает «лучшие секунды», пожилая женщина — пусть она профессор, заслуженный деятель, за границу, как на дачу, ездит — завидует, хоть скрывает это чувство, но завидует ей. И, конечно, не упускает возможности взять реванш в другой области человеческих отношений.

Она все наседала.

— Но по численному прогнозу этого не видно?

(Не поленилась, посмотрела. А ты хотел ее взять голыми руками.) Я старался отвечать как можно спокойнее. Мне казалось, что вот-вот наш диалог пойдет по принципу «сам дурак».

— Максимум в 26 году?

— Шесть градусов.

Вкрадчиво, даже ласково:

— А вы даете семь?

— Даю семь.

— Может семь с половиной?

— Если хотите и десять будет.

Это я дал маху.

Никогда не думал, что Поладьева так смеется. Она сразу помолодела лет на двадцать. Да, лет двадцать назад она была ничего. И Харламов оторвался от бумаг и у него поплыло лицо, еле он сдерживался. И даже Ниночка изволила улыбнуться.

Поладьева резко оборвала смех, словно щелкнула выключателем.

— Вадим Павлович, думаю, что в словах Мартынова есть резон. Если поднести к градуснику паяльную лампу, он и не десять — пятьдесят градусов покажет. Только непонятно: сам Мартынов

будет с лампой по городу бегать или друзей позовет?

И еще жестче:

— Давно я так не смеялась. Мартынов человек способный. Если ему в сатиру и юмор подать-ся? Например, на радио, в «Доброе утро»?

И с некоторой грустью:

— Но у нас другое учреждение. И главное, мало свободного времени. А не стоит ли дирекции предложить Мартынову всерьез задуматься над его призванием? Вдруг он опять ошибается? Опять не ту работу выбрал?

Все про меня раскопала.

Сидор Петрович из соседнего отдела по четвертому выпуску денежно-вещевой лотереи выиграл звезду. (А разве они разыгрывались? Да нет, но случайно выпало.) Из созвездия Кассиопеи. Что делать? Подать ее на блюдечке? Но зачем? Придется заново издавать все звездные атласы. А это дорого.

Сидор Петрович спрашивает меня в коридоре:

— Мартынов, сколько она стоит? Больше, чем «Запорожец» и холодильник? А на «Волгу» вытянет?

Отвечаю:

— Сидор Петрович, у нее же свои планеты! Она в миллион раз дороже Земли! Что будете делать с таким богатством?

Совсем человек растерялся. Счастье какое привалило!

Ты начальник, всем начальничкам начальник!

Наивный я тогда был. Идеалист. Думал, что просто не понимает он, всем начальникам начальник. Надо к нему придти и объяснить. Все рас-

сказать, как есть. Может и не очень приятную, но ведь правду, чистую правду я ему скажу. А куда деваться от правды? Никто, дескать, не решался все ему выложить. Стеснялись. Так я буду первым.

Он слушал. Но глаза его пропадали. Они становились пустыми, как турбины ТУ-104 перед вылетом. Начальник все время улетал.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Постараюсь вам помочь. Я всегда внимательно следил за вами.

Ничего он, конечно, не сделал, да и не собирался. Он знал меня лучше, чем я сам себя. Он знал старое правило: надо принять человека и пускай человек выскажется. Потом можно и пообещать. Черт с ними, с обещаниями. Главное, чтоб человек высказался. Ему сразу станет легче. И будет он работать, как миленький.

А водитель троллейбуса говорил в микрофон, медленно, по слогам, наслаждаясь звучанием собственного голоса:

— Следующая остановка — площадь Маяковского. Из всех вошедших пассажиров только один взял билет. У остальных граждан наверно проездные. Предъявляйте. Контролер войдет на следующей остановке. Что будет, что будет! С каждого по полтиннику, по кровному полтиннику. Вот я вижу контролер уже ждет. Подъезжаем. Граждане, берите билеты, пока дешевые!

Подземный переход. На стенах кафельная мозаика. Национальный орнамент, якобы. Рисунки взяты с кухонных полотенец.

Эти мгновенные, непрекращающиеся, мелкие стычки между машинами. Кто кого возьмет «на понял»? Табель о рангах, как в учреждении. Ма-

шина — начальник. Машина — важный человек. Дипломат. «Москвичи» в одном чине. Делятся по характеру: задира, нахал, осторожный, тихоня. Грузовик, как маляр в коридоре — прет на служащих, знает, что они расступятся, побоятся испачкаться. «Запорожцы», словно молодые практиканты, к ним больше всего придираются.

Что купить на ужин? Что купить на завтрак? Остался ли дома маргарин? Фасованное мясо — что мне с ним делать? Зеленый горошек — а вдруг пригодится? А вообще, хватит ли денег до зарплаты? У кого занимать? Алена опять потеряла ручку. Я ей, конечно, скандал закатил. А толку? Чем прикажете ей писать? Носом?

Не помню, чтоб в Москве я просто так ходил по улицам. Я хожу по магазинам.

— Покупай еще бутылку: мы ее быстро оформим.

— Я вам правильно ответила. Я же не знала, что вы думаете задними мыслями!

— Что вы тут пьете?

— Мы не пьем. Мы закусываем!

— Куда я поступила? В институт, что рядом с Елисеевским гастрономом.

— Может я идиот, но я не глупый!

Закон, по которому становишься в кассу, когда кассирша начинает сдавать деньги.

На Севере я много читал. Сейчас нет времени. Изредка просматриваю Сименона и фантастику. И то только в метро, когда еду на работу. На обратном пути руки заняты. Папка и авоська с продуктами.

Но в кино я все-таки выбираюсь. Мне повезло. Я видел три лучших фильма: «Пепел и алмаз»,

«Земляничную поляну», «Восемь с половиной». А «Джульетта и духи» мне не нравится. Помню, я очень рассердился после просмотра. И не потому, что мы с товарищем прорывались в Дом кино с риском для жизни (по пожарной лестнице карабкались, в открытое окно туалета прыгали). Нет, господа. Мне не нужен такой роскошный дом, как у Джульетты (хотя от двухкомнатной квартиры я бы не отказался). Не нужны ее машины (но плохонький «Москвич» — тоже не помешает). Она не знает, что такое деньги (а мне бы хоть зарплату прибавили). Господа, дайте мне возможность спокойно работать и не проводить в метро и магазинах половину жизни, и не выгребать мелочь из Алениной копилки перед получкой. И тогда, господа, мне бы ваши проблемы! Махнемся, не глядя?

Поезд метро, как длинная цепочка сарделек. Остановился на последней станции. С шипением лопнул. Вывалил содержимое. Уполз, пустой и прозрачный.

Что за бред? В ванной развешено мое и Аленино белье. Плита на кухне вымыта. На огне в кастрюле бурчит что-то аппетитное. Алена лежит кверху попкой, читает. Портфель ее собран, значит, уроки сделаны. Мария Алексеевна приходила? Да нет, не ее почерк. Алена хитро на меня посматривает.

— Алена, кто это у нас?

— Тетя Ира.

— Где она?

— За молоком пошла.

— Вот дура! Разве найдешь молоко так поздно в нашем магазине?

Братцы, а я плакал, а я жаловался! Ирка ко

мне пришла! Все простила. Вернулась. Моя па-
лочка-выручалочка. Мое счастье.

10

Теоретические выкладки. Как все это бывает.

С Дальнего Востока я приехал. «Баб не видел я года четыре» — так в одной песне поется. Вроде бы про меня. А в Москве весна. Девочки ходят, юбки выше колен. Подросло новое поколение. На тебя смотрят презрительно, ты для них древняя история.

С Наташей мы сразу поцапались. Что-то мы тогда много ругались. Она все еще переделать меня хотела. Чтоб жизнь наша пошла, как у людей. Короче, решили, что не сошлись характером.

Снял я комнату. Благо деньги были.

Хозяйка комнаты жила в другом районе. Комната ей от покойного мужа досталась. Дочка ее несколько раз приезжала. Какие-то вещи взять, за электричество заплатить и т. д. Пошли мы с ней в кафе. Я мастер потравить, особенно, когда у слушателя глаза хорошие. И произвел, произвел, сволочь, впечатление бывалого человека, такого сильного мужчины из американского вестерна. А может, ей просто интереснее со мной было, чем с бывшими одноклассниками!

Потом еще мы встречались. Потом она у меня на ночь осталась.

Братцы, хоть я, можно сказать, человек аморальный, но тут, видит Бог, я сопротивлялся. И не потому, что мне этого не хотелось. Просто не думал я отблагодарить хозяйку таким способом. Но Ира мне намекнула, дескать, я не первый. А во-вторых, сказала, чтоб дураком я не был. Я решил, что нравы такие. Мол, отстал от века. И,

главное, появилась у меня возможность взять реванш у молодого поколения, доказать, что не такая я древняя история.

Оказалось, что я первый.

И продолжала она ко мне приходить. И говорила, чтоб я не беспокоился. Что это не мое собачье дело. Так ей нужно.

Кто же из нас, сволочей, не пойдет на легкий роман?

Действительно, ей это было нужно. Большой она авторитет среди своих подруг имела. Еще бы, первая отважилась, да со взрослым мужиком. Иллюзия настоящей жизни.

Была она тогда нескладушка-неладушка, с идиотской прической, но с серьезными претензиями на роль роковой красавицы. С половиной мальчиков из своего класса целовалась, — не как-нибудь!

И сколько было дури в этой голове, Господи!

Стал я постепенно учить ее уму-разуму. Воспитывать. И то, что она в университет поступила, тут ее маменька мне спасибо должна сказать. Девка была капризная, балованная, «власть предков» для нее не существовала.

Возможно, я забыл, каким сам был в таком возрасте. Хотя, помнится, мы тоже не ангелами росли. И по «броду» шлялись, и на бульваре за девочек дрались, и в рестораны раз в месяц ходили, а возвращаясь по ночным улицам, громко горланили. «дымок от папиросы, дымок голубоватый».

Но, кажется, имел каждый из нас что-то главное.

Ух, как не нравилось мне современное поколение! Соберутся ее подружки и давай «ля-ля» на три часа. Кто в чем одет, кто что купил, кто что на ком видел, кто что кому сказал — а он что?

а она что? И курят, елки-палки, курят сигарету за сигаретой, в комнату не войти.

Чего я только ни делал! И по роже бил, все за сигареты. Бесполезно. Мода такая, хоть умри.

Нет, не та нынче молодежь пошла, не та.

Пока не забыл, одна важная деталь: сразу я предупредил — характер характером, сошлись не сошлись, а от Наташи я не уйду. Там дочка моя, Алена.

— Мне это не нужно, идиот проклятый!

Вот как мне отвечали.

Потом я вернулся к Наташе. А с Ирой продолжал встречаться. Семейную телегу легче тащить, когда есть еще другой человек, на плече которого можно вдоволь поплакаться, на жизнь свою несчастную пожаловаться. Удобно.

И так все начинается. Вроде бы никаких обязательств, никто никому не должен, бежишь к ней, когда тебе плохо, а если хорошо — сидишь дома, дочка на коленях, жена под боком, телевизор смотришь.

И опять я уезжать собрался. Охота к перемене мест не прошла. Ждала она, что я ее с собой возьму? Не знаю. Но есть у меня догадка, что показалось Ире, будто я могу подумать, что она может подумать, дескать, с собой я ее пригласить обязан. И она мне говорит:

— А я замуж выхожу.

Посмотрел я на ее жениха. Мальчишка. Нерядно. А вдруг? Брак — лотерея. Посмотрел я на нее. Расцветает девка. Или просто прическу изменила? Но со мной то ей не жить, это точно. Зачем зря голову морочить? Кто-то там во мне скреб, кошки или мыши. Все-таки не игрушки. Свою Иру собственными руками замуж выдаю.

Но нет, мы сильные мужчины с дикого американского Запада, вместе со Збигневом Цибульским в упор из автомата палили. Еще Кшижевской номер комнаты в отеле называли, два пальца по законам католической церкви подымали: «Клянусь, я буду ждать!»

— Иди, — говорю, — только не спеши расписываться. Поживешь, увидишь.

И уехал.

В Якутске я жил. Затем — в Тикси.

И в Тикси она ко мне прилетела. Зимой. Одетая по-московски модно. Дура, не знала, какие морозы на Севере. Ревела от холода, пока я ее из аэропорта на газике вез.

Где только она деньги на дорогу достала?

Тикси. Одиночество на станции. Пурга за окном лютует. Кажется, весь мир замерз и навсегда. А женщин, женщин вообще в природе не существует. Понимаете?

И тут такая девочка, с неба. Кто же отошлет ее обратно?

И жили мы — как муж и жена.

С тем пареньком у нее не получилось, так что угрызений совести у меня не было.

Весной она уехала экзамены сдавать. Заочница. А в конце июля я появился в Москве.

Интересная у меня жизнь пошла. Поздно домой стал возвращаться. Дескать, библиотека, совещания. Комнату на месяц снимал. Якобы, для работы. Известно, какую комнату.

И вот начал я замечать, что, как мне время домой идти, глаза у Ирки темнеют и в них искры мелькают. Молчит. Курит. А глаза большие, прямо фосфоресцируют. Не к добру все это.

На отпуск в Эстонию вместе поехали.

«Володенька, Володенька, Володенька ты мой, люби пока молоденька...»

И так жил бы я с Ирой...

Но у меня, ребята, две девочки. Одна глупая, другая еще глупей. Что же мне с ними делать?

Наташке тридцать с хвостиком, а все равно — ребенок. Наивная и беспомощная. У всех жены как жены — по комиссиянкам бегают. А Наташка фотографии артистов покупает.

Ну, а дочери моей — десять лет.

Вернулся. Послал Наташку на курорт. В санаторий путевку достал.

Тогда-то Алена познакомилась с «тетей Ирой». Возилась она с дочерью, пока я, засучив рукава, погоду для наших широт придумывал.

Потом прошел еще год «интересной» жизни. И разговоры, разговоры. Ведь я не скрывал, что люблю Наташу.

Предлагал я: «давай кончать».

Соглашается: «давай». И чувствую, сейчас заплачет.

«Только не сразу, — говорит, — тяжело сразу».

Женская логика. Но и я уже как-то плохо представлял себя без Ирки.

Что-то случилось с Наташкой. «Как-то мне беспокойно», — говорит. Что-что беспокойно? Не знает. Одна в комнате боится оставаться. Может, бзик какой-то? Но я все время с Наташей. Выступал в роли психотерапевта. Дескать, ерунда, не обращай внимания, дыши глубже, это все кажется. Говорил, как маленькому ребенку.

Ребята свели меня с хорошим врачом. Он приехал к Наташе. Беседовал. Подтвердил: ерунда, не обращай внимания. А потом меня на кухню: «Нет, — говорит, — это не кажется». И посадил ее на «схему», таблетки пить.

Немного она успокоилась.

Как понимаете, мне было не до Ирки. Месяц

се не видел. Потом позвонил ей домой. «Нет, — отвечает, — не могу с тобой встретиться». Не можешь, иди к черту. Подумаешь, обиделась. Как будто я на курорте загорал. Ничего, переберется. Куда она от меня денется? Сама позвонит.

Не звонит.

Я такие вещи ей не прощал. Но тут не выдержал. Звоню.

А она легко со мной разговаривает. Не могу и все.

Неделю ждал. Опять звоню. Мать подходит к телефону. Ей давно про меня известно.

— Я, — говорит, — вас хочу спросить, что с Ирой? Она дома не живет. Вы поссорились?

— Нет, — отвечаю, — просто занят я был. А с Ирой все в порядке. К экзаменам, наверно, готовится. Вы не волнуйтесь. У нее полный порядок.

Догадался я, какой у нее порядок.

Звоню. Мать у телефона. Кладу трубку.

Звоню. Кладу трубку.

Все-таки, поймал.

— Ну, здравствуй.

— Привет.

— Тебя можно поздравить?

— Можно.

— И давно?

— Месяц.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— А что соседи думают?

— А соседи давно уверены, что живу я со всем кварталом.

— Здорово. Это ж не просто заслужить такую репутацию.

— Стараюсь.

— Может, увидимся?

— Зачем?

— Поговорим.

— Поговорить можно.

Встретились мы в скверике около ее дома. А знакомое окно светится. Мне ли не знать это окно?

— Он там?

— Там.

— Ведь я могу подняться и вышвырнуть его.

— Нет, не можешь.

Спокойная пошла беседа. Что да как. С парнем она вместе в школе училась. Один из тех, с кем целовались. Теперь диплом защищает. Наверно и у него была какая-то неудача в личной жизни. На этой почве они быстро сошлись.

— Он любит тебя?

— Да. И я тоже.

Про погоду поговорили. Рассказал я, что где ожидается. Проводил до подъезда.

— Всего тебе хорошего, Ирка.

— Спасибо.

И убежала. И знаете, что меня в этот момент поразило? Ее лицо. Счастливое лицо. Обнаженное, как у ребенка. Такое лицо у моей Алены бывает, когда я после нотаций и угроз отпускаю ее гулять с девочками.

Вечерами я к Иркиному дому подходил. На окно смотрел.

Светится.

И шел я домой пешком, и станции метро мелькали как километровые столбы.

Все правильно. Все справедливо. Это для тебя Ирка еще взбалмошная девчонка. А она давно стала женщиной. Взрослой красивой женщиной. И у нее своя судьба. И пусть она будет счастлива.

И главное, не поверите, радостно мне было. Больно, конечно, но радостно. Потому что понял

— люблю я ее. Очень люблю. Вот она, пришла любовь. Поздно, но пришла. И на том спасибо.

И вот тут мне следовало повеситься. Но я, сволочь, не повесился.

Я ее дома по телефону застукал и сказал:

— Слушай, Ирка. Это, конечно, ничего не меняет и изменить не может. Я все понимаю. Что было, то было. Все кончено. Но вдруг одно сообщение доставит тебе удовольствие. Как говорится, задним числом. Плата по счетам. Дело в том, что я люблю тебя. И любил. Только сам не догадывался. Нет, я ничего не прошу. Просто, ты выиграла, хотя этого тебе уже не надо. Я люблю, и если бы мы начинали сначала, я бы женился на тебе. Прощай и будь счастлива!

Положил я трубку, и не было рядом ни одного человека, который бы тут же в кровь разбил мою подлую, гнусную рожу. Не было, братцы, никого рядом не было.

А потом, ночами, я лежал с открытыми глазами и думал, светится ли сейчас то окно или нет.

Свет в окошке.

Шли недели. А в общем, немного прошло. Два с половиной месяца.

Однажды Наташа мне сказала:

— Поедем к Игорю.

Мы поехали к ее врачу, и он долго беседовал с ней, как с маленьким ребенком, а потом вышел ко мне в коридор.

— Не оставляй Наташку ни на секунду одну. А я поеду в клинику. Может, мне удастся сегодня ее положить. Скверное дело, Володя.

Остальное известно.

И вот Ирка опять у меня. Потому что я сволочь. И хоть, тогда, по телефону, говорил совершенно искренне, но ведь знал, знал — забросил

крючок, и есть надежда, что и с дипломщиком у нее ничего не получится. Не получится — мне про это не доложат и на звонки мои не ответят, гордые мы стали. Но только, как меня скрутит и будет мне худо, вернется Ирка, сама прибежит.

— Понимаешь, сейчас я ничего не могу решать, ничего не обещаю. Сначала она должна выздороветь.

— Кретин. Я всегда говорила, что у тебя запоздалое умственное развитие. Или в детстве по голове били?

С одной стороны — красиво. С другой — опять я вексель выдаю. А когда платить буду? Чем? Ведь чувствую, не забыла она те мои слова по телефону. Только нет у меня иного выхода. Дочь беспризорницей растет.

При желании, всегда найдутся объективные причины.

Братцы, да я афоризмы как блины пеку! Надо их выписать, чтоб не повторяться, и в рамочку взять.

Человеку очень мало надо. Если ему объяснить толково, ссылаясь на классика, он все примет.

Как ни крути, а для каждого из нас главное — это производство.

Грош нам цена, ничего из нас не выйдет, если во всем мире не найдется Старика, который в нас поверит.

Пожилые женщины смотрят на девушек, как ушедшие из спорта мастера на нынешних рекордсменок.

Нет, не та нынче молодежь пошла, не та.

При желании всегда найдутся объективные причины.

Пока все. Но коллекционеры могут вырезать и на стену повесить.

— А хорошо тебя Поладьева отделала, — сказал Кероспян. — В одном только она не права: слабоват ты для сатиры и юмора. Хотя, как мишень — годишься.

— Права Поладьева. Она умная женщина. Примерный урок тебе дала, — сказал Старик. — Впредь учти: кавалерийским наскоком, психологической атакой ничего не добьешься. Аргументы нужны. Веские доказательства. Москва ни словам, ни слезам не верит. Давай вместе подумаем. Авось, что-нибудь найдем.

И засели мы со Стариком. И показал он мне Кузькину мать. И объяснил мне, дураку, как умные люди работают. Где надо вполголоса, а где и крикнуть можно. И блефовать запретил. Зачем рисковать, когда в колоде еще полно козырей. Подойдут козыри, обязательно подойдут, вот тогда и раскрывай карты.

А главное, понял я — Старик тоже что-то почувствовал. Будет тепло. Придет, как по заказу.

Для того заборы строят, чтобы дырка в них была. По-моему, это строчка из песни: «Не сама машина ходит, машинист машину водит». Впрочем, не уверен.

Правда, по дворам и закоулкам поплутать следовало. Зато какой пролом! Мечта, а не пролом! Народ через него с сумками валил, как на демонстрацию. Дежурные санитарки лишь крикали и отворачивались. Тоже люди.

Наташу я не увидел.

Спрашиваю у девочек, с которыми она обычно гуляет. Отвечают:

— Упала она вчера на прогулке. Унесли ее в палату. Лежит и не встает.

Как прорваться через двойные двери? Одну открыл ключом от нашей квартиры. А в другой замок не тот.

Тихо и темно, как в незнакомой прихожей. Подергал за ручку. Качаются створки. Отошел к стене, разбежался и плечом.

Распахнулись.

По лестнице на второй этаж. Пролеты металлической сеткой затянуты. Сачок для бабочек. На двери отделения табличка: «Не стучать».

Царапаюсь. Шаги. Открывают.

— Вы как сюда попали?

— Врач разрешил.

— К кому?

— К Наташе Мартыновой.

— Узнаю.

Хлопнула дверь, щелкнул замок. Шаги затихают.

Но если ей плохо, должны пустить? Если действительно плохо — пустят.

Открывают.

— Проходите.

Пустая палата на десять коек. Лежит она одна, моя девочка, головы не поднимает.

— Кисик, что с тобой?

И тут же сам себя — «цап». Спокойно. Ты только не расползайся. Плохие у нее глаза. С фиолетовым отблеском.

— Как Алена?

— Прекрасно Алена. У Алены все прекрасно.

— Зря ты мне принес. Возьми из тумбочки конфеты и печенье. Я ничего не ем. Отнеси Алене.

— У Алены склад конфет. Завалена она печеньем. Лучше о себе расскажи.

Рассказывает. Новое лекарство ей дали. Курс лечения сменили. Экспериментируют. На улице

головокружение почувствовала. Обморок. И сейчас встать не может.

Я, конечно, про врачей свою шарманку завел. Какие они умные да разумные. Как все на свете вылечивают!

— Вижу. Тут люди годами лежат. Врачи даже не знают, что со мной.

Знают, Кисик. И я знаю. Только тебе этого знать не надо.

— Диагноз известен, — говорю, — нервное переутомление.

— Ладно. Расскажи лучше, как дома.

— Прекрасно дома.

— Представляю. Алена совсем одна.

— Да нет. Нашел я домработницу. Исполнилась твоя мечта о домработнице. Только она не пожилая. Пожилых домработниц вообще в природе не существует. Их ни за какие деньги не сыщешь.

— Как зовут?

— Ира.

— Опять?

— Да не та Ира. Та Ира весной замуж вышла. Я же тебе рассказывал. А эта с родителями поругалась. Жить ей негде. А я кормлю и двадцать рублей обещал. Всем выгодно.

— Где ты ее откопал?

— Мария Ивановна из нашего отдела познакомилась.

— А без нее нельзя?

— Не получается. Мои старики еле ходят. Им самим нянька нужна. Они к нам на пятый этаж не подымутся. Тетка твоя тоже больной человек. Два раза в месяц приезжает. Больше у тебя никого нет. Никого у нас нет, понимаешь?

— Они ладят?

— Ладят.

— Слушается она Иру?

— Не очень. Они вроде подруг. Та на Алёну крикнуть боится.

— Обед готовит?

— Готовит.

— Хорошо. Из школы Алёна голодной приходит. Не ест она там, на продленке. Может, Ира у нас останется, когда я из больницы выйду?

— Не знаю, Наташка. У нее какой-то парень. Вдруг к нему уйдет?

— Отметки?

— Теперь Ира следит за уроками. Думаю, троек не будет.

— Что на работе?

— Все о-кэй.

Она помолчала, а потом и говорит:

— Женишься ты на Ире и Алёну заберешь.

Меня даже в жар бросило.

— Кисик, — говорю, — маленький, что ты там придумал? Совсем ты... словом, ерунду несешь. Разве я могу такую глупую девочку бросить?

И верно, ребята, никуда я от нее не уйду. Детей не бросают.

— Кисик, — говорю, — ну, давай, я уволю Иру.

— Не надо. Раз Алёне хорошо, пусть живет. Скажи ей спасибо.

— Но если это тебя волнует...

— А меня, Вовка, уже ничего не волнует. Я просто отбываю свой срок на земле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Бескрайнее озеро, на голубоватой поверхности которого плывут маленькие пушистые облака. Ниже — тонкие пластинки льда, окаймляющие бурые маслянистые пятна земли.

Кухня погоды. Жидкая похлебка с разваренными пельменями. Мы до сих пор не можем ее расхлебать.

Потом все затянулось. Закрылась лавочка. Или, говоря по-нашему, пошел мощный фронт.

Самолет пробил облачность. Льдины, серые, словно истоптанные галошами, застыли в зеленой болотной воде.

Летели низко, казалось, метрах в пяти надо льдом. Видны были даже маленькие бугорки и разводы. Летели очень медленно. И как наша тяжелая машина не падала на такой скорости? А вот и земля. Четко различаешь каждую кочку, каждый ручеек. Не остановились ли мы в воздухе?

Но вдруг вынырнули и быстро понеслись назад маленькие домики, склады, дороги.

Вернулось ощущение высоты.

На желтом трехэтажном здании аэропорта четыре надписи:

Слава КПСС!

Слава партии Ленина!

Амдерма

Миру мир!

К самолету подскочил «Газик». Сзади, на кузове прикреплено светящееся табло: «За мной».

После длительного дождя со штормом небо несколько очистилось. Стал виден дальний маяк,

который всегда скрывала дымка. Желтое солнце садилось без единого облачка — оно увеличивалось, но не краснело. Оно опускалось, как раскаленный шар, и казалось, что бурное море на самом деле неподвижно. Море расплавилось и блестело стальными выбоинами.

Мои соседи не умолкали. Редко встретишь такое родство душ. Каждый из них с радостью убеждался, что его собеседник думает так же, и они были очень довольны друг другом.

Смысл их разговора сводился к следующему:

Не имей сто рублей, а имей сто друзей
Мы не настолько богаты, чтобы покупать
дешевые вещи
Женщины потеряли всякий стыд
Здоровье дороже

Я сидел и ждал у моря погоды.

Сколько я потом времени провел в аэропортах! Но тогда я впервые, на своем личном опыте, испытал, что есть, оказывается, разница между рекламой аэрофлота, с симпатичной стюардессой-манекеницей, и действительностью.

Подлетел на такси, сдачи не взял, некогда, на самолет опаздываю! Бегом в вокзал. А там не разбежишься. На всех скамейках люди вповалку. Сидят, лежат, спят, в карты играют. Дети под ногами ползают. В проходах мешки, чемоданы.

Я к справочной.

— Объявили посадку на Москву?

А девушка взглянула на меня и даже улыбнулась. Смешным я ей показался. Закрыта, говорит, Москва. Третьи сутки закрыта.

Теперь-то это дело привычное. Всегда что-нибудь закрыто. Север или Запад. Или Восток. Наш

брат синоптик хорошо работает. Впрочем, над ним не каплет.

Смешно, ребята. Смешно вспоминать, как я пытался найти концы, разузнать, что да как. Начальство в аэропортах особый народ. Профессионалы. Чуть пробка — пропадает начальство. Днем с фонарем не сыщешь. А девушку в справочной можно понять. Всю смену к ней в окошко лезут красные потные лица. Нервничают. Кричат. А чего кричат? Что она им ответит?

— Ждите. Объявят.

Скучно ей.

Это я потом научился ждать.

Вообще, не помню дня, чтоб я кого-то или чего-то не ждал. Иногда ждешь чуда. Прихожу к выводу: ожидание — естественное состояние человека (не забыть афоризм взять в рамочку).

Однако я в первый же московский самолет пролез. К командиру корабля бросился. Документами размахивал, командировкой. Он и слушать меня не хотел. Тогда я ему в открытую:

— К жене лечу. Соскучился. Не успел жениться, как меня за тридевять земель услали. Паспорт со штампом покажу.

И вижу, глаза летчика приняли осмысленное выражение. Раньше он мимо меня смотрел. Наверно, что-то у него в голове сработало. Замкнулся контакт. Небось, когда-нибудь и он был на моем месте.

Посадил.

Врываюсь я домой. Все вверх дном. Отец ее, ныне покойный, генеральную уборку устроил.

Вдруг откуда-то из кухни кто-то несется в длинном до пят халате.

— Вовка приехал! Вовка приехал!

И прыгает до потолка.

И так она весь вечер песенку пела: «Вовка приехал, Вовка приехал». И прыгала.

Наташка тогда веселенькой была.

И еще я помню жару в Ташкенте. Солнце припекало, наваливалось на плечи.

Зашел я в чайхану. Старики сидят, чай пьют. И я взял чашку.

— Сахар, — спрашиваю, — есть?

— Сахар нет. Кампэт есть!

Конфеты, как конфеты. На столе газеты лежат за позапрошлый месяц и брошюры по санитарной гигиене. В динамике музыка их восточная играет. Душно.

Сижу, пью чай. Прикидываю, дескать, если убрать радио и газеты — всё, как сто лет назад.

Потом отправился в старый город, по улицам его узким блуждал. Плутаешь между белых глиняных заборов, кружит тебя, кружит и все больше проникаешься ощущением, что ты в прошлый век попал, а, может, и в позапрошлый. Но вдруг дыра в заборе, а во дворе — новенькая «Волга». На углу надпись прочтешь: «Улица Революционна Куча. Дом № 1». И, самое главное, школьники разом, целой ватагой появляются. Портфелями дерутся. Современные ребятишки. О футболе говорят.

Рассказывают, что не хотели старики в новый район Чиланзар переезжать. Тут у них и дом и сад. И привычно. Не желали и все, хоть земля трясись!

И затрясло.

Только змеи, ящерицы и прочая древняя нечисть еще за сутки из щелей и нор повылезали. Значит, каждая нечисть свой особый прибор имеет. Старый, тысячелетней давности — да поточнее наших, новейших. Ведь какое землетрясение пой-

мали! И, как положено, за двадцать четыре часа предупреждение давали. Штормили.

Что мы знаем об этом? А беремся погоду предсказывать.

Нет теперь старого города. А может, его и не было. И тебя там не было.

Но я помню... Что ты помнишь? А если тебе все приснилось? Или просто в кино увидел?

Помнишь, Ученый в Якутске сказал: «Способный вы человек, Мартынов, да ветер в вашей голове. И никакой самодисциплины».

Но ведь это я в Амдерму летел! Это я, Мартынов, погоду у Балтики ждал! Это я к Наташке торопился! И по старому городу я сам ходил! Это моя жизнь! Ее же не придумаешь!

Придумывают. Большие есть на это специалисты.

И еще неизвестно, что такое «ты сам».

Этикетка на коробке: «Универсальный стиральный порошок». Намек на мою жизнь?

Что осталось от нас самих? И были ли мы когда-нибудь сами собой? Что значит «ты сам»?

Некоторые свойства характера, перешедшие к тебе от отца с матерью — смесь генов, наследственность?

Какие-то навыки, привычки, выработанные тобой в детстве?

Анализ мыслей и наблюдений, то есть то, что ты замечал в обществе, в людях, в природе, причем, казалось, это видишь один только ты?

Определенные знания, усвоенные во время учебы и работы?

Так называемый золотой запас детства и юности.

А не растранижил ли ты свой небольшой ка-

питал на карьеру, на какой-то минимальный успех, на создание семьи?

Ведь за все надо платить. Может, ты уже пуст?

Нет тебя самого, понимаешь? Есть стандартная начинка:

- профессиональная подготовка (ты приработавшаяся часть хорошо налаженной машины, — если не винтик, то колесико, рычаг)
- житейский опыт (типичный для твоих сверстников. Тебе, естественно, он кажется исчерпывающим)
- информация (несколько большая, чем у большинства твоих сограждан, но меньшая, чем мог бы сам получить при желании — а в общем, такая же, как и у всех людей твоего круга)
- некоторые пространные рассуждения обо всем (характерные для твоих друзей и знакомых. Собираясь, вы говорите об одном и том же — одно и то же всякий раз. С человеком, который думает иначе, тебе разговаривать неинтересно)
- обрывки разных цитат и мыслей из книг
- старые песни
- старые анекдоты
- номера телефонов
- интимные истории (нечто подобное случилось и с твоими друзьями)
- огромное количество образов, сцен, ситуаций из всех кинофильмов, театральных постановок, и, особенно, из телепередач (Всесильный телевизор! Речи и музыка, лекции и драмы, футболисты, хоккеисты, артисты, фигуристы перешли в твою голову из голубого экрана. Они,

часть тебя самого. Это — как наркотик.
Ты не можешь без них)

Где же ты сам?

Тротуары Певека — длинные деревянные коробки, где спрятаны трубы теплоцентрали — скользкие обледенелые тротуары, с которых человека сбрасывают резкие порывы ветра, — ты ходил по ним? И маленькая комнатка на втором этаже здания барачного типа, а в комнате железная кровать, венский довоенный стул, и приемник на полу, и надписи на стенах, — все кому не лень изощрялись — ты там жил?

Было такое дело.

Ночью товарный состав медленно громыкает по мосту через Обь. Кто притаился на подножке, вцепившись в поручни и жмурясь при свете очередного фонаря? Это не ты ли возвращаешься с приятелем кратчайшей дорогой в город?

Было, братцы.

А море Охотников штормит, бьет волны с правого борта. Пена пузырится на палубе, ныряем мы, ох как ныряем носом. Море вдруг над твоей головой оказывается, а потом опять в небеса летишь. И вот оседает, оседает посудина, по корме, как по бульвару, буруны гуляют, матросики на мостике жмутся, капитан в мегафон орет. И всплывает, всплывает серая, как смерть, подводная льдина...

Стоп! Начало твое. Ходил ты по морю Охотников. А конец из какого-то фильма, а, может, сразу из нескольких.

Освещенное окно. Там твою любимую девушку обнимает чужой мужчина. Гаснет свет. Шумят черные деревья. Ты стучишься в немое стекло и видишь, что к нему, с той стороны, прилипло чье-то лицо.

Нет, Мартынов, это не твои дежурства у Ири-

ного дома, это «Земляничная поляна» товарища Бергмана.

«На этом наш оркестр свое выступление по программе заканчивает!» И все начинают деловито складывать ноты, и администратор верхний свет тушит. Но кипит, кипит жизнь в ресторане, еще не допили, еще толстые бабы в вечернем пан-бархате свое не отплясали — рано им сдаваться на милость кавалеров, которые, небось, по три пятерки уже выложили. И бегут, бегут мужики, трешницу суют, гуляют, их душа «Одесский порт» требует, а потом и «Моего Васю». Сделаем, ребята, сделаем. Но ты уверен, что если пройдешь ресторан насквозь — не очутишься ли в маленьком баре? А у стойки парень стоит в темных очках и лицо его очень знакомо. Может, в школе вместе учились? Да нет. У него за пазухой маузер и разговаривает он со своим приятелем, и зажигают они спирт в стаканах, в память друзей, что погибли в лесных отрядах.

Парад-алле открывает фокусник с неподвижным белым лицом. И идут, идут под прекрасную музыку, актеры и монахи, критики и проститутки, осветители и родственники, идут на финал режиссера Феллини, который любит и ненавидит эту жизнь, но принимает ее такой, какая она есть. Тебя, случайно, там не было?

...Ну, думаю, только бы ребята смыться успели. Ведь Старик дрался, его узнают. Стою, курю. А по улице топот. В ряд бегут. Человек пятнадцать. Набрали корешей. Я стою. Главное, успеть слово сказать, разговор завести, пока бить не начали. А пойдет разговор — договоримся. Друзьями разойдемся. Они все ближе. А я стою. Признаться, не очень мне весело.

Договорились.

Только не ты стоял, а твой товарищ. Но он

столько раз рассказывал эту историю, а потом ты ее рассказывал за него, а потом — за себя, что и вправду поверил: с тобой лично все произошло.

Обрывистые берега приморья — и высокие пальмы на Азорских островах; лихие виражи на шоссе между Холмском и Южносахалинском — и дорога через горы, по которой ползет тяжелый, со смертельным грузом пироксилина грузовик; потемневшие, словно прокопченные иконы в церкви Андрея Боголюбского — и с шипением вытянувшие шеи химеры Собора Парижской Богоматери; мощеная кругляками улица Якутска, бочка с водой на повозке, старик якут правит лошадей — и крутые стены Пармского монастыря; всеобщее братание в Корсаковском ресторане, два экипажа вернулись из рейса, на пол сбрасываются бутылки, каждый ставит свою, каждый угощает — и тост, который произнес элегантный офицер в немецкой форме (он дождался, пока все выпьют и сядут, потом окинул своего генерала холодным взглядом разведчика и сказал: «За нашу победу!»); чуть раскосые, с поволокой глаза школьницы (первая любовь!) — и Лючия Бозе поправляет упавшие на лоб волосы (тоже был влюблен).

Ты еще не запутался?

«Мы обошли все страны, все новые пути, наши острова светили, которых не найти». Отстреливаясь от петлюровцев, бежал по засыпанным снегом улицам Киева; сидел за круглым столом в институте академика Будкера; получил шифровку в туалете от нашего человека в Гаванне; ногой распахнул дверь кабинета начальника Радиометцентра и сказал: «Завтра придет Южак, надо давать штормовое предупреждение»; брал в Риме интервью у принцессы, с которой провел прошлую ночь; в пургу на вездеходе ездил в Рыбсовхоз за спиртом; стоял под пистолетом Грушницкого, выплевыв-

вая вишневые косточки; бродил всю ночь под окнами родильного дома; поправляя эполет, шантажировал сиятельного князя Меттерниха; под дождем сбрасывал вилами силос в яму; был удален с поля в полуфинальном матче с командой ФРГ; вечерами после школы торопился к учительнице музыки играть гаммы; лежал в засаде вместе с Венькой Мальшевым; хоронил товарищей — и тех, с кем водку пил и тех, которые в реальном мире, наверное, никогда не жили.

Вот теперь все закодируем — и в ЭВМ. Пускай машина определит процент твоей неповторимой индивидуальности, если эта индивидуальность еще существует.

— Игорь, плохо с Наташкой.

— Знаю. Заезжал вчера в клинику.

— Значит, верен их диагноз?

— Как сказать? Может, да, а, может, нет. Сейчас модно под это дело все подводить. Картина похожая. Но в нашей области много сходных состояний. Будем надеяться, Бог милостив. Нос не вешай — вытащим Наташку.

— Вижу. Она пластом лежит.

— Пробуют. Новое лекарство. Побочные явления. Каждый человек индивидуален, никто не знает, что и как на него подействует.

— Но если сразу такая реакция?

— Так ее еще не лечили. Экспериментируют. Всего по полтаблетки давали. Хитрое дело — человеческую душу химией ремонтировать. А иного выхода нет.

— Значит, что с ней — никто толком не понимает?

— Спрашиваешь! Понять, это почти равносильно тому, что вылечить.

— Знакомая ситуация. В нашей специально-

сти тоже никто ничего толком не понимает. Экспериментируют, пробуют, предполагают.

— С тобой легко разговаривать. Сам знаешь, как прогноз давать.

— Вот именно. Игорек, извини, если я на тебя набросился. Нервы. Я врачам верю, особенно тебе. Ничего другого не остается. Только я еще не встречал человека, который был бы в чем-либо уверен до конца. Наверно, век такой. Чем крупнее специалист — тем больше сомнений. Тоска с учеными. Иногда мечтаешь найти знахаря или колдуна. Знахарь траву сварит, колдун на палец поплюет и ветру подставит, но оба категорично заявят: «Да будет так!» И вдруг оно и случиться?

— Догадываюсь, колдовал ты в своем месячном прогнозе?

— Игорек, я бы все колдовство мира за одну здоровую Наташку променял. Слушай, приезжай как-нибудь вечером, благо магазин под боком?

— Светлая мысль.

Прогноз на завтра по Москве.

3 сентября. Дают дождь. — Все верно, льет.

5 сентября. Дают дождь. — Сухо.

6 сентября. «Ливень во второй половине дня».

— На небе ни облачка.

8 сентября. «Понижение температуры до 10 градусов, западный ветер, местами осадки». — Угадали.

9 сентября. «Температура 8-10 градусов, ветер западный, местами осадки». — Угадали.

10 сентября. «Температура 6-8 градусов, ветер северный, ночью по области возможны заморозки, мелкий моросящий дождь». — Сухо, 20 градусов в тени, ветер южный.

11 сентября. «Понижение температуры, ночью по области возможны заморозки, переменная об-

лачность, местами осадки». — Ясно, 25 градусов в тени. Москвичи по-летнему в рубашках ходят.

12 сентября. «Переменная облачность, во второй половине дождь. 13-15 градусов». — Солнце шпарит, хоть застрелись. 25 градусов.

13 сентября. «Повышение температуры до 23-25 градусов. Без осадков. Ветер восточный, слабый до умеренного». — С утра ливень, и на целый день. Ветер сильный, порывистый. Шесть-восемь градусов.

Я сочувствую краткосрочникам. Они все правильно давали. Два циклона к Москве подходили. Сначала западный, затем северный. Пройти должны были Москву, да не прошли. Встали и ни с места. Почему? Аллах ведаёт! Уже потом гребень образовался. Это антициклон с юго-востока подтянулся. Но как только объявили хорошую погоду, циклон с севера прорвался, да как вдарил!

Все понятно, когда на карту смотришь. Но ведь наш простой советский москвич ученых премудростей не понимает. Он одно знает: в газетах написано так, на улице совсем наоборот. А для меня, в свою очередь, загадка: почему до сих пор не собрались представители трудящихся и не перебили окна в нашей конторе.

Так всегда бывает. Ждешь какого-нибудь важного события в своей жизни, готовишься, ноксирон на ночь принимаешь. И вот настает твой день. И ты, вроде, победитель. Но так долго длилось ожидание, столько нервов истрепано, столько сил потрачено, что победа не радует. Как будто иначе и быть не могло. Никакого удовлетворения. Голова пухнет от других забот.

(Впрочем, это еще не победа. Это аванс на будущее.)

Утвердили нам ноябрьский прогноз. Как ут-

вердили, может, после расскажу. Правда, в мое «тепло» не поверили. Но все-таки плюсовую температуру дали. Дело понятное: когда мы пролетаем с завтрашним прогнозом, когда мы очевидные вещи не угадываем, кто же решится подписать свою поставку под чудесами, которые я через два с половиной месяца обещаю. Но это уже профессиональные тонкости. Это, скорее, вопрос моего самолюбия. Главное сделано.

Теперь в высокие инстанции пойдет прогноз. Там, наверно, тоже не лыком шиты. Знают, что приврать мы умеем, и точность наших предсказаний — плюс-минус трамвайная остановка (так, кажется, говорил Витя, гидролог из Певека). Однако раз мы указываем на возможность резкого похолодания в начале месяца и резкого потепления, примерно на декаду, в конце ноября почти по всей Европейской части — тут уж никуда не денешься. Придется вышестоящим товарищам что-нибудь придумывать, координировать и вообще принимать меры.

И материть нас будут вышестоящие товарищи, ежели ноябрь нормальным выдастся! Дескать, столько хлопот, да все попусту. Психи в Гидрометцентре сидят, панику разводят.

Но вот положат наш Бюллетень на зеленое сукно во Львовской и Ужгородской области, пролистает его начальство, усмехнется. А, может, и голову почешет. Я бы, на их месте, почесал. Потепление, осадки. Это после раннего снега. Весной мы предупреждали, да весенний паводок привычный. А в ноябре топить начнет... Прохладно будет людям на улице. Если бы мы тепла побольше дали (прямо намек на аномалию осадков), ситуация показалась бы серьезней. Ладно, чего нет, того нет. Да и мне штормить — прямая перестраховка, ничем не оправданная. Обычно «ныряющие цикло-

ны» с севера идут. А эти ожидаются с юго-запада. «Ныряющий», он на курьерском мчится. Не успеет поднять уровни, не должен.

— Ну, старче, втравил ты нас в историю, — сказал мне Кероспян после заседания, — молись, чтоб прогноз оправдался.

Тоже идея.

Между нашим институтом и метро Краснопресненская церковь Иоанна Предтечи. Восемнадцатый век. Случайно нас рядом построили, а, может, сработала озорная мысль проектировщика: «Погода она от Бога». Только зря проектировщик старался. Ничего я не слыхал о коллективных посещениях, да и личной инициативы не наблюдалось. Личная инициатива после шести вечера на магазины направлена и на то, чтобы скорее в метро попасть.

А тут дошел я до конца переуллка, голову поднял и словно впервые храм Божий узрел. Старухи по ступенькам бодро семят и в приоткрытую дверь проскальзывают. Вспомнил я слова Кероспяна. В конце концов, у нас свобода совести? Профсоюз меня не осудит.

Молитвы поют. Свечи жгут.

Я в юности несколько раз в церкви заглядывал. Из любопытства. Впечатление прежнее: роскошный кондитерский магазин во время войны. На высоких прилавках сияют торты и пирожные, а у народа лишь карточки на черный хлеб. Естественно, люди стоят, опустив глаза. Молиться — значит желать.

На свечку я не разорился. Больно жирно будет. Скажи, Боженька, спасибо, что пришел.

Молюсь:

Боженька, такой толстенький, похожий на

пенсионера в предбаннике, тебя, конечно, не существует. Но если кто-то, некий хитрый Высший Разум придумал все это безобразие, Вселенной и Природой называемое, — а мы никак концы не найдем, — так вот, если он на миллион лет все рассчитал и запрограммировал, — «Бог, обрывающий айсберги и в море ведущий лед», снабдивший змей высокочувствительным индикатором и птиц научивший через континенты летать — следи внимательно за ходом моих мыслей, знаю, тебе заранее известно, где дождь пойдет первого апреля, еще непонятно какого года, только тут нечем хвастать, опыта у тебя побольше и аналогии за тысячи веков в картотеке имеются — да, ладно, я не завидую, я обращаюсь с тремя просьбами.

О прогнозе. Если я правильно тебя понял, то ты не увиливай и не переиначивай. Делай так, как решил. Впрочем, прогноз не главное.

Главное. Подумай о Наташке. Она абсолютно ни при чем. Нечего с ней счеты сводить из-за всего прогрессивного человечества. Она должна быть здоровой и веселенькой. Если врачи не разбираются, то ты сам помоги, а не мути воду. Дай ей пожить спокойно!

И третья моя нижайшая просьба — Ирка. Не хихикай, я не двоеженец. Сделай ее счастливой и я сразу в монастырь пойду. Только посуди сам: у меня две девочки. Кто же их будет кормить? Теперь представь: расстанемся мы с Иркой, вот она стоит на улице, одна — кругом люди шустрят, у всех дела и заботы, — а она одна-одинешенька, никого, кроме меня, у нее нет. Куда же ей податься? Господи, придумай чего-нибудь! Если бы Наташка выздоровела, да в нее седой положительный инженер влюбился, пообещал ей все, о чем она мечтала, чего со мной не получила... Приходил бы я по воскресеньям к своим девочкам, подарки при-

носил, в кино и зоопарк водил... Или бы уехал с Ирккой на край света, в Тикси. Знаю, поздно Наташке новую жизнь начинать. Но мне-то, грешному, как быть? Ирка без меня останется. Наделает она глупостей, ох, наделает. Ты не ленись, пораскинь мозгами, вдруг какую-нибудь идею выудишь, и Наташка и Ирка будут счастливы? Вот тогда я не только в Тебя, я в черта лысого поверю и свечек полную телегу привезу — гуляй, я не жадный.

Господи, прошу и умоляю: придумай что-нибудь, так как я не представляю даже, что тут можно придумать!

Право свободного посещения больницы после работы.

В гардеробе мне безропотно выдают халат и я важно поднимаюсь по лестнице под завистливые взгляды родственников остальных «обыкновенных» больных.

Привилегия.

У Наташки светлые глаза.

— Странно, — говорит она, — я совсем не могу двигаться, но в голове все хорошо, нормально.

Господи, неужели?!

— А что говорят врачи?

— Они и сами не знают.

— Так все прекрасно, — говорю я. — Я бы тоже полежал неделю не двигаясь. Успеешь еще набегаться. Считаю, что попала в санаторий.

Господи, высший разум, дяденька, как там тебя по имени — срочно заключаем новое соглашение. Мне не нужен удачный прогноз. Пускай Ира меня бросает. Мне вообще ничего не нужно. Хочешь, ставь крест на моей жизни. Принимаешь условия? Взамен немногого требую. Чтоб у Наташки всегда были светлые глаза. Идет?

— И я бы чего-нибудь поела. Надоели каши.

Это мы запросто. Адрес ближайшей кулинарии известен. Сбегать туда — всего минут двадцать. Симпатичный кусок отварного мяса и печеночный паштет переправляю через санитарку.

Конечно, Алена еще не спит. Смотрит телевизор.

Начинаю скандалить. Ира разрешила? А режим? Пользуешься ее хорошим отношением? Немедленно в постель!

Ребенок мрачно раздевается. От паштета (любимое кушание!) отказывается. Тушу свет. Хочу, по обыкновению, поцеловать ее в нос. Прячет лицо под одеяло. Обиделась.

На кухне выкладываю продукты. Даю ЦУ на завтрашний день.

— Вовка, я давно хотела тебе сказать: ты неправильно ведешь себя с Аленой. Все время на нее кричишь.

— Так она избалована.

— Она не избалована, она ребенок.

— Она не выполняет своих обязанностей.

— Она все выполняет. Только с ней надо спокойно и ласково.

— Ладно, расскажи, как день прошел.

— Сделали с ней уроки. Она гуляла. Вынесла мусор. Обедала. Ужинала. Все успела. Могла бы и посмотреть передачу. Ничего бы страшного не случилось. Думаешь, ей лучше ложиться спать расстроенной? Кстати, я сегодня ездила домой. Она, как пришла из школы, мне позвонила. Я сказала, что буду через час. И, конечно, опоздала. Смотрю, она меня встречает у метро. Стоит, плачет. Я растерялась. Оказывается, она решила, что я не приеду.

— Правильно. Это только я привык к твоей так называемой точности.

(А Алена привыкла к Ире. Я замечаю, что она мало вспоминает о Наташке. Защитная реакция. Спасительный эгоизм ребенка. Все естественно, но, тем не менее, немного обидно.)

— Да, она мне призналась, что прошлым летом влюбилась в мальчика, но не целовалась. А ее подруги уже все целовались.

— Интересно! О таких вещах отцу и матери не исповедуются. Родители узнают последними.

— Учти, я тебе ничего не говорила. Я ей поклялась.

— Ладно, подружка, не продам. Стоп! Ты же сегодня должна быть на занятиях?

— Сегодня скучные лекции...

— Ирка, если будешь пропускать университет — между нами все кончено. Не смейся. Я абсолютно серьезно.

— А Алена?

— На Алену не сваливай. Раз тебя нет дома, я бы раньше приехал.

Телефон. Звонит моя мать. Как прошел день? Те же вопросы, что я задавал Ирке. Те же ЦУ на завтра. Я должен быть строгим с Аленой. Она избалована. — Она не избалована. Она ребенок. — Она не выполняет своих обязанностей. — Мама, она все выполняет. Только с ней надо спокойно и ласково. (Понятно, в кого у меня характер.) — Справляется ли Ира? Много ли ты ей платишь? — Справляется. И денег у меня навалом.

(Все верно. Сегодня Кероспян предложил мне пятьдесят рублей. Сказал, что они ему крайне мешают. Не знает, куда девать. Растратит по мелочам. А я, мол, отдам ему с премии, которую обязательно получу за свой гениальный прогноз. Целее будут.)

Такие же ЦУ мама по телефону дает и Ирка. Ирка мне ничего не говорит, но я знаю свою мать.

Достаю из папки маленький сверток.

— А это кто такой?

Иркина манера говорить «кто» вместо «что». Сейчас увидим. В свертке цветные чулки за пять рр. Крик. Зачем тратишь деньги.

— Я премию получил.

А чулки ей нужны. Сразу примерила. В самый раз.

И еще один маленький сверток.

— А это кто?

Это двести грамм орехового рулета. Я сладкого в рот не беру, но Ирка любит. Особенно ореховый рулет.

Господи, сколько радости! Как мало человеку надо.

И мне ведь, ребята, тоже мало надо, для полного счастья. Совсем немного: лишь бы Ирка всю жизнь была со мной.

Постричься, побриться, принять душ, надеть свежее белье — и никогда больше не терять время на проклятый быт! Один раз навести полный «марафет» и навсегда! Один раз сходить в магазин и забыть туда дорогу, хотя бы на год! Сварить обед на целый месяц! Перемыть посуду — и все, пусть вечно будет чистой! Последний раз вынести мусорное ведро! Последний раз поесть и не заботиться больше о низменных интересах желудка! И вот тогда отдаться науке на всю жизнь. Заниматься только работой, только тем, чего кроме тебя не сумеет сделать ни один человек.

Бессмысленные и тщетные мечты!

У человека самый низкий КПД. Одно бритье может свести с ума! Каждое утро по десять минут кривляешься перед зеркалом, а назавтра начинай

все сначала. Бесконечный круговорот — магазины, приготовление еды, обед, мытье посуды, уборка — и опять думаешь, что купить. Меня угнетает не сам процесс домашней работы, — все делаешь автоматически, — угнетают мысли о хозяйстве. Надо в прачечную, надо на рынок, надо в химчистку, надо заплатить за квартиру — починить стул, вызвать слесаря, напомнить, чтобы вымыли плитку, отнести обувь в мастерскую, попросить, чтоб зашили подкладку пиджака — Господи, ну почему я обо всем этом должен думать? Из института я звоню домой: села ли Алена за уроки? Если прихожу поздно — допрашиваю Наташку с пристрастием: вовремя ли легла Алена спать? Наташке я напоминаю: ты хотела пойти в парикмахерскую, собиралась встретиться с подругой, должна позвонить врачу...

Наконец, со мной истерика: я вам не кухонный мужик, хватит, мне надо работать, заниматься наукой, оставьте меня в покое!

Прекрасно. В субботу утром Наташка все закупает, готовит обед на два дня и уезжает по магазинам искать занавески. Алена поела и уходит гулять с девочками. Дома тихо и удобно. Сиди и точи зубы о гранит науки. Никто не мешает.

Сижу. Размышляю. Ну, конечно, Алена бежит по сугробам. Промочит ноги, простудится. Наташка дура, выбрала подходящее время для посещения магазинов. Всюду полно народу. Она, конечно, поехала не туда. Там, куда она поехала, приличных занавесок никогда не бывало. Только устанет. И купит совсем не то. И вообще, кому нужны эти занавески? Чем плохи старые?

И что у меня за паршивый характер? Наследственность? Гены дедов и прадедов, крестьян, которые всю жизнь думали о хозяйстве? Дед, тоже, говорят, все делал сам, во все вмешивался.

А может, я просто стал занудой? Но почему?

Нормальные люди, мечтая об отпуске, отдыхают от повседневных забот. У меня все наоборот. Допустим, я решил, что надо вдвоем поехать в августе на Черное море. До августа еще полгода, а мне уже сейчас белый свет не мил. Деньги. Придется занимать. Где? И все равно — не хватит. Август самый проклятый месяц. Трудно с жильем. Значит, устроимся в проходной комнате, далеко от моря, а соседи с маленьким ребенком или пьяницы. И потом очереди в столовых. Значит мне уходить раньше с пляжа. В магазинах ничего не найдешь, а хозяйка не разрешит пользоваться электроплиткой. Наташка будет ныть, что у всех баб роскошные заграничные купальники. Алена обязательно сгорит на солнце. И билеты обратно, в Москву, не достанешь. Уедем в общем вагоне дополнительного поезда, измучаемся в дороге. А, главное, погоды на август не будет...

Вот такой характер. Наследственность? Мне кажется, характер — это усталость. Не в силах человек каждый раз искать новые пути, а потому чешет он по старой знакомой дороге...

Любопытно, что раньше Наташка и Ира представлялись мне полными противоположностями. Наташка — робкий, наивный ребенок. Ира — самостоятельная, самоуверенная девушка. Но потом, когда мои взаимоотношения с Ирой все больше стали походить на семейные, исчезли все различия. Я вернулся туда, откуда пытался убежать. Конечно, есть сотни нюансов, но если рассматривать жизнь с женщинами как радость, как счастье, то, братцы, клянусь, я не живу с ними — я о них забочусь! И, вероятно, по-другому я не могу.

Хождение по кругу.

Ради науки я стремился уйти из семьи, вылезти из трясины быта, я улетал за тысячи километ-

ров — и в конце концов пришел к двум семьям.

Ради науки, ради того ОТКРЫТИЯ, которое только под силу мне, я фактически бросил науку. Я хотел идти кратчайшим путем, а потерял уйму времени. Я нашел свое призвание, но там, где я сейчас, я должен был быть восемь лет назад.

Троим из нашего выпуска пророчили блестящее будущее.

Саша всегда производил впечатление пришельца из другого мира. В обыкновенной беседе он морщился, тер ладонью лоб, словно недовольный тем, что его заставляют спускаться с прекрасных облаков теории на грешную примитивную землю. Земное для него просто не существовало. Он жил там, в облаках. Поэтому то, что другим казалось далеким, скрытым и туманным, для Саши было рядом, под боком. Он протягивал руку и брал.

Вадиму все удивлялись. Вот уж поистине человек менее всего похожий на теоретика. Спортсмен, весельчак, душа компании. Невозможно было представить, что он проводит бессонные ночи, решая какую-нибудь головоломную проблему. Да и не требовалось ему этих ночей. Казалось, он заранее знал ответ, он просто вспоминал его сразу, как только ознакомился с задачей, и для него это было так же естественно, как «погасить» высокий мяч в волейболе или выпить рюмку коньяку.

Два человека. Две разновидности высокой концентрации мысли, умения, под разными масками, постоянно думать только об одном, то есть работать ежечасно, непрерывно.

Вот чего не хватало товарищу Мартынову, при всех его, якобы, больших способностях.

Теперь Саша — доктор наук. Вадик — кандидат. Оба — лауреаты Ленинской премии.

В середине пульта стояло нечто похожее на

телевизор среднего размера, и на экране двигались белые пятна. Это и был «пучок». Экран показывал встречу позитронов. Вадик сказал, что «пучок» молоденький, он «дышит», и вообще, стоит начальству отвернуться, как ребята делают из «пучка» розочки и восьмерки.

На ВЭППе-2 пока был смонтирован один лишь магнит, возле которого суетились человек пятьдесят лаборантов и слесарей. Опять же, только начальство знало, что из этого получится, а начальством являлись Саша и Вадик.

Шеф института, которому я уже успел нанести визит, заметил между прочим, что ему с таким составом легче организовать не научное заведение, а волейбольную команду. Шеф беседовал со мной часа два о высоких материях, и, кажется, не пришел в восторг от моих рассуждений. Он стал расспрашивать меня об общих знакомых, (то есть о московских шефах), намекнул на специфику производства, и я понял, что если бы я рвался в его «волейбольную команду», меня бы взяли с неохотой и то на место запасного. Но я не рвался. Я еще был полон столичным высокомерием и полагал, что даже место игрока на задней линии мне не подходит.

Напрасно. «Молодежная республика» — как я окрестил институт в Академгородке — решительно отличалась от нашей московской конторы. У нас бывало, что две лаборатории на одном этаже, втайне друг от друга, химичили над одной и той же проблемой, и это выяснялось случайно, через несколько лет, на всесоюзной конференции. У ребятшек было иначе. Если кто-то придумывал что-нибудь стоящее, — это сразу бралось на вооружение всеми. Не было погони за открытиями, поэтому открытия делались чаще. Никто не стремился получить скорее научную степень, но Саша, как-

то так, невзначай (утверждали, что под одним давлением шефа) защитил кандидатскую.

Оба моих сокурсника ни капли не походили на начальство. Они вкалывали так же, как и все, вплоть до того, что сами подкручивали гайки. И только потому, что непрерывно звонил телефон и разные голоса требовали Вадика или Сашу, потому, что Вадик и Саша ни минуты не могли пробыть в одиночестве — к ним буквально занимали очередь, спрашивали, советовались, спорили с ними, — только поэтому можно было догадаться, что они понимают больше, чем остальные.

И солидности у них не было. Спокойствие было.

...Врывается личность в машинный зал и кричит воющим голосом:

— Вадик, поздравляю, ВЭПП сел на землю!

Паника заразительна, и уже кто-то вздыхает:

— Начинаются чудеса в электротехнике.

Вадик невозмутим:

— Нет чудес в электротехнике. Есть плохие контакты.

Мой начальник, всем начальничкам начальник! Какой бы для него был прелестный повод тут же созвать производственное совещание, да всех раздраконить...

И ведь не вели ребята реестр, не отмечали опоздания, не следили, чтоб сидели на работе от звонка до звонка. Только мне все время казалось, что люди просто не уходят из института. Когда надо, работали и ночью, а надо было довольно часто. И никто не делал вид: дескать, смотрите, как он надрывается, как он гибнет на ниве науки. Веселая подобралась «волейбольная команда».

Только давайте не идеализировать физиков.

В разных институтах различная обстановка. Сам был физиком и знаю, что они те же люди, те же человеки.

Издавна каждый человек стремился обрести свое место в жизни. Любой крестьянин хотел научиться делать то, что в деревне никто не умел. Например, шорничать, ковать лошадей и т. д. Специалист — он ценился.

И теперь идут в науку за тем, чтобы найти свое место. Ловить электроны, изучать космические лучи — это тоже ремесло, только не всякому доступное. И вот, достигнув некоторых высот в своей специальности молодой ироничный кандидат наук чувствует себя уверенно. Не понимая (или не принимая) другой жизни, он смотрит на всех свысока, скрыто презирая людей других профессий.

Три месяца длилась моя командировка.

И хоть мне приходилось по своим делам мотаться в Новосибирск, но часто я бывал у Вадика и у Саши. Я подружился со многими ребятами из их отдела, домой к ним в гости ходил, так что, можно сказать, — там у меня друзья-приятели. Нравились мне эти парни, всем они хороши, только не пошел бы я туда работать ни за какие коврижки.

Добрые они ребята, но лишь к тем, кто им ровня, кто (опять мое любимое сравнение) бежит дистанцию с ними рядом, не отставая.

Мой начальник, всем начальничкам начальник, резок был. Сотрудника, который «не тянет», «не сечет», он сразу от дела отшивал, из лаборатории выбрасывал. Рубил с плеча. Такие комплименты в глаза высказывал, что человек уходил, покачиваясь. За это я и уважал своего начальника.

А тут никто никому ни одного худого слова. Все чин чинарем. На милой иронии. Только плохо становилось парню, который «не тянул». Вдруг

замечал он, что один ковыляет, а остальные ушли на полкруга, и хоть бежит он изо всех сил, но холодно ему и неуютно. Ох, как неуютно. Трибуны не свистят, не улюлюкают — тем более обидно. Значит, не верят. Дескать, чего требовать от бездарности? И сходил паренек с дистанции. Сходил молча, не прощаясь.

Со мной, конечно, было другое дело. Меня признавали. Относились даже с некоторым почтением (что выражалось именно в том, что обращались запросто, как со своим парнем). Но тут было две причины. Во-первых, в своей области я «тянул», это чувствовалось. А во-вторых, главное, Вадик и Саша по-прежнему считали меня специалистом на их уровне. И это все видели. И я, признаюсь, принимал уважение ребят как должное (возможно, авансом на будущее), хотя догадывался, что мне платили по старым счетам. Я все больше понимал, что отстал от ребят, отстал сильно, и если это сейчас не заметно, то скоро будет заметно, а куда же мне тогда деваться? В один прекрасный день Саша вдруг станет вежлив и предупредителен, а в глазах его промелькнет некая жалость. И скучно ему будет со мной разговаривать.

«Не люблю неудачников». Мои слова. Так я высказывался еще студентом.

Мартынов не мог допустить, чтоб его обгоняли старые товарищи. Лучше сойти с дистанции и попытаться взять реванш на другом стадионе.

Видимо, в Академгородке я впервые подумал о том, что мне надо бросать физику.

Когда я еще увлекался литературой, я обратил внимание, что герои советских авторов совершенно не думают о деньгах. В книгах «проклятого Запада» все время шла речь о презренном металле. Это понятно, там кругом капиталистическое окружение. У нас другое дело, у нас другие проб-

лемы. Мне не казалось, что наши писатели что-то приукрашивают или стыдливо замалчивают. Например, лично меня деньги почти совершенно не интересовали.

Но вот теперь я все чаще замечаю, что становлюсь находкой для западной пропаганды, хотя не являюсь капиталистом, а можно сказать, — совсем наоборот. Признаюсь честно, я все больше и больше думаю о деньгах.

По-моему, с ними происходит что-то непонятное. Раньше, до реформы, если у меня была в руках сотня, я считал себя богатым человеком. Сегодня, как пойдешь в магазин — так нет десятки. Раньше таксисту даешь рубль на чай — он счастлив. Теперь протягиваешь ему десять копеек — он морщится. Ну хорошо, такси я пользуюсь крайне редко. Но пучок зеленого лука на рынке как стоил 20 копеек до реформы, так стоит и сейчас.

Я получаю прилично. Сто пятьдесят в месяц. На руки — 135 рэ. Экономить на еде, а значит, в первую очередь, на Алене, не собираюсь. То, что мы покупали раньше, покупаем и сейчас. Без роскоши и кутежей. Самое необходимое.

Молоко, кефир	— 60 коп.
Мясо (1 кг)	— 2 р.
Масло (200 г.)	— 72 коп.
Сахар (1 кг)	— 94 коп.
Маргарин (пачку)	— 36 коп.
Яйца (десяток)	— 1 р. 30 коп.
Капуста, картошка	— 50 коп.
Сигареты (2 пачки)	— 60 коп.
Хлеб (2 батона)	— 26 коп.
Майонез (1 банка)	— 36 коп.
Рыба (филе трески)	— 77 коп.
Яблоки (1 кг)	— 1 р. 30 коп.
Лук (1 кг)	— 50 коп.

Все это нам нужно на два дня. Плюс еще рубль (ежедневно!) Алене на школьный завтрак и мне на обед в буфете. Итого — 11 рэ за два дня. Умножить на пятнадцать — 165 рэ в месяц только на еду.

Домашние хозяйки как-то ловчат, выстаивают очередь за дешевым мясом, за столовыми яйцами. Я покупаю то, что нахожу после работы. Готовить вегетарианские блюда я не умею. Опять же, нет времени. С мясом и рыбой проще и быстрее.

За квартиру, газ, свет, телефон — 18 рэ.

В месяц я выпиваю примерно 3 поллитра водки. В среднем, на день по 50 грамм, меньше, чем в старой армии полагалось нижним чинам к обеду.

Итого — 192 рэ.

Передачи в больницу. Тут я не экономлю. Слава Богу, что Наташка просит принести ей чего-нибудь вкусного. Еще рублей двадцать пять.

Всякая мелочь для Алены — кино, пуговицы, носки, книги.

Получается 220 рэ.

Когда Наташка работала и приносила 80 рэ, мы сводили концы с концами.

Наташка в больнице почти два месяца. Наташка умудрялась как-то выкручиваться. Ира хозяйничает хуже. И потом, если Алена канючит «купи конфет», Наташка могла отказать, а Ира не может.

Деньги за свой неиспользованный отпуск я взял. Ушли.

50 рэ из кассы взаимопомощи. Ушли.

50 рэ, которые одолжил мне Кероспян. Ушли.

У кого занимать дальше?

Надеяться на премию за удачный прогноз? Когда эта премия будет и будет ли вообще... Занимать под Наташкин бюллетень? Но сможет ли она сразу после больницы приступить к работе? А вдруг ей порекомендуют отдохнуть?

Я давно себе ничего не покупаю. Пиджак порвался в локтях. По сравнению с мальчишками, которые ждут своих девочек под часами, я похож на нищего.

Приближается зима. Какое бы мы тепло ни предсказывали, а холодно будет — это уж точно. Алене нужны сапоги.

Как минимум, мне необходимо 250 рэ в месяц. Я получаю сто тридцать пять.

Когда, после окончания института, я работал в конторе у «начальничка» моя зарплата вместе с прогрессивкой достигала двух тысяч (старыми деньгами). Мы с Наташкой даже по ресторанам ходили. И на Севере мне хватало — в Москву привозил.

Странная статистика. Чем больше я работаю, тем меньше у меня денег.

Что же дальше будет?

В общем, мне плевать, как я одет. Ни костюмов, ни мебельных гарнитуров мне не надо. Обойдусь и без курортов. И разные развлечения — театры, рестораны, концерты — все в прошлом. Мне бы после работы идти в библиотеку. Сидеть за книгами и справочниками. Заниматься наукой. Ведь у меня тоже свои теории, которые надо сначала выстроить хотя бы для себя самого, обосновать, а потом и доказательства найти. Все это требует времени, спокойствия и ясной головы. Но откуда придет спокойствие, когда голова забита одним: где взять деньги? Ведь у меня, ребята, две девочки. Кто же их будет кормить?

Нашему шефу, академику, задали вопрос:

— Почему погода в этом году ведет себя столь необычным образом?

Ответ: «Причину мы нашли совсем недавно. Разгадку привез вернувшийся из рейса научно-исследовательский корабль, 'Профессор Визе'. Вот

что обнаружили участники экспедиции. В северной Атлантике колоссальные водные толщи — до полутора-двух километров в глубину — нынешней весной и летом холоднее средней многолетней нормы на 1-2 градуса. Для океана это очень большое отклонение... Иными словами, в Атлантике возник гигантский, необъятный по своей емкости источник охлаждения. Откуда взялся этот сверхплановый возмутитель атмосферы, никто пока не знает. А что он натворил, можете полюбоваться...»

Дальше шеф говорил все правильно. Он, вообще, мужик очень толковый. Этот атлантический «холодильник» мы теперь учитываем. И я, грешный, от него танцевал, когда прогноз составлял на ноябрь. То есть стоит нам найти причину, то последствия мы как-нибудь предугадаем. Но вы обратили внимание на слова: «Откуда взялся этот сверхплановый возмутитель атмосферы, никто пока не знает»?

Ну хорошо, 1-2 градуса ниже нормы в океане — это частность (хотя и ее достаточно, чтобы перепутать погоду на целый год).

Вопрос более существенный: известно, что если растают льды Антарктиды, уровень океана поднимется на несколько метров (затопит огромную площадь освоенной человеком земли); однако, когда-то в Антарктиде были субтропики — спрашивается, что произошло, откуда такое резкое изменение климата? Ведь наша планета не удалялась от солнца, и солнце, вроде бы, не затухало? И кстати, что за ледниковый период пришел на Землю? Почему сначала было тепло, потом холодно, потом, якобы, нормально? А вдруг, это периодичность? Кто же программирует климат на земле? Где этот непонятный нам регулятор, который воздействует на погоду, меняет течения в океанах, постоянные ветры и нагрев земной поверхности?

Ничего не ясно. Мы угадываем последствия, но не знаем причин.

Помнится, в школе нас учили, что, дескать, пока земная кора не остыла — было тепло, а потом земля остыла и наступил ледниковый период. Бред собачий. Во-первых, если кора не остыла, то океаны должны были кипеть, а биологическая жизнь, прежде чем «расцвести субтропиками», пришла из океанов. Во-вторых, как могли существовать субтропики, когда температура воздуха в Антарктиде — 60 градусов? В-третьих, почему же потом, когда земля продолжала остывать, растаяли льды в северном полушарии? В-четвертых, еще не известно происхождение нашей планеты: была ли она вначале расплавленной массой или под воздействием ядерной энергии она стала нагреваться?

Спрашивать можно до бесконечности. Вернемся к нашей службе. Мы похожи на людей, которые с крыши небоскреба наблюдают за движением мячика по детской площадке. Мячик ударился о деревянный борт и изменил направление. Мы составляем прогноз. Но вдруг мячик остановился. Мы в недоумении. Ломаем головы. На самом деле мячик попал в яму. Но мы эту яму разглядеть не можем, мы слишком далеко от площадки. А на площадке много бугров, трещин, углублений, которые и дальше будут корректировать движение мяча.

Теперь понятно? То есть понятно то, что нам непонятен основной регулятор погоды?

Я, ничтожный человечешко, утверждаю: все на Земле регулируется циклическими процессами на Солнце.

(Есть макроцикл — и на земле то ледники, то субтропики. Есть микроцикл — и любой протубе-

ранец устраивает нам заварушку в атмосфере. И даже такое локальное явление, как циклон, — это отражение каких-то микроскопических процессов на поверхности солнца.)

Старик, усмехаясь, мне отвечает: допустим. А где доказательства? И какими именно процессами? И как предугадать эти процессы?

Гипотез много. У каждого своя. А у нас производство. Какой смысл ориентироваться на журавля в небе, когда мы не знаем его повадок? Не проще ли танцевать от синицы, благо она у нас в руках, и мы видим, как она трепыхается?

Логично.

Журавль, он же моя жар-птица, далеко в небе.

Надо быть полным идиотом, вроде меня, чтобы сидеть полтора года в Тикси, изучать космические лучи и надеяться через них заполучить жар-птицу.

Мы мало знаем о природе космических лучей.

Мы только начали заниматься физикой ионосферы.

И по космическим лучам, и по ионосфере есть великие специалисты, которым еще многое неясно.

А я хочу перепрыгнуть через их головы, да прямо к Солнцу!

Пока все, что я утверждал, — болтовня на общие темы.

Прошла эпоха Леонардо да Винчи и Ньютона. В нынешних условиях мало-мальское открытие (уж не говоря о перевороте в науке) под силу только коллективу большого института. И время нужно, много времени, ребята.

Здравый смысл подсказывает, что товарищу Мартынову надо сидеть тихо и не чирикать, и думать о сегодняшних делах, об очередных задачах.

Возможно, когда-нибудь установят точную взаимосвязь между погодой и явлениями на солнце, или, допустим, по интенсивности космических лучей будут составлять годовой прогноз. Это произойдет лет через двести. Это будет итог многолетней работы тысяч ученых в различных областях науки. К тому дню, естественно, и позабудут фантастические теории тов. Мартынова. И сейчас они никому не нужны. А тов. Мартынову, лично, сейчас нужен новый костюм, и деньги, и время, чтоб их заработать. Вот что подсказывает здравый смысл. И еще он подсказывает, что иногда надо слушаться его, здравого смысла.

И я слушаю. И понимаю, какой он умный, товарищ Здравый Смыслов, только что я могу с собой поделаться? Как мне жить без моих теорий? И зачем тогда жить?

Солнце — наша мать кормилица. Мы еще в пеленках, не можем без него. Но Человечество повзрослеет, и те миллионы лет, когда оно зависело от Солнца, от природы, будут вспоминаться как детство. Тогда историю мы разделим на три периода:

- 1) Мир неорганической природы.
- 2) Возникновение органической (биологической) жизни.
- 3) Мир машин, искусственных планет, автоматики — особый автономный мир, построенный человеком.

Моя специальность исчезнет за ненадобностью. Погоду не будут предсказывать. Ее будут программировать, управлять искусственным климатом.

Впрочем, сие произойдет не так скоро. Я, во всяком случае, до этого не доживу...

Сидор Петрович Белиц-Гейман выиграл Звез-

ду по денежно-вещевой лотерее. Купил билет за тридцать копеек, носил его в бумажнике, мечтал о холодильнике — и надо же, так не повезло человеку! Ходит бледный, не ест, не пьет, жалуется на бессонницу. Напутал в расчете осадков, схлопотал выговор — а ведь раньше был на хорошем счету у начальства. Бедный Сидор Петрович!

Вот он опять появляется в нашей комнате, стоит за моей спиной, вздыхает. Я носом вожу по карте, глаз не поднимаю, всем своим видом показываю, дескать, не трогайте меня, надоели эти ежедневные собеседования, хватит, дайте человеку спокойно поработать — но знаю, бесполезно, обязательно в коридор утянет. Чувствую, скребет Сидор Петрович мне спину, по плечу похлопывает.

— Мартынов, на минуточку. Ну, пожалуйста!

Выходим в коридор, провожаемые пристальными взглядами сослуживцев. Всей комнате, естественно, любопытно, что у нас за тайны такие с Сидором Петровичем. Может, мы с ним рацпредложение оформляем, а может, копаем под кого-нибудь и на месткоме выступать собираемся? Правда, уже слух пошел, что несчастье с Белиц-Гейманом случилось: выиграл по трехпроцентному займу, а теща облигацию себе забрала, и он теперь с женой разводится... Но тогда непонятно, при чем тут Мартынов?

Сидор Петрович меня к стене прижимает, шепчет:

— Володя, я все придумал. Я деньгами получу. Деньги на бочку и все дела!

— Сидор Петрович, побойтесь Бога! На какую бочку? Бочку денег? Во-первых, где бочку достанете? Во-вторых, деньги в ней не поместятся. Их гораздо больше, денег-то. В-третьих, вы же из дома выходить перестанете. Будете бояться, что обворуют.

— Володенька! — Сидор Петрович аж подпрыгнул, — вы меня не поняли! Бочка это так, образ. Я Звезду государству передам, а мне пусть в банке открытый счет сделают. В любой момент снимаю, сколько хочу. Но я буду брать маленькими порциями. Много денег при себе держать опасно. И государству выгодно: я же при своей жизни даже сотую часть стоимости Звезды не выберу. Правда, я узнавал, что если наследникам вклад завещать, то большой налог придется платить. Миллионы!

И Сидор Петрович потупился.

— Ну хорошо, а зачем вам эти миллионы?

— Как зачем? Дачу куплю, машину. Каждый отпуск на Черном море проводить буду. Покупать каюту люкс и ездить на теплоходе. Море, чайки, музыка! Красиво!

— Эх, Сидор Петрович, дачу купите и хлопот не оберетесь. Дачу ремонтировать надо. А стройматериалов днем с фонарем не сыщешь! Доски, шифер, кирпич — намучаетесь вы с ними. И за дачей следить нужно. А где сторожа найдете? Хороший человек сторожем не пойдет. А пьяница попадется, так он зимой забор пропьет. И дачу спалит. А на машину очередь. Несколько лет ждать. Ждать вы не сможете — я ваш характер знаю. Полезете в темную аферу, договоритесь с каким-нибудь грузином, дадите ему десять тысяч, чтоб он вам машину без очереди справил. Тут ОБХСС вас и накроет. Тюрьма.

— Верно говорите, Володя, ох, как верно. Не выдержу я. Обидно несколько лет стоять в очереди при таких деньгах. Мне жить ведь недолго осталось. Но вот теплоход, Черное море!

— Сидор Петрович, при вашем-то здоровье! Вам кефир и творог необходимы, а на теплоходе ресторан, восточная кухня. Там кроме шашлыков

и цыплят-табакá ничего не подают. И пить придется. Как же не пить, ежели в люксе проживаете и в ресторане обедаете? Официанту спиртное не закажете — он вас презирует, станет плохо обслуживать, и вместо удовольствия — сплошная нервозность. Короче говоря, за один сезон заработаете себе язву и будете путешествовать по больницам. Но это еще не все. Женщина какая-нибудь узнает, что вы человек богатый. На юге женщины — только держись! Окрутят вас в два счета. И пойдут раздоры с женой.

— Володя, я все время про это думаю. Ночей не сплю. Блондинка лет тридцати, понимающая и сочувствующая, совсем бы не помешала. Не избалован я женским вниманием. Четверть века семейной жизни, как по суду — высшая мера наказания. Не жалуюсь. Жена человек достойный. Да бес в ребро! Только боюсь я женщин, особенно южных. Такие они авантюристки. Порядочная женщина одна на юг не поедет. Любовницу я, конечно, смогу содержать. Но зачем мне любовница? Я человек пожилой, а ей рестораны и танцы подавай. И потом, говорить с ними надо, с любовницами. О чем говорить? Я не конференсье. И сын меня беспокоит. Балбес он, сессию завалил. Если узнает про выигрыш, совсем учебу бросит. Я ведь тоже статьи в газетах читаю. Папина машина, дача, карманные деньги — прямая дорога к преступлению. А мне хочется, чтоб он инженером стал. В общем, плохо дело, Володя.

— Так я, с вашего разрешения, пойду. У меня работа.

— Володя, подождите еще минуту. Сжальтесь над стариком. С кем же мне советоваться, как не с вами? Я этот проклятый билет в папку со старыми бумагами спрятал. Вечером, когда никого нет, как вор, прислушиваясь к каждому шороху, я в

папку лезу, проверяю, не исчез ли билет. Да, вот о чем я еще думаю. Открытый счет, это, с одной стороны, гарантия. А с другой — ненадежно.

— Почему, Сидор Петрович? Тайна и сохранность вкладов гарантируются государством.

— Верно, но вдруг денежная реформа?

— Ну и что?

— Как что? Я сразу теряю.

— Теряете? Но ведь открытый счет остается?

— Остается, но в десять раз меньше! Обидно.

— Сидор Петрович, я пойду, у меня работа.

— Володя, еще полсекундочки. Зачем мне ходить на службу, когда такие деньги? А если не ходить? Что мне одному дома делать в четырех стенах? Скучно. Тоскливо. И потом, вдруг по предложению сормовских рабочих отменят все открытые счета? И я останусь ни с чем. А пенсия — законная. Пенсию никто не отменит.

— Так откажитесь от выигрыша!

— Володя, о чем вы говорите? Деньги прямо с неба свалились! Как же от них отказаться.

— Сидор Петрович, мы рассмотрели все варианты. Сами убедились: ни к чему вам деньги. Лишь беспокойство и неудобство от них. И еще я вам скажу: вы друзей потеряете. Люди здороваться с вами перестанут.

— Почему? Ведь я не украл!

— Правильно, но денег у вас слишком много. А раз так, то почему бы не попросить взаймы? Я сам первый попрошу. Большую сумму. Знаете, как мне сейчас деньги нужны.

— Володенька, сейчас у меня лишних нет, но со временем... я вам обязательно одолжу.

— Возможно. А как мне их отдавать? Откуда у меня наберется крупная сумма? И зачем отдавать деньги человеку, у которого открытый счет в банке? Значит, не отдам. Не отдам, но буду чувство-

вать себя неловко. Избегать встреч с вами. Как увижу на улице — на другую сторону перейду. И так же точно поступят остальные ваши друзья и приятели.

— Но я не всем буду одалживать!

— Тем более обидятся. У человека, можно сказать, денег куры не клюют, а он жметесь. Все друзья от вас отвернутся.

— Ах, Володенька, золотая голова! Значит, не открывать мне счет в банке? Может, вещами получить?

— Думайте, Сидор Петрович, думайте. Решайте сами. А мне, извините, некогда. У меня своих забот достаточно. Трешку до зарплаты? Отдам, честное слово. Я всегда был точен. Ну? Вот спасибо. Выручили!

— Алена, вкусные котлеты?

Ребенок морщит нос:

— Ничего, только мама делает лучше.

Я щелкаю ее по носу и перевожу разговор на другую тему. Как ни странно, я благодарен Алене за эти слова, но мне неудобно перед Ирккой, хотя об удобствах в этом смысле говорить не приходится. Ирка живет в доме, где каждая мелочь напоминает о присутствии другой женщины, законной хозяйки.

Что же дальше?

Бессмысленно загадывать на будущее, но и не думать невозможно. Между нами негласная конвенция — обходить этот вопрос молчанием. И лишь однажды она мне сказала:

— Тыща, — (это сокращенное — Мартынов, Мартыща, Тыща) — я вижу один и тот же сон. Мы живем раздельно. Наташа выздоровела. У тебя все в порядке. И ты приходишь ко мне домой, и по твоему лицу я сразу догадываюсь, зачем ты при-

шел. Ты закуливаешь, у тебя дрожат пальцы, ты смотришь на меня жалкими глазами и начинаешь говорить, что всё, надо кончать, нам лучше совсем не встречаться, ты не должен ломать мою жизнь и т. д. Понимаешь, я очень хорошо представляю себе, какое у тебя будет лицо в эти минуты...

А ведь, ребята, живем мы один раз.

Афоризм. Взять в рамочку. Ура, открыл Америку!

Согласен, мысль не новая. Только каждый человек в один прекрасный день вдруг понимает, что эта аксиома не абстрактна, что она не только для всех людей верна, она и к нему лично прямое отношение имеет.

Не будет у меня нескольких вариантов. Невозможна одна жизнь с Наташей, потом другая жизнь с Ирой, потом какая-то третья жизнь, которую я всю посвящу науке, — а если у меня нигде ничего не получится, я испробую еще совершенно новый путь. Нет, ребята, мы ограничены узкими рамками времени, и пока мы мечемся, ищем, экспериментируем — годы проходят, как правильно сказал поэт: «все лучшие годы».

И эти прошедшие годы не только оставили в нас неизгладимый след, то есть наложили отпечаток на наш характер, мировоззрение, привычки — часть нас самих осталась в прошлом. Поэтому все попытки начать сначала — обречены. Где найти новые силы?

Мы живем будущим. Мы сравнительно легко переносим потери и неудачи, потому что верим, дескать, это временно, сейчас можно смириться с различными досадными неудобствами, зато когда-нибудь мы добьемся намеченной цели, достигнем всего, чего желали, и тогда, конечно, все будет хорошо.

Но вот наступает момент, и мы осознаем, что лично мы тоже живем один раз, что светлого будущего, о котором мечтаем, возможно и не увидим, а есть сегодняшний день и не проще ли ценить все то, что есть сегодня, радоваться тому, что жив, здоров, имеешь какие-то блага, положение, близких людей — чего же больше? Момент ответственный. Жизнь — медленная река, и поневоле хочется бросить весла и спокойно плыть по течению, отдыхать и жмуриться на солнышке. Куда торопятся эти смельчаки? Какова их цель? Обогнать караван, или, наоборот, грести против течения? (То есть вопрос ребром: в чем смысл жизни?) А может, не надо гадать? Держись в кильваторе за идущими впереди баржами, хватай буксирный канат, ограничь до минимума круг своих обязанностей — и куда-нибудь выплывешь!

Да нет, ребята, себя не обманешь. Кто мы? Что мы? Кем и как запрограммированы наши поступки? Сие неизвестно. Только не умеем, не приучены мы бросать весла. Иногда, правда, бросаем. Да себе дорожке получается. Ведь догонять приходится. А догонять — ох, как трудно.

Однажды я уже пробовал. Устроил на несколько лет передышку. Ушел из «шарашкиной конторы».

«Не приучены мы бросать весла». Красиво звучит. С некоторой долей хвастовства. Или на будущее надеемся? Дескать, то хорошее, что мы сделали, нам зачтется?

Только глупости все это. Кто нам зачтет добрые дела? Дети? Внуки? У них будут свои заботы, свои проблемы. Темп жизни возрастет еще больше. Не останется времени для воспоминаний о предках. Правда, когда-нибудь Алена, дочь моя, взглянет на старый будильник, — всё, что ей досталось от

меня в наследство, — и подумает: «Отец мой честный был, да дурак». И на том спасибо.

И ведь права будет. Мало я о ней забочусь. Все о себе помышляю. Как увижу, что кто-нибудь меня обгоняет, я на эти злополучные весла налегаю, из последних сил выбиваюсь — лишь бы не отстать. А зачем? Не космонавт я и не конькобежец. Так высоко мне не подняться и рекордной скорости не показать. Со своими сверстниками-сослуживцами соревнуюсь. За ними в хвосте плестись не хочу. Значит, все объясняется эгоизмом и честолюбием. Правилами игры, в которой добровольно участвуешь. Значит, сами себе мы эту жизнь придумали, сами построили стадион, и вышли на дорожку (весла, стадионы — этими сравнениями ты телевизору обязан, спортивным передачам. Голубой экран — знаменье века!), — так вот, мы на дорожке, друг за другом вперегонки — публика подбадривает, — а мы работаем, стараемся, отстаем, догоняем, спуртуем, идем впереди, отличное время секундомеры засекают, трибуны аплодируют, — а зачем, спрашивается, зачем? Куда спешим? Все равно по кругу бегаем.

НОВЕЛЛА О «ШАРАШКИНОЙ КОНТОРЕ»

Наша контора без вывески. Улица вдруг обрывается. Тупик. Забор. Проходная. За забором — корпуса. Территория не такая уж большая, как может показаться тем, у кого нет пропусков. Впрочем, и мы пропусков не имеем. Получаем их в проходной. Называете охраннику номер, он с полочки ваше удостоверение достает, в лицо смотрит, с фотографией сверяет. А надо пройти из своего корпуса в другое здание — еще специальный пропуск заказывай. Задержался вечером на работе, не сдал

вовремя пропуск — тревога. Чтоб задержаться — тоже разрешение требуется.

Я так подробно рассказал о системе пропусков, чтоб любому ясно было: солидная наша фирма, серьезные игрушки-погремушки делает.

Но вот что странно — человек, который первый год у нас работает, с уважением учреждение именует: «фирмой», «ящиком». А пройдет несколько лет — и он повторяет за всеми: «шарашкина контора». Почему? Я так про это думаю: если бы мы дома строили, телевизоры или машины выпускали — конечно бы, гордились своей продукцией. Слов нет, наши игрушки посильнее, да не дай Бог, если в них когда-нибудь играть начнут. Агитировать меня не надо, политграмоту изучал, понимаю, чем игрушки-погремушки страшнее — тем лучше. И все же хочется, чтоб никогда ими не пользовались. Пусть ржавеют. Но возможно, нашу фирму так называли потому, что уж если этими игрушками шарашнут... Всё, молчу. Не в привычках выдавать государственные тайны. Могу поклясться, что ни на улице, ни на вечеринке у друзей, ни в постели с женой — ни разу я про наши игрушки не обмолвился. Правда, однажды сам лично слышал, как водитель городского автобуса громко объявил: «Следующая остановка — ракетный завод!» У меня в глазах потемнело, я стал среди пассажиров агента «одной иностранной державы» высматривать. Но ничего, пронесло. Все ребята были с нашего предприятия — сошли на остановке и к проходной потопали.

Между прочим, ошибался лихой водитель городского автобуса: наша фирма не была заводом в прямом смысле этого слова, и игрушки-погремушки мы выпускали не совсем такие, какими они ему представлялись. На фирме больше совершенствовали, модернизировали, доводили до серийного

производства, а также придумывали новые хлопушки.

Потом мне приходилось работать во многих конторах. Любопытно отношение обывателя к разным профессиям. Когда я на сейнере ходил — тут все понятно, продукция в сетях и в трюмах. Когда в ресторане играл — это считалось баловством. Когда космические лучи изучал — тут дело непонятное, впрочем они ученые, что с них взять? О службе погоды единое мнение — это не работа и даже не баловство, это хулиганство да за народные деньги. У каждой тети Матрены есть дед Василий, и он в погоде лучше синоптиков разбирается. Но к фирме все относились с глубоким почтением. Догадывались, что наша продукция хоть и не зрима, но весьма весома.

И для меня «шарашкина контора» была сначала уважаемой фирмой. Шутка ли, мальчишка, сразу после института к такому делу допущен! Правда, на первый взгляд, работа в нашем отделе была сугубо мирная. Занимались мы почти что чистой теорией да безобидными научными исследованиями. Задачки, ребусы решали, задачки интересные, над ними голову поломать — сплошное удовольствие, можно сказать, развлечение для умного человека. А как и где решение этих задач будет использовано, какую материальную оболочку обретет, — нас не касалось.

В штыки он меня принял, начальникек, всем начальничкам начальникек. Поступил я в отдел по рекомендации институтской кафедры, и кто-то там сдуру назвал меня «восходящей звездой». Начальник это запомнил.

— Ну как наша звезда? Сияет? — обычно спрашивал он, входя в нашу комнату.

Я опускал глаза. Не сиял я. Дымил. Неделями

коптел над задачей, которую наши «зубры» в три дня, как орешек, щелкали. «Зубры» были пожилые и опытные, с профессиональной хваткой. Но и они перед начальником пасовали. Он по сравнению с нами на два хода вперед видел. Бывало, идет обсуждение, выступают, несут околесицу, только-только что-то путное начинает проглядываться, а начальник вдруг скажет: «Хватит. Надоели мне ваши глупости. Надо так и так». И сразу все становилось просто и логично. И никто не обижался. Многие прощают человеку, который умеет работать.

— Ох уж эти институтские гении! — говорил мне начальник. — Знаний на километр, а проку ноль. Я сыт по горло вашими рассуждениями вокруг да около. Вы мне хоть сантиметр изучите, но так, чтоб глубже вас никто не мог копнуть. Мне профессионалы нужны, а не эрудиты.

Позже я понял, что начальник не со мной лично счеты сводил. Это он свою молодость вспоминал.

А я не тянул. Шефов он мне назначил. Шефы перед ним дрожали и меня проверяли словно школьника. Элементарные вещи как на экзамене им приходилось объяснять. А они любую мелочь за меня пересчитывали. Боялись: вдруг я ошибся, а им отвечать?

Тупое было время.

Но что удивительно — премию мне начальник регулярно выписывал. А имел полное право и обойти.

Наконец я не выдержал, пришел к нему.

— Хватит, — сказал, — не надо мне шефов. Сам справлюсь.

И начальник ударил ладонями по столу.

— Молодец, Мартынов! Давно я этого ждал. Я в вас верю. Мы сработаемся.

И хоть было в его словах нечто театральное,

— вероятно, не со мной одним он эту сцену разыгрывал, — но проникся я в тот момент к нему нежностью. Дешевым приемом, но купил он меня.

Руководители, похожие на моего начальника, любят рассказывать своим подчиненным истории из жизни сильных мира сего. Вот типичная байка:

— Собралась коллегия. Сидят, думают. Идея перспективная, а фондов нет. Все ассигнования исчерпаны. Повздыхали, набрались храбрости и пошли к САМОМУ. Докладывают, мол так и так, дело нужное, подпишите. А САМ мужик суровый, его на мякине не проведешь. С удовольствием, говорит, но нет денег, понимаете, нет в стране лишних денег. Вы уж как-нибудь с будущего года, за счет внутренних резервов. И окончен разговор. Но в коллегии воробьи тоже стрелянные. Соображают. Пожалуйста, говорят, только дошло до нас, что американцы этот проект давно разрабатывают, у-у, как они за него взялись, видно неспроста, у-у, как они нас обогнали! И САМ обмяк. Покряхтел, но подписал. Наскребли фонды.

И обычно на этом ставится точка. Эффект достигнут. Слушатели восхищены и парализованы. Еще бы, шеф приобщил их к государственным делам, приоткрыл дверь в высокую политику. Но наш начальник, всем начальникам начальник, и тут отыгрыш находил. Дескать, для него коллегия это не Синод, ему, начальнику, такие приемы известны.

— Но американцы тоже научились. Как у них проект застревает в Конгрессе, они бегут в правительство: У-у, говорят, а русские давно этой темой занимаются, у-у, они там такое наворочали, страшное дело! И Конгресс ассигнует...

Отдел был большой, а не просто светлые голо-

вы, но головы с кандидатской степенью у нас водились, да только фирма наша огромная, аппетит волчий, и мы для нее мелкой рыбешкой, закуской служили. Прокормить контору высококалорийными идеями нам было не под силу, поэтому основные, ударные задания отдел отдавал на сторону, другим «ящикам» и самым что ни на есть чистым научным институтам. Много учреждений на нас работало, охотно принимали заказы. Мы были выгодными клиентами. Хорошо платили.

И интересная получалась ситуация. В план какого-нибудь института включали нашу тему. Тема, по сравнению с общей институтской работой, — микроскопическая. В институте докторов и академиков навалом, они там науку вверх дном переворачивают, открытия, как блины, пекут, зарубежные ученые плачут от зависти. Нобелевский комитет с валютой прощается, — кажется, плевать институту на нашу тему? Да нет! Не подпишет начальник акт приема заказа, и накрылись все доктора и академики. План не выполнен, премия сгорела. И начинаются звонки, бегут маститые на поклон к начальничку. Шутка ли — многотысячное предприятие, ни в чем не повинные люди прогрессивки лишаются!

Спрашивается, неужели им, маститым, трудно наши орешки перещелкать? Тем более, к их услугам лаборатории и установки, которых у нас нет. Но какой же уважающий себя маститый свое драгоценное время нам посвятит? Спихнет заказ вниз по инстанции. И попадает наша работа жучкам, которые на нее как на халтуру смотрят. Жучки в своем деле понимают, да наш заказ на понял не возьмешь, к нему особый подход нужен, «специальные мозги» — как говорил начальник. А липу начальник не принимал. Тут он круто поступал. Авторитеты на него не действовали.

Биография у него была сложной. Долгое время в неудачниках ходил. Многие светила, возле которых он крутился, ему отставку давали. Но в нашей конторе он научился ремеслу, выдвинулся, профессионалом стал. Широких знаний не приобрел, но в своей узкой специальности, метра на два, до самых глубин дошел — под него не подкопаешься. И часто случалось, что маститые, его бывшие шефы, которые когда-то начальника и за человека не признавали, теперь странным образом от него зависели.

Утверждали, что он злопамятен. Может быть. Но вот сколько я на этих обсуждениях присутствовал, — а по-разному бывало, и до перебранки доходило, и до личностей. И, казалось, не устоять перед напором маститого авторитета, мелочь пузатая мы по сравнению с ним, — а рубил начальник правду-матку в глаза, лихо он их раскладывал, любо-дорого было смотреть. И всегда я принимал сторону начальника, нет, не в силу служебного положения, а потому что он, хоть и не очень-то вежливо и тактично, но интересы дела защищал.

И скоро пошли слухи, что мне быстрая карьера обеспечена. Ибо, ребята, начальник меня вроде бы референтом к себе пристроил. Ну, когда разговор касался самого предмета обсуждения, начальник ни в чьей помощи не нуждался. Однако иногда беседа принимала другое направление. Нас обвиняли, что мы лишь в одной плоскости судим, не понимаем широту полета мысли, не доросли так сказать. На иные категории акцент переносится, и для ответа эрудиция требовалась. Надо было доказать, что и мы не одну дуду дудим и тоже не лыком шиты. И тут очень я пригодился своему начальнику. Вот тогда мне слово предоставили, на интеллигентные рельсы я разговор переводил, доказывал, что и мы кое в чем разбираемся. Быва-

ло, что предвидя ответный ход оппонентов, начальник меня вызывал заранее и мое личное мнение выслушивал. А потом, на обсуждении, четко мою мысль повторял, красиво у него получалось.

Конечно, когда нам приличную работу отдавали, это был праздник, не обсуждение, а Версаль, обмен комплиментами. Приятно слышать хорошие слова из уст маститых товарищей.

Но ведь заворачивали мы заказы, заворачивали. И я понимал, что теперь и меня запомнили, что придет нужда — так мне в их контору не сунуться. Да и начальник прозрачно намекал, дескать, сложное у нас положение, портим отношения с нужными людьми. На судьбу свою горькую сетовал, мол, другие на его месте как бы вольготно устроились! Нет, характер у него не тот, а ведь всё когда-нибудь начальнику припомнят, а мы, Мартынов, с вами одной веревочкой связаны.

Может, он ожидал, что в ответ я должен в любви и верности поклясться?

Не было такого. И дистанция между нами сохранялась. Когда я к нему в кабинет заходил, сразу чувствовал — холодный ветер по комнате гуляет.

Но иногда, после тяжелого обсуждения, когда мы совместными усилиями больших китов прикладывали, задерживал меня начальник под разными предлогами, давал очередные ЦУ, и вдруг, на миг переглядывались мы с ним по-свойски, как два заговорщика, и казалось вот-вот подмигнем друг другу.

«Ты начальничек, всем начальникам — начальничек»...

Особенностью нашего отдела было то, что кроме людей, непосредственно занятых производством, специалистов, достигших профессионально-

го уровня (и тут начальник был строг в отборе — тех, кто «не тянул», он быстро вышибал из конторы), имелись еще работники (примерно половина из общего состава отдела), непосредственно ничем не занятые. Машинистки, учетчики, лаборантки, секретарши, инспектора — Господи, что им делать у нас? Но недаром наш начальник слыл талантливый администратором: он им находил работу. Помню, я даже пытался разгадать круг обязанностей одной женщины-инспектора. По моим наблюдениям вся ее служба состояла в том, чтобы отнести в определенные корпуса наши готовые заказы. Туда у нее был постоянный допуск. Правда, заказы надо было соответствующе оформить (то есть собрать все подписи, проверить нумерацию страниц, наложить печать, зарегистрировать в книге и т. д.) и обратно требовалось принести нечто вроде акта о приеме. Ну хорошо, на это уходил час. А дальше? Не такие мы были щедрые, чтобы в день по два заказа отправлять. Бывало, набиралось и пять, но чаще всего — в неделю ни одного. Так неужели эту работу нельзя было доверить любой секретарше? Нет, нельзя. Каждый раз пропуска оформлять? А вдруг секретарша увидит в цехах то, что ей не надо видеть? А ежели она заказ через забор выбросит (якобы потеряет), а за забором шпион? Вдруг не в тот корпус отнесет? Где гарантия? Одно беспокойство! Зато инспектор — человек проверенный, не подведет. И потом, может она не просто заказы сдает, может она еще слова особые говорит, вроде, «снипс, снапс, смуре, буре, базелюре» — чтоб людям понятнее было? Откуда мне знать, что она в корпусах делает? Темный я. И еще мне объяснили, — когда я свою идею про сокращение штатов высказал, — что, во-первых, мороки и писанины прибавится, а, во-вторых, если наш отдел наполовину уменьшить, то автомати-

чески мы в другой разряд перейдем: дело, возможно и не пострадает, но зарплату срежут уж точно, — а какой же умный начальник с этим согласится? И вообще, чем больше отдел, тем почетнее им руководить! Кто же добровольно будет рубить сук, на котором сидит?

У «профессионалов» работа тоже была не пыльная. Когда наступал срок тему сдавать — мы допоздна задерживались. Горим на производстве, горим синим пламенем. Сам чёрт нам не брат. Такое случалось в конце квартала. Десять горячих денечков. Бывали еще «тепленькие» дни смотря по обстоятельствам. Но остальное время? Чем заняться в обычные дни? Трудная задача для ученых специалистов: как создать видимость работы, когда работы нет? Однако ребята в отделе подобрались отчаянные — не боялись трудностей.

Ровно в девять все на местах. На минуту опоздаешь — скандал. Полчаса все сидят за столами — это с вечера дела накопились. Потом дружно идут в коридор. Перекур. И начинается ля-ля: кто что купил, кто что достал, кто какое кино смотрел, как сыграл «Спартак», какая была телепередача и т. д. Может, в шахматы сразиться или книжку почитать? Нет, неудобно. Все-таки на работе. А газету полистать — дело законное. Можно вслух заметку огласить под рубрикой: «Происшествия»: Иванов машину угнал — арестован, Петров в столовой продукты воровал — посажен, Сидоров газ забыл выключить — дом взорвался. В комнате заметку обсудят, повздыхают, дескать, живут же люди... А до обеда далеко. Стрелки на часах словно чугунные, не двигаются. Но вот и у нас происшествие: Вера Федоровна поругалась с Лидией Павловной. Вера Федоровна назвала Лидию Павловну женщиной легкого поведения. Лидия Павловна в долгу не осталась, сказала, что Вера Федоровна

официантка. И загудел отдел. Сотрудники по комнатам шныряют, выясняют, кто прав, кто виноват. (Вообще наши женщины не скучали. Они были разделены на два враждующих лагеря, правда, не понятно по какому принципу, ибо часто появлялись перебежчицы. Какие велись интриги! До обмороков, до слез! У меня создалось впечатление, что все дела нашей конторы для сотрудниц имеют второстепенное значение. Куда важнее — «кто про кого что сказал».)

После обеда начальника вызывали на совещание или на конференцию. Его заместители (с ученой степенью) обычно находили повод смыться. Причем, я не помню случая, чтобы начальство уезжало потому, что, мол, необходимо посидеть в библиотеке, перевести статью с английского или поработать дома над собственной диссертацией. Это бы не считалось уважительной причиной, наоборот, прозвучало бы оскорбительно для всех — дескать, мы тут вкальваем, а они там, втихую, свою карьеру делают. Но вот привезти холодильник (подошла очередь в магазине), достать редкое лекарство, взять очки у знакомого (присланные из Венгрии), купить штaketник для дачи, явиться на примерку в ателье — такие дела встречали всеобщее понимание, отдел принимал в них живейшее участие, каждый спешил дать полезный совет, а на следующий день узнать детально подробности сего предприяття.

Простые смертные не имели права уходить до звонка. Поэтому организовывался чай. Разгадывали кроссворд. Потом женщины начинали вязать. Мужчины группами уточняли планы на воскресенье, или исчезали в соседних отделах, где вдоволь болтали с приятелями. Иногда приносили спирт из лаборатории, и шло всеобщее братание. Враждующие лагеря развивали бешеную актив-

ность по части добычи огурцов и капусты из буфета. Последний час все висели на телефонах — координировали с женами и мужьями вечерние покупки. Случайно прорвавшийся деловой звонок (кто-то просил дать консультацию, заказать пропуск, послать представителя) вызывал возмущение: «Ишь, вдруг всполошились, скоро день кончается, вспомнили, ничего, подождут до завтра».

Звонок. Гурьбой к проходной. Уф, устали! Нарботались!

Старожилы рассказывали, что однажды отдел по собственной инициативе взялся за незапланированную тему. Идея увлекала всех, люди добровольно оставались еще на несколько часов. Вкалывали, что называется, без дураков. И получилось! Важная тема! Благодарность от Комитета заслужили! Но параллельно начальнику вкатили выговор, а отдел лишили квартальной премии. Потому что маленький заказ вовремя не сдали, попросту не успели, а заказ то был в п л а н е. С тех пор энтузиазма не наблюдалось.

И все-таки, хорошая жизнь была в «шарашкиной конторе». Как в трамвае — только не скандалы и не высывайся — спокойно доедешь куда надо. Но Саша и Вадик, ребята из Академгородка, шли своим ходом и на других скоростях. Вот-вот они скроются за поворотом, а ты успеешь им вдогонку послать прощальный привет. И тогда я спрыгнул с подножки.

«Ты начальник, всем начальникам начальник, отпусти...» А начальник был мудрый человек, по-дружески предупреждал: нельзя нарушать установленные правила движения, ни к чему путному это не приведет.

Я ему и раньше свои идеи высказывал, да, вероятно, полагал он, что перебешусь я, остыну, остепенюсь. Но теперь я впервые мосты за собой сжигал, и он понял, что на этот раз я всерьез. И показалось мне, что уговаривает он меня остаться не по долгу службы — действительно не хочет моего ухода. Может, у него особые планы были? Может, мой поступок задевал его самолюбие (из конторы еще никто добровольно не уходил)?

А может, он просто желал мне добра?

— Мартынов, я вам говорил, что через год подберем вам тему, и защитите вы кандидатскую диссертацию. Причем, за вашей спиной будет наша фирма, да и я постараюсь. Защита пройдет как по маслу. У нас еще не было осечки. Я своих работников ценю. Обещал — слово держу, это вам известно.

— Извините, но я должен повторить вам старый анекдот. В наше научное учреждение попал на стажировку японец. Каждый день, кончая работу, он вставал и произносил одну и ту же фразу. Никто по-японски не понимал, думали благодарит японец за что-то, японцы — вежливый народ. Однажды пришел переводчик, и публика, естественно, поинтересовалась, — дескать, чего там японец бормочет. А японец оказывается, говорил следующее: «Прошу прощения, господа, но я не член вашего профсоюза и в забастовке не участвую». Так вот, любая капиталистическая фирма давно бы лопнула, будь у нее такие же темпы работы, как у нас.

— Согласен. У нас жизнь спокойнее. Там работают на пределе человеческих сил. Сейчас вы молоды, вам не терпится, вы торопитесь. Но лет через десять вы задохнулись бы от своего темпа. Каков же итог? Вы не тянете, а от вас требуют.

Вы не можете, устали, измотаны — и вас просто увольняют. Выбрасывают. Понимаете? А наша система гуманна. Вам не грозит увольнение. Все, на что вы способны, вы сделаете, — не за десять лет, а за двадцать, но сделаете. Улавливаете разницу? Мы заботимся не только о производстве, но о самом человеке.

— Правильно. Прекрасная система для середнячка. Ориентир на массовость. Не дай Бог кому-нибудь вырваться из общей монолитной шеренги. Всякий талант исключается.

— Если вы такая яркая индивидуальность, почему бы вам не использовать свободное время? В вашем распоряжении каждый вечер.

— Трудно работать по вечерам, когда ежедневно привыкаешь бездельничать.

— Ага, значит виноваты все, кроме вас самих?

— Я никого не обвиняю, но я не хочу участвовать в забастовке.

— Оставим этот термин на вашей совести. Я должен учитывать возможности всего отдела, а не одного Мартынова.

— Предположим, что вы правы. Для вас не секрет: бывают дни, когда совершенно нет никакой работы. Отпустить меня домой вы не можете — конфликт с трудовым законодательством о дисциплине. Но почему бы мне не заниматься своими делами тут же, не покидая контору?

— У меня нет гарантии, что Мартынов отложит в сторону свои дела, когда появится нужная мне работа. И тогда за него придется работать другим. Возможно, лично Мартынов совестлив, но, разрешив ему, я автоматически разрешаю остальным. Я не уверен, что и остальные будут так же бескорыстны и преданы общему делу. Значит мне проверять каждого? Кроме того, — и это — естественно, — основное внимание Мартынов станет уде-

лять своей личной теме, а службу исполнять спустя рукава.

— Значит мне сознательно смириться с тем, что мой КПД составит не больше двадцати процентов?

И мы пошли по второму кругу, но так и не договорились.

— Я знаю, — сказал начальник, — вас прельстили звезды Академгородка. Но у тех ребят другая тренировка. Вы за ними не угонитесь. Если говорить правду, то вы, Мартынов, переоцениваете свои способности. Там ребяташки посильнее вас.

— Хорошо, но я попробую. Во всяком случае винить буду только себя.

— Вам поздно пробовать. Вы сложившийся человек. У вас определенный настрой головы. Вы часть нашей машины, необходимая деталь. Чтоб достигнуть этого, вы учились в институте, учились у нас. Вы профессионал — вот в чем ваша ценность. Куда же вы теперь денетесь? Мартынов?

Тут он попал в яблочко. Имелись еще две фирмы, сходные с нашей по профилю. Но я не пойду ни к Штейнбергу, ни к Бондаренко. Профессиональная гордость не позволит. Мы сталкивались с ними и понимали, что уровень нашего отдела выше. Не я у них, а Штейнберг и Бондаренко должны бы работать в моем подчинении. Однако сие невозможно. Так что начальник рассчитал точно.

— Но это мой выбор. Вы мне не можете помешать!

— Давайте без басовых нот, Мартынов. Я хочу вам помочь. Будь моя злая воля — с вами можно сделать все, что угодно. Например сейчас в глазах отдела вы выглядите правдоискателем. Ну не надо скромничать. Так вот, я скажу, что начиная с первого дня вы передавали мне разговоры всех сот-

рудников, и за это я вам платил тридцать рублей в месяц.

— Никто не поверит! Все знают, что я не стремлюсь к карьере. Я просто хочу честно работать. Я никого не подсиживаю и не пытаюсь урвать жирный кусок.

— Вот именно это и непонятно. Вы плохо разбираетесь в людях. Они меряют на свой аршин. Идеализм странен. А тут все прояснится. И чем чудовищней будет выдумка, тем охотнее в нее поверят.

Меня уволили по собственному желанию, но я знал, что любому слабому работнику, от которого хотят избавиться, пишут ту же формулировку. Я толкался в разные «ящики», но там листали мою трудовую книжку и предлагали мне третьестепенные должности. Я устроился в одно учреждение, проработал несколько недель и понял, что это и есть истинная «шарашкина контора», а моя старая фирма, по сравнению с теперешней, образцово-показательный научный институт. Это было падением, сдачей позиций, и начальник мог злорадствовать, дескать, он оказался прав, — ему, конечно, донесли, куда я попал.

Опять увольнение по собственному желанию.

Теперь на хорошую работу дорога была закрыта.

И я полностью ощутил то наслаждение, которое испытывает человек, катясь дальше вниз. Приходит какая-то странная удаля — чем хуже, тем лучше! Вниз под горку, только в ушах свистит! И мне казалось, что этим я отомстил своему начальнику. Задержись я в захудалом «ящике» — был бы повод для торжества. Но я совсем ушел из физики, и тут начальнику стоило бы призадуматься. Получилось не то, на что он рассчитывал. Зна-

чит он не понял меня, а ведь хвастался, дескать, разбирается в людях. Во всяком случае, теперь начисто исключалась возможность моего покаянного возвращения.

Случайно я встретил ребят, с которыми играл в джазе на институтских вечерах. Баловство вдруг обернулось второй профессией. Человек из ресторана — куда уж дальше?

Каждый вечер я всматривался в ряды публики и ожидал увидеть знакомое лицо. Я готов был поклясться, что он следил за мной, вернее, прослеживал мой путь и теперь должен был явиться, удостовериться собственными глазами. Ведь наш спор не кончился, и, вроде, выигрывал я.

И он пришел.

Он, конечно, мог бы подойти, поздороваться, протянуть трешку, заказать что-нибудь этакое, по его, начальникову, вкусу, вздохнуть, развести руками или просто посмеяться. Но он был слишком умен. Он понял, что тем самым он бы не меня — себя унизил. И он сидел за столиком с двумя деятелями из нашей конторы, сидел спиной к оркестру, и ни разу не обернулся, и, уходя, не взглянул в мою сторону.

Представьте, к вам в отдел приходила рыхлая баба, приносила готовые заказы и вы, пытаясь быть вежливым, на пальцах объясняли ей азбучные истины, а она, льстиво улыбаясь, благодарила за консультацию. И вдруг, поворот, вы меняете место работы и оказываетесь у нее в подчинении и вынуждены с умным видом выслушивать от нее разные глупости. Невозможно, братцы, невозможно! Профессиональная гордость.

Теперь мне давал указания метрдотель, адми-

нистратор, недоучившийся студент Юра — руководитель нашей джаз-банды, и этих людей, людей по интеллекту неизмеримо ниже, чем все мои прежние шефы, я воспринимал совершенно спокойно, ибо я попал в другой мир, мир, в котором никто не знал физика Мартынова, специалиста, подающего надежды, тяжелую артиллерию начальника на всех обсуждениях.

Любопытно, что все мои новые знакомые теперешнюю свою жизнь принимали всерьез — музыка, деньги, бабы, интриги — а меня ничто не волновало, я смотрел на все это, как на спектакль, и с интересом наблюдал, какие еще антраша способен выкинуть аккордеонист Мартынов, когда же ему надоест играть роль человека «на дне», упиваться собственным падением, сетовать на распроклятушую судьбу, и вообще, когда?

Раньше я был равнодушен к спиртному, но тут я стал употреблять зелье, а иначе нельзя, такая уж обстановка.

Летом Юра выхлопотал выгодный контракт, и мы поехали на Дальний Восток, отправились «на чёс», гастролить, зашибать «бабли», «лабать» по три концерта ежедневно.

Три раза в день одну и ту же программу, до посинения, а поздно вечером «большой кир», чтобы все забыть, а иначе нельзя, не выдержишь.

И тогда я решил: хватит, пора проветриться. И ушел на сейнере подышать свежим воздухом. Управлению «Сахалинрыба» всегда требуются доходяги и алкоголики на самую черную работу.

Заканчивая воспоминания о «шарашкиной конторе», я хочу сказать, что моими поступками руководило не желание уязвить определенного человека (хотя и это было: все-таки начальник меня своей собственностью считал, деталью автомаши-

ны — а на мосту деталь отскакивает, катится, владелец следит за ней, сейчас она остановится, он подойдет и подымет — но она падает в реку, всё, не достать, — конечно, обидно), не попытка проверить на личном опыте кантовское положение о «вещи в себе» (дескать, независимо ни от чего, я еще самоуправляем), — вряд ли из-за мелкого удовольствия досадить кому-то или из-за страсти к философии платил бы я такой дорогой ценой. Крест я на себе ставил, крест как на ученом. Раз в звезды мне не удалось выйти, то керосинкой я не буду — пусть даже керосинкой модернизированной, блестящей и хромированной, в подарочной упаковке. Вот в чем было дело. И, кажется, всех я убедил. Наташке я совсем неинтересен стал. Она и вправду поверила, что по простому пути пошел, по известному, хрестоматийному, пологому скользкому пути: от Графа Монте-Кристо — к управдому. И обращалась она со мной, как с чужим человеком, которого разбил паралич: выгнать нельзя, ухаживать приходится, горшок выносить — надо, но противно, неприятно.

Все ясно? Да ни черта! Крест я на себе ставил — да только на сцене, для зрителей интермедию разыгрывал, да за реакцией публики наблюдал. Я то был твердо уверен, что всех перехитрил. Я же, ребята, с ума не сошел, мне без науки никак нельзя. Я без нее задыхался, как рыба, выброшенная на берег. Но хотелось мне отойти от науки — не катиться по рельсам, на которые меня поставили сразу после института, когда я еще и опомниться не успел, а осмотреться, обдумать и спокойно решить: Чего я хочу, что могу?

Что же действительно я способен совершить? (Не для себя, а для того абстрактного человечества, которого никто из нас в глаза не видел, но ради которого мы живем, надеясь, что это аб-

страстное человечество когда-нибудь зачтет все наши хорошие поступки, — надеемся, хотя при здоровой логике мы с вами давно пришли к выводу: никто и никогда нам ничего зачитывать не будет.)

Все на свете сложно. (Афоризм. Не забыть занести его в рамочку.) А хочется, чтоб было просто (и этот туда же!).

Мы отправились с Иркой в кино на вечерний сеанс. Добропорядочная семейная пара, похожая на десятки других. Мы ходили по фойе. Ирка разглядывала фотографии киноактеров, а я разглядывал публику. Чем же Ирка хуже этих семейных женщин? Она моложе их и красивее. Сегодня Ирка, также как и они, пойдет домой вместе с человеком, которого любит. Но она пойдет в последний раз. Она этого еще не знает, а я знаю.

«Володенька, Володенька, Володенька ты мой, люби, пока молоденька...»

На мое счастье, картина была про шпионов.

Я привез Наташку домой, и она так устала за дорогу, что почти не реагировала на скачущую, радостно вопящую Алёну. Она легла и молча смотрела на дочь. Я увел Алёну на кухню и Наташка задремала.

Притихшая Алёна делала уроки. Я заметил, что она не может сосредоточиться и думает о чем-то постороннем.

— Папа, — сказала вдруг Алёна, — это не моя мама. Моя мама веселая, она всегда меня целует. Наверно, пришла чужая женщина, которую заколдовали под мою маму.

Свистящим шепотом я ответил, что страшные истории про волшебников и вампиров, которые показывают в телепередаче «Спокойной ночи, малы-

ши!» до добра не доведут, и сейчас я возьму молоток и разобью телевизор к чёртовой бабушке.

Вероятно, угроза показалась вполне реальной — Алена успокоилась.

Я договорился на работе и несколько дней сидел дома. Наташка ходила за мной из комнаты в кухню и из кухни в комнату, как маленький ребенок, который боится, что его оставят одного.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Как порядочному человеку мне бы следовало съездить в больницу и преподнести букет цветов. Но кому? Кто же вытащил Наташку?

Игорь объяснял так:

Применяли все проверенные средства. Не помогло.

Несколько раз изменяли курс лечения. Добились ухудшения.

Попробовали совершенно новое лекарство. Положительный эффект ожидался через месяц. Первая же таблетка по непонятным причинам вызвала шоковое состояние.

Этот никем не предусмотренный сильнейший шок неожиданно и вылечил Наташку.

Игорь надеялся, что все худшее позади, однако прогноз делать отказывался. Поживем — увидим. Пока еще ей долго сидеть на «схеме».

В конце концов нечего гадать. К Наташке в больнице прекрасно относились (с одной лишь медсестрой она не ладила, и когда Наташка привезла торт и постучала в дверь отделения, то нарвалась именно на эту медсестру; та торт взяла, но обручала, дескать, шлятся тут всякие, людей тревожат), — так вот, важны результаты, а как и почему — неисповедимы пути Господни! Но, по справедливости, я бы должен свечку поставить. Ведь обещал!

Через две недели она пошла на работу. Вроде бы все хорошо. Правда, она быстро уставала, в

метро ей было не по себе, и в магазины заходить не решалась, и не любила дома оставаться одной. Но Игорь говорил, что это вещи поправимые. Не всё сразу.

С Аленой мы распределили обязанности: я главный «закупщик», а она бегаёт за молоком и хлебом.

Наташка почти не гуляла. Боялась улицы. Я ее успокаивал, утверждая, что в этом как раз проявляется естественная реакция человека. Свора ревущих машин, шум, скрежет, толкотня на тротуарах, прохожие спешат, наступают на ноги — поневоле нормальный человек испугается. Вот то, что мы к этому привыкли — ненормально, неестественно. И потом, какие сейчас прогулки? Октябрь. Дождь, слякоть. Депрессивная погода.

Наступил день, когда я услышал ее смех. Что-то они веселились с Аленой на кухне. Все, ребята, мне большего и не надо! О чем еще мечтать!

После Наташкиного возвращения я Иру не видел. Она просила не звонить и не приходить к ней. Она сказала, что устроится работать в библиотеку, сказала, чтобы я не волновался — никого у нее не будет.

Она правильно решила. Теперь для нас невозможны случайные randevu. Мне надо поставить Наташку на ноги, а потом выбрать: или — или.

Я все еще пытался понять: кого же из них больше люблю?

Вот сидит мой глупый кисик. Ему весело и тепло, мурлычет себе под нос какие-то песенки. Кто же мне еще нужен? Но это при условии, что Иры вообще не существует.

Ведь я убедился, что и с Ирой мог бы жить счастливо... если бы не было Наташки.

Будем рассуждать строго и логично, без эмоций.

Каждый мужчина мечтает встретить ту, единственную, созданную для него женщину. Не у всякого это получается. По теории вероятности такой случай крайне редок. Мне повезло. Ирка, одна, заветная, другой не будет никогда. Ирка — моя любовь.

Наташка — мой любимый ребенок. Чувство к ней не поддается логическому анализу, это выше нас, инстинкт, заставляющий родителей жертвовать всем, ради детей. Разве от ребенка можно отказать?

Но теперь из области чисто теоретической спустимся на землю.

Наташка ребенок, но для себя самой она в первую очередь женщина. Попробуй объяснить ей свое отношение — тяжелейшая обида. Как же практически? Как же мне жить? Удочерить, что ли? Смешно. Другую женщину этот ребенок не потерпит.

Значит, нельзя выбирать по принципу: кто мне нужен.

Кому я нужнее — вот в чем вопрос.

Пока нет сомнений. Но, Бог даст, Наташка выздоровеет окончательно, что тогда? Легенда об Ире, как о сильной, самостоятельной женщине, давно развеяна. Очень скверно получилось, но мир у нее на мне сосредоточился, обеими руками она за меня держится, глаза закрыла, один у нее Тыша остался. В смысле беспомощности, слабости, — Наташка и Ирка друг друга стоят, идут голова в голову, никому не уступая первенства.

Но что я могу для них сделать? Замки построить, квартиры дарить, машины покупать? Это с моей-то зарплатой и долгами? При далекой пер-

спективе когда-нибудь выбиться в старшие научные сотрудники?

Значит, польза от меня — простого советского служащего — приносить мизерные деньги, бегать по магазинам, устраивать домашние дела, успокаивать, суетиться вокруг да около — да только вокруг да около одного человека, на две семьи меня не хватит.

И потом, устал я, ребята, честно говорю, устал от этой жизни. А ведь надо заниматься своими научными проблемами, я еще надеюсь, что не зря родился, не просто небо коптил, мне кажется, что я способен совершить нечто значительное — где же взять время и силы? У меня, ребята, две девочки, Наташка и Алена. Одна глупая, другая — еще глупее. Кто же их будет кормить?

Нет у меня права удерживать Ирку!

«Гори, гори, моя звезда, звезда любви, звезда приветная, ты для меня одна, заветная, другой не будет никогда».

Но и меня тоже не будет — хорош я или плох, дело десятое, — но и меня не будет, второй жизни мне никто не подарит!

Очень мы бедные и ужасно одинокие...

Какая разница между порядочным и непорядочным подлецом?

Непорядочный подлец переспит с девчонкой — и привет! свое получил. Дальше — не его забота. Ведь он непорядочный! Девчонка помучается, поплачет, а через недельку успокоится — впредь умнее будет.

Порядочный подлец поступает иначе. Просто порвать с девчонкой — врожденная порядочность ему не позволяет. Он ведет себя по-благородному, он влюбляется, и девчонка в него влюбляется. И так все больше запутывается, и девчонка к нему

привыкает, без него себя не мыслит, без него ей хоть в петлю лезь — вот тогда он и заявляет: люблю, дескать, но не женюсь, непорядочно бросить старую семью, я, дескать, тоже своими чувствами жертвую, я тоже страдаю, так что мы квиты.

Красиво все обставляет порядочный подлец.

И вот любопытно — сижу я сейчас, как старый плешивый бухгалтер, и скрупулезно на счетах подсчитываю: сил не хватит, времени не хватит, денег не хватит, меня самого не хватит. Смотреть противно! Конченный тот человек, который не способен на решительные поступки, который пытается все сбалансировать. Двух мнений тут не бывает. Так нет! Хитрая штука — психология. Вопреки очевидным фактам, уверяю себя, дескать, я не конченный человек, а просто — опытный! Вот когда глупости, которые в молодости натворил, в актив засчитываются. Были бы мы всегда паиньками — с нас бы другой спрос. Но ведь неведомо для себя, интуитивно, страховались мы в юные годы, можно сказать, специально ошибались, чтобы потом иметь право на благоразумное поведение. И теперь, в трудный момент, когда надо бы рискнуть, надо бы ошибиться, а так — будь что будет, — мы надежно забронированы, мы прошлое на помощь зовем, дескать, дудки, хватит, все это мы уже проходили, научены горьким опытом, рубили концы — а что толку?

Парадокс заключается в следующем: когда я уволился из «шарашкиной конторы», физику бросил, с семьей порвал — баловство это было, просто резвился; сейчас, когда пришла настоящая любовь — сижу, как привязанный, дескать, напрыгался, пора и честь знать, и вообще, лимит исчерпан.

Правда, тогда была другая ситуация. Начальничек за меня дальнейшую жизнь запрограммиро-

вал, посадил в свой поезд и плацкартное место в мягком вагоне обещал. Алена была вопящим мокрым свертком и особых чувств не вызывала. А Наташка казалась женой-властительницей, респектабельной английской леди, которая равнодушно пожимает плечами, когда ей про непутевого мужа-бродягу напоминают. Волен я был распоряжаться собой — лишь под ногами не путайся, и деньги присылай. Нынче все изменилось. Делом надо заниматься, делом, результаты надо выдавать, итак слишком много времени потеряно. И потом, у меня две девочки — одна больная, другая еще маленькая С кем прикажете воевать?

Что ж, пока свою научную работу отложим. Для нее светлая голова нужна. А дел в институте, слава Богу, навалом... По уши я в них погрузился, да все мало. Мне бы так нырнуть, чтоб ни вынырнуть, ни подумать о посторонних вещах. Кероспян мое рвение по-своему объясняет. Мол, начудил Мартынов с ноябрьским прогнозом, и теперь ему стыдно, он землю роет, реабилитировать себя хочет. Ну, положим, землю я не рою — больше по океану шастаю. Глубоко плаваю. Одного из наших «китов» оседлал — течения, температуру слоев Атлантики. Опять мы с Кероспяном в одной упряжке. На апрель прогноз составляем. До января нам жизни не будет.

Вероятно, прав Кероспян. Прокол вышел у меня с ноябрем. Группа, которая перекрывающий прогноз сделала, по свежим данным, по последним измерениям, — никакой аномалии в третьей декаде не обнаружила. Им виднее. Ноябрь — на носу. Милое занятие — давать прогноз на неделю. Весь месяц — как на ладони. Он, словно стеклышко, проглядывается, его, как говорится, даже пощупать можно.

Мои сны — это путешествие на поезде. Из окна я наблюдаю диковинные пейзажи и непонятные сцены. Поезд то и дело останавливается. Я просыпаюсь в самых неожиданных местах. Потом следующий перегон, за окном мелькают знакомые города и поселки, я оказываюсь в привычной обстановке своей теперешней жизни.

Я сижу в кабинете у начальника, а начальничек — всем начальничкам начальничек — энергично бодро вышагивает из угла в угол и говорит, говорит. Иногда он замолкает, его лицо меняется, он растерянно озирается, словно потерял то, что хотел сказать, — он замирает с поднятой ногой, и спускает её только тогда, когда находит нужное слово. Четкий ритм шагов постепенно убыстряется, голос начальничка звучит резче и увереннее.

— Эти парни из Академгородка совсем обнаглели! Они занимаются оригинальничаньем, вместо того, чтобы выполнять наши заказы. Я уговаривал, упрашивал, предлагал выгодные условия, я жаловался в вышестоящие инстанции — ничего не помогает. Они не хотят с нами сотрудничать. Они просто нас не уважают. Мне передавали, что ихний шеф в неофициальном разговоре назвал меня дураком.

— А как реагируют наверху? — робко спрашиваю я.

Секундный сбой.

— Наверху... Им хорошо! Они стараются не ввязываться в это дело. Они говорят: «У нас демократия, разбирайтесь сами». Но план-то все равно будут спрашивать с меня! Демократия — демократией, а отвечать мне!

— Почему в Академгородке не принимают наших заказов?

— Они мотивируют тем, что задачи, которые мы перед ними ставим, — неправильны.

— А если это так?

— Этого не может быть! Наши задачи правильны, потому что они верны! В Академгородке явная распущенность и разгильдяйство. Пора прибегнуть к организационным мерам. Мартынов — вы наш человек. Вы научились устанавливать любую погоду в любом месте. Они издеваются над нами и у нас нет другого выхода. Значит так: утром — дождь, днем — дождь, вечером — дождь. Неделю — дождь, месяц — дождь. Мало будет? Дождь на весь сезон! Вот когда они взвоят! Тогда они будут покладисты!

— Но наша техника еще несовершенна... Я не умею собирать тучи только над одним городом. Придется затопить всю Новосибирскую область. Это вызовет неурожай, перебои в снабжении, зазоры на дорогах. За что страдать людям?

— Мартынов, мы не сразу, мы с тяжелым сердцем приняли это решение. Оно вынужденно. Да, конечно, населению придется туговато. Но гнев народа падет на головы неразумных заправил Академгородка. Тем скорее они уступят нам. Да, будет трудно, возможны эксцессы, но мы ясно видим конечную цель. Решение наших задач явится благом для всей страны. Повысится материальный уровень всего народа, в том числе — и трудящихся Новосибирской области. Ради общего блага мы идем на временные жертвы.

— А если наверху узнают о нашей самодеятельности?

— Не догадаются. Погода — она от Бога. Не сложились благоприятные климатические условия. В Академгородке, конечно, поймут, но жаловаться не будут. Они слишком гордые. Признать открыто, что мы умеем управлять погодой, а они — нет,

значит признать наше превосходство. Естественно, тогда у них спросят: уважаемые товарищи, за что вам государство деньги платит? А это грозит оргвыводами, кто же на это пойдет? И потом, победителей не судят.

— А если я откажусь?

— Не советую. Секрет вашего изобретения нам известен. Мы поручим эту работу другому сотруднику. У вас же будут осложнения с отпуском, и мы пересмотрим проект приказа о премиях.

Два мужика с толстыми шеями (у каждого в руках по полной авоське с бутылками пива) наблюдают взрыв атомной бомбы. Комментируют:

— М-да, нынче не то. Вот в прошлый раз был гриб так гриб! А это что? Так, сыроежка...

Свадьбы! Свадьбы! Едут черные «Чайки», едут черные «Волги», прокатные, украшенные цветами и лентами. К дому подъезжают, непрерывно сигналивая... Выскакивают гости, жених выносит на руках невесту в фате... Мы идем с Ирой, скромно побудничному одетые, мимо комнаты для женихов — выставка манекенов в одинаковых черных костюмах, — мимо комнаты для невест — там белым-бело, старичок открывает нам дверь зала, — миниатюрная копия вокзального помещения для пассажиров дальнего следования, шепот: «за шампанское уплатили?», благообразная женщина с улыбкой теледикторши начинает говорить, незаметно нажимая на кнопку — из динамиков со скрежетом вываливается свадебный марш Мендельсона — нам вручают бумаги и поздравляют.

И большой кабинет ресторана, и гости — все сослуживцы, и оркестр — все ребята, с которыми когда-то вместе играли... Шум, смех, стук отодвигаемых стульев, звон бокалов, вилок, ножей, на

столе оргия бутылок, распластанные пуши салатов, огни люстр отражаются в заливной рыбе. Голоса требуют тишины, кто-то поднимается, чтобы произнести первый тост, — а в дверях стоят Алена и Наташка.

Гром, треск, литавры, бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию — и на длинном помосте, осыпаемом крупным конфетти с цветных театральных юпитеров, появляется Колобков...

(вместе мы у начальничка начинали, невзрачный был паренек, за сигаретами в буфет всегда его посылали — как он изменился! и откуда такая важность?)

...И костюм на нем американский мерцает, словно шкура, содранная с радуги, и штiblеты американские, и носки американские, и сорочка американская, и галстук американский, и подтяжки американские. И сам Колобков двигается демонстрационной походкой, достает американскую зажигалку, закуривает «честерфильд», потом замечает меня, делает ручкой и протягивает «Яву» — угощайся. И машина въезжает в зал, длинная и серебристая, как акула империализма, сама въезжает, и дверца распаивается, и Колобков уже за рулем, и меня за собой тянет, меня, простого смертного в американскую машину! И машина на красные светофоры иглой проходит перекрестки, проскальзывая под кузовами грузовиков...

(помнится, в коридоре, когда совсем подышали со скуки, то с Колобковым разговоры заводили, а тут я, захлебываясь, торопясь, выкладываю ему про себя, рад-радехонек,

что он меня слушает, и Колобков, изредка, сквозь зубы, изволит комментарии давать)

— Ну?

— В бюро прогнозов ошиваешься?

— Небось какой-нибудь старик, больной ревматизмом, вам погоду отгадывает?

— Сертификатов никогда в руках не держал?

— Зарплату вам платят в рублях?

— Смешно! А ведь говорили: слушайся умных людей!

(Колобков, Колобков, как же мне смелости набраться, как мне решиться вопрос задать, во сне то, в страшном сне, когда чувствуешь — бьют тебя, а сам руки поднять не можешь?)

— Скажи мне, Колобков, где ты служишь? Давно ушел из конторы?

Колобков, выскребывает из зубов американскую резинку:

(кажется, он собирается предложить ее мне)

— Из конторы я ушел, из комитета ушел, из треста ушел, из министерства ушел, я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, — но все на повышение, на укрепление. Понял?

А вот и дом тридцатизэтажный, кирпичный, с лоджиями, дом, который построил ЖЭК. А в лифте — кондишэн. А у Колобкова — пятикомнатная квартира.

В прихожей — большой, лохматый, «Шанелью» надушенный, помесь сенбернара с интерьером, на задние лапы встает, «плиз» по-собачьи говорит.

Приглашает Колобков:

— Входи, не бойсь, смотри, как умные люди живут.

Вхожу. Смотрю.

На письменном столе полные комплекты «Америки», «Плейбоя», «Вечерней Москвы», «Футбол-хоккея», «Работницы». Телевизор американский. Проигрыватель американский. Магнитофон американский:

По комнатам меня водят. Обстановку показывают.

Ковры из Ирландии. Мебель из ОАР. В шкафу висят костюмы шведские и норковая шуба из Туниса.

На кухне холодильник гренландского производства. В морозилке телятина (вчера самолетом из Индии доставлена), на полках яйца польские, масло датское, сыр голландский, гренки финляндские, осетрина суданская, виски «Королева Анна». Но мне Колобков «калгановую» наливает.

Сидим. Пьем. Телефон звонит. А Колобков даже не шевелится. Может, его из посольства требуют, из «Внешторга» кто-то добывается, или, страшно подумать, из комиссионного магазина, — а Колобков не шевелится. Гляжу: автоматическое устройство, американский компьютер, трубку снимает и на чистом русском языке отвечает: «Сам дурак!»

Колобков ухмыляется:

— Во, техника!

— А кем ты работаешь, Колобков?

— Не важно кем, важно — где! Из заграницы не вылажу. В комитете при ЮНЕСКО заседаю. Вместе с представителями Пакистана, Конго и Колумбии обсуждаем электромагнитное поле Сатурна. Но Сатурн пока не виден. Так что работа не пыльная и сроки не поджимают.

— Как же тебе удалось устроиться, Колобков?

— Секрет прост. Главное — быть круглым, без углов. Не за что зацепиться, понимаешь? И допуск, парень, конечно, допуск. И анкета. Чистая

анкета. А у тебя, говорят, аморалка в личной жизни? Первый отдел не утвердит.

— Но ведь надо что-то делать?

— Наоборот. Не надо. Иначе наделаешь делов, наломаешь дров. Тот кто ничего не делает — не ошибается. У нас, как у минеров — ошибся и сгорел.

— Что же с тебя требуется?

— Ловкость рук. Ловкость рук — и никакого мошенничества!

— Зачем ты меня позвал, Колобков?

— Мне прогнозисты позарез нужны. Чтоб точный прогноз давали. Прогноз на завтра: с какой ноги встанет мой начальник! Если бы я хоть за сутки это знал — какая бы жизнь пошла! И тебя не обижу, в люди выведу, в Женеву референтом возьму, заграничные шмотки накупишь.

— Заманчиво, Колобков, ох, как заманчиво! Но что я ребятам скажу, моим товарищам, с которыми сайру на свет ловил в море Охотников, с которыми спирт в Певеке давили в субботние дни, — моим товарищам что сказать, с которыми в шестидесятиградусный якутский туман ожидали по утрам служебный автобус. — Что мне сказать ребятам из Тикси, которые в пургу меня искали, когда мы разошлись с напарником по лееру, — что мне сказать ребятам в телогрейках и штормовках, с которыми мы ругались и спорили, веселились, на стену лезли с тоски, читали друг другу письма с материка, мечтали, фильмы старые смотрели, науку опровергали и открывали, показания счетчика записывали, приборы ремонтировали, карту анализировали, лед в кухню из озера носили — что мне сказать ребятам, с которыми мы вместе работали, дело делали?

— А ты ничего не говори. Вернешься из заг-

ранки, подари каждому по импортной шариковой авторучке, увидишь, как они обрадуются...

В магазине отпускают мясо и колбасу только сотрудникам нашего института. Я бегаю по отделу, занимаю деньги. Потом с рюкзаком к прилавку. Продавец почему-то в кредит дает мне два апельсина. Повезло, полный рюкзак продуктов! Но как его переправить домой? Ведь я опаздываю. В моем кармане лежит билет на самолет. Я не знаю на какой рейс, я не знаю время отправления — но понимаю, что опаздываю, что надо лететь.

Билет на самолет. Голубая мечта в кармане. Город потонет в облаках, погаснет светящееся табло, и впереди — неизвестность и свобода.

Но куда я улетаю?

— Человечество — племя дикарей на пироксилиновом острове. Что будет, когда оно изобретет огонь?

Ученый притормозил, нас потрянуло на очередной выбоине, и мы опять понеслись по загородному шоссе. Я впервые сел в его машину и, признаться, никак не ожидал от Ученого такой лихой езды. Несколько раз я инстинктивно упирался руками в щиток. К счастью, я вспомнил, что во время войны Ученый летал на истребителях и к тому же он наверно давно изучил все ямы на дороге — тем не менее, прогулка для меня была не из приятных, я не любитель больших скоростей в одиннадцать вечера.

— Это слова одного английского физика, — продолжал Ученый, — как видите, нет границ человеческому пессимизму.

— Он основан на идиотизме людей. Идиотизм — тоже безграничен.

— Каков же вывод? Не изобретать огонь?

Изобретать надо. Но мы должны научить человека правильно обращаться с огнем. Революция в науке немыслима без революции в сознании людей. То есть образно говоря, живя на пироксилиновом острове мы не имеем права бросить сигарету. И это должно войти в привычку, как мытье рук перед едой.

Машина вползла по проселочной дороге на сопку. Ученый выключил мотор, схватил ведро и скрылся в тайге.

Я шарил по кустам. В розоватом сумраке якутской летней ночи отчетливо виднелись пастбища грибов. Казалось, грибы выросли на глазах. Но комары, не ожидавшие такого подарка, взвыли от радости. Лес наполнился криками: — Сюда! Спешите! Пришла жирная пожива! Я курил одновременно две сигареты, пытаюсь спрятаться в клубах дыма. Не тут-то было. Надо мной звенело облако. Комары лезли в уши, забирались за шиворот. Петляя меж деревьев, я выбрался к машине. Из кустов вынырнул Ученый с полным ведром. Я дымил, как маневренный паровоз.

— Знаете, Мартынов, — сказал Ученый, — комары тоже полезны. В природе все взаимосвязано. — И подмигнув, добавил: — Кстати, кусают нас не комары, а только комариные самки!

На палубе плавбазы идет что-то вроде эстрадного представления. Ребята с нашей посуды сидят на стульях, прибитых к одной доске (как в красном уголке), а гастролирует техник-метеоролог плавбазы.

(Я часто вижу одни и те же сны. Событие, случившееся когда-то со мной, повторяется каждый раз в новой интерпретации, но сюжет не меняется. Я узнаю знакомый сон и с радостью готовлюсь смотреть его дальше,

как старую любимую пьесу, поставленную в другом театре.)

Сегодня техник-метеоролог выступает в роли фокусника. Он подбрасывает сиреневый цилиндр и извлекает из него картонные квадратики, на которых черной типографской краской нарисованы цифры, обозначающие давление, скорость ветра, количество осадков,

— 1015 мб, 1005 мб, 1010 мб. Это, бичи, над Японией!

Гастролер надевает цилиндр, хлопает в ладоши, опять сыплются квадратики.

— 980 мб, 990 мб. Это над Магаданом и Охотском. Что же будет с нами?

Зрители раскачиваются на стульях, пристукивают в такт каблуками и поют хором (на мотив дворовой песни «Девчоночка Надя, чего тебе надо?»):

— Плохо будет с нами, плохо будет с нами, плохо будет с нами, тара-та-та-та!

Движения фокусника убыстряются. Ритм песни подстегивает его:

— 25 м/сек во Владивостоке, 15 м/сек в Хабаровске, 992 мб на Камчатке. Что же будет с нами? Трудно угадать!

Зрители хором отвечают:

— Плохо будет с нами! Трудно угадать!

В такт песни начинает качаться плавбаза. На море поднимается волнение.

В руках фокусника щелкают квадратики: 2,3 мм, 2,0 мм, ЮЮВ, ЮЮВ, 1000 мб, 995 мб, 20 м/сек.

Меня раздражает этот шум. «К чему такая самодеятельность? — думаю я, — пожалуй, скоро они опрокинут корабль. Что же будет с нами? Трудно угадать? Но это ему трудно, он техник!

Ведь существует же какая-то система вычисления? Связь плотности сплошной среды со скоростью ветра, давлением... Минуточку... Вспомнил! Уравнение Навье-Стокса!»

Я подхожу к гастролеру, ловлю один квадратик и на обратной его стороне записываю уравнение.

— Бичи, — говорю я, — ничего страшного не произойдет. Все очень просто. Небольшой дождь, ЮЮЗ, семь-восемь метров в секунду.

И сразу горизонт затягивает. Море успокаивается. Легкий ветерок. Моросит дождик.

— Вот это фокус! — кричат ребята. — Он угадал! Он угадал! Тащи Мартышку к капитану!

Я упираюсь, прижимаю к себе картонку с расчетами, но меня волокут по палубе.

В капитанской каюте сидит Витя, гидролог из Певека. Мы остаемся вдвоем. Он забирает у меня картонку, достает карандаш, проверяет уравнение.

— Что ж, коллега, — Витя прячет картонку и одевает капитанскую фуражку, — хотя учтены не все данные, но в принципе решено правильно. Как ты сюда попал?

Я смущаюсь и бормочу: дескать, наша посудина пришвартовалась к плавбазе, ребята давно в море, баб не видели года четыре...

— Подумаешь, — смеется Витя, — у нас в Певеке такие портовые блонды водятся. Каждая из них — помесь химеры с кикиморой. Только держись! Но держаться надо от них подальше. Мехмат кончил? Физик? Так мы первоклассного синоптика сделаем. Что же тебя занесло в эти края? Поиски романтики? В Певеке этого барахла навалом. Бери — не хочу. Да еще приплачивают. Северный коэффициент два к одному. Приезжай. С оркестром встретим и комнату найдем...

Мои сны — это путешествие на поезде. Из окна я наблюдаю знакомые сцены и дикий пейзажи. Поезд то и дело останавливается. Я просыпаюсь в самых неожиданных местах. На остановках я лихорадочно припоминаю кусок последнего сна, повторяю его — я словно бегу за поездом, вскакиваю на подножку и опять засыпаю. Но горе мне, если я отстаю от поезда и лежу с открытыми глазами.

Мои девочки спят в одинаковых позах, приоткрыв рот, и тихонько посапывают. А мне страшно. Мне страшно за себя. Я чувствую, что физически распадаюсь на части. Нервы, как струны поломанного инструмента, звучат каждый в отдельности. Кажется, что сейчас что-то случится, и я начну кричать, звать маму, кого-нибудь взрослого, доброго. И мысль, что от меня еще кто-то зависит, что кто-то ждет моей помощи (а кому я теперь смогу помочь?) приводит в полнейшее отчаяние. Все безнадежно. Я ошибся с ноябрем. Я не составляю прогноз на апрель. Я ничего не добьюсь. Я абсолютная бездарность. Всё, что днем представляется несущественным, — сейчас непреодолимо. Ирка, Наташка — клубок запутался намертво. И нет у меня больше сил выдержать эту жизнь. Пора сдаваться. Надо идти в ту больницу без вывески, и пусть врачи колют в меня лекарства, пусть сажают на схему, чтоб я отключился от всего на свете — бездумное, бесчувственное существование: гулять по садику, дышать, есть кашу — будь доволен тем, что живешь. Братцы, не могу я больше. Хватит!

Но под утро, за полчаса перед будильником, я как будто проваливаюсь, и эти полчаса дают мне отдых, примиряют меня с действительностью. Я просыпаюсь нормальным человеком.

Но билет на самолет может казаться голубой мечтой только во сне. Куда лететь? Юг и Запад не для нас, они для курортника с большими деньгами. О Юге мечтают на третий год Севера, когда нули по сберкнижке разбегаются. Многих я знал, людей солидных, которые с толстой пачкой купюр уезжали — да все не хватало. Всегда телеграммы присылали, дескать, скиньтесь, ребята, на мели сидим, нет денег на дорогу. Один наш парень из лаборатории земных токов в Сочи уехал, а вернулся через неделю. Без копейки. Помню, говорит, как в последний день пивом в ресторане опохмелялся, а так — сплошной туман. Ни разу даже в море не искупался. Не успел. Конечно, это уникальный случай, но вообще любят деньги Юг и Запад, прожорливы для нашего брата они, как широкая масленица после трехгодового Великого поста (а может и Пасха — я в церковных праздниках не разбираюсь). Словом, когда наш брат (человек эпохи «прогрессивки») чувствует непреодолимое беспокойство, охоту к перемене мест, — путь его лежит на Север или на Восток.

Север и Восток — вот наши края. Но для туризма они не приспособлены. Правда, если вы иностранец, то в аэропорту вас встречает черная «Волга», и в гостинице ведут в особый коридор, и в ресторане, в отдельном зале, спецофициантка в чистом фартуке натренированно улыбается... Может, иностранцу за валюту интуристского бурого медведя показывают? А чем же еще ублажить дорогого гостя? Маленькие сибирские города красивы только зимой, когда иней блестит, да все свалки под снегом. Но в сорок градусов по улицам не разгуляешься.

В больших городах центральный проспект

времен сталинской архитектуры, да новые районы типа московских Черемушек. Налюбовался одним городом — в другой не захочешь. Все одинаково. Главная улица — имени Ленина. Параллельно — Коммунистическая, Советская, Красноармейская. Тут же улицы Кирова, Орджоникидзе, Дзержинского. На домах лозунги и призывы: «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества», «Дело Ленина победит», «Храните деньги в сберегательной кассе».

(Ведь у каждого города своя история — зачем же города как монеты штамповать? Или в этом высший смысл заложен, который мне невдомек? Дескать, приедет человек в командировку, увидит привычную обстановку (все так же, как и всюду) и не заскучает? И с лозунгами, что на каждом шагу, веселее? Наверно. Все бывает. Вдруг человеку жуткий сон приснится — а утром он выскочит на улицу, прочтет плакат на заборе и успокоится: «Нет, все в порядке, жива Советская власть!»)

...Последний раз я улетел на Восток четыре года тому назад.

Помню, летний Якутск встретил меня жарой и пылью.

Дороги перерыты, дома ободраны, мусорные свалки во дворах, ржавое железо, желтые штабеля дров. Автобусы набиты. Столовые закрыты — то на обед, то на ремонт. В магазинах мужчины в диковинных мятых пиджаках покупали портвейн и настойку.

До нужного человека я не дозвонился (он был на совещании в обкоме). Кое-как устроился в гостиницу. Вид из окон на центральную площадь: прямо огромный портрет Ленина скрывал каркас нового здания; слева на крыше транспарант: «Сделаем Якутск благоустроенным городом», справа — «Не оставляйте без присмотра включенными элект-

роприборы». Снизу из ресторана неслись звуки «Журавлей» и «Очей черных». Впрочем, оркестр себя не утруждал.

Со скандалом проник в ресторан. Официантки, рыча, кормили страшными фирменными блюдами. Но никто не жаловался — сюда приходили не кушать, сюда приходили закусывать.

К одиннадцати прибыл наряд милиции. В полночь алкоголики все еще стучали в окна и выпрашивали выпивку у знакомых официанток. В вестибюле гостиницы плакал пьяный, грозя всех разнести, убить, отдать под суд, потому что его оставляют ночевать «на улице». Потом он мирно заснул на стуле.

На площади передралась какая-то компания. С криками останавливали машины.

В семь утра я проснулся от дикого грохота. Казалось — опрокинулся башенный кран. Потом я понял, что это уборщица поставила перед дверью ведро.

В уборной не было воды...

Да не ужасы я вам рассказываю, ребята! Я просто поясню, что не приспособлены наши восточные и северные города для турпоездов. Турист сталкивается только со сферой обслуживания, а сфера обслуживания — каждый знает — оставляет желать лучшего. Об этом мы поговорим особо. А пока я хочу сказать, что только первый день мне запомнился кошмаром. А на завтра я нашел нужного человека, меня приняли на работу в институт, и в институте я познакомился с другими людьми, прекрасными людьми, которые занимались наукой и производством. И вот тогда-то все наладилось, и разные бытовые мелочи я перестал замечать. Работать надо на Востоке, а не путешествовать!

Но я уехал из тех краев и сейчас доволен своей службой.

Я не хочу менять место работы, хватит колесить, от добра добра не ищут!

Тогда зачем мне билет на самолет? Куда же мне улетать? И если сны продолжаются, и «голубая мечта» хрустит в кармане — значит там, в наших краях, я видел много хорошего, есть что вспомнить...

Конечно, все было не так на плавбазе, хотя, действительно, я сделал прогноз по уравнению Навье-Стокса, чем немало удивил ребятшек с сейнера и техника-метеоролога. Об этом узнал Витя, гидролог из Певека, который на плавбазе оказался случайно, — он сопровождал караван судов в Находку. У Вити, по его словам, «была своя головная боль» (то есть своих забот навалом), однако, он не поленился, разыскал меня.

— Ну как, — спросил он, — хлебаешь?

— В каком смысле?

— В смысле романтики дальних дорог?

— Ложками.

— А самочувствие?

— Полное отупение. Впрочем, к этому и стремился.

Вот так, кажется, начался разговор. А может и не так. Ведь я неоднократно рассказывал о нашей первой встрече, что-то уходило, что-то придумывалось...

Я специально пролистал несколько книжек. Посмотрел, как писатели пишут. Или у них память профессиональная, или так принято — но мне бы сейчас (чтоб было все как у людей) надо нарисовать пейзаж (шумело море, волны бились, облака розовели, прошел боцман в промасленной шторм-

мовке) подробно, фразу за фразой, восстановить разговор (то есть показать, какой Витя умный, как здорово он меня положил на лопатки, убедил лететь в Певек — делом заняться). Нет, ребята, честно признаюсь, не помню подробностей. Нечто смутное, общее, расплывчатое...

А вы сами все помните, что было в прошлом?

Иногда, во сне, я отчетливо вижу какую-то мелочь, деталь...

Что-то врезалось в память, и я в любой момент могу восстановить какой-то эпизод, но не весь, не всю картину — кусочек, осколок...

Вертолет скользит вдоль Лены. На песчаном треугольнике (тайга высунула язык — лижет воду) две палатки институтской экспедиции. Вертолет спускается. Из палатки выскакивают ошалевшие от радости бородачи. Низкое солнце бьет в глаза, и противоположный обрывистый берег кажется черным.

— Это разве комар? — говорит начальник метеостанции в Сиктях, а глаза его после бутылки спирта приобрели неоновый цвет. — Комар тогда, когда в десяти метрах не видишь лица соседа! Не поймешь, кто рядом стоит!

Находка. Прощанье с командой. Расползаемся кто куда. Четверо сели в такси. Из окон высунулись головы. Машут руками. Белый лист оберточной бумаги, как собака, бросился было за машиной, но отстал.

Кузьмич, проиграв очередную партию в шахматы, смахивает фигуры, вздыхает:

— А у меня, Мартыныч, в Симферополе двое грызунов, на них зарплата и уходит.

Дежурная острота в певекской столовой:

— Повар, в котлетах мясо!

— Не может быть!

Майский воскресный день. За домиками на льду озера мы играем в футбол. А солнце печет. Гусев без рубашки, голый по пояс, и плечи у него красные — сгорели.

Витя галантно отступил на шаг, церемонно развел руками (дескать, сила соломучи ломит) и пропустил вперед жену начальника треста. Дама кивком поблагодарила. У нас напряглись мускулы челюстей: улыбнуться нам она сочла ниже своего достоинства.

— Ну и работайте для себя! Пишите. — Ученый с раздражением смял лист бумаги и бросил его в корзину. — Впрочем, понимаю, какой же дурак сейчас пишет для себя? Нынче принято не рисковать — все пишут диссертацию!

(А ведь запомнил. Так запомнил, что до сих пор, дурак дураком, пишу для себя, продолжаю разрабатывать свою тему. Какой я сознательный, бескорыстный! Да нет, ребята, лучше бы мне этого не делать. С трудом выкраиваешь полчаса в день и только расстраиваешься. Несерьезно это, полчаса в день. А где взять больше? Отложить! Не думать! Но как не думать?)

...А ты напейся воды, воды холодненькой...

Магнитофоны. Записи Окуджавы, Кима, Галича. Все свободные вечера в Певеке мы ходили друг к другу, переписывали. Не помню ни одного «сабантуя» без того, чтоб в углу не бормотал магнитофон. И Москва нам казалась рядом...

Мыльные волны Охотского моря. Серебристое кипение сайры в призрачном свете синих ламп. Стоп. Я не уверен, что сейчас не всплывет серая, как смерть, немецкая подводная лодка из английского фильма.

Плавал я месяц, а кино смотрел всю жизнь.

И пурга, которую я вспоминаю, — именно та, что застала меня на трассе, или из картины «Али-тет уходит в горы»?

Правильно, ребята, повторяюсь, про это мы уже говорили, когда искали нашу единственную первозданную личность, анализировали из чего она состоит.

...Однако, как сотрясалось стекло вездехода, когда снежная тьма хлестала зарядами, я ощущаю до сих пор.

С космическими лучами на землю приходят частицы высоких энергий. Обычными приборами их нельзя зафиксировать. Чтобы поймать частицу, надо погасить ее скорость.

Под колокольной церкви, где помещается Якутский институт, есть большой металлический шар. Он набит свинцовой дробью, а внутри — счетчик. Частица пробивает толстый кирпичный свод, ее тормозит свинцовый щит, и только тогда счетчик ее отмечает, то есть запоминает.

Во дворе института — шахта глубиной в тридцать метров (ее копали сами сотрудники). Вечная мерзлота служит тоже тормозной прокладкой. В шахте три станции. Нижняя станция (там летом температура минус двадцать) фиксирует наиболее «высокоэнергичные» частицы. На фотопластинке виден след.

Где жить человеку, куда ему подыматься или опускаться, какими стенами он должен огородиться от внешнего мира — чтоб запомнить все, что

проходит через него самого? И что именно надо запоминать?

Или это удобно, когда прожитые годы не оставляют никакого следа?

А зачем?

Вот сейчас я занимаюсь типичным интеллигентским самокопанием, выдрючиванием. Наверно, хочу прослыть оригиналом. Может, мне зарплату за это прибавят? Фигу с маслом. Тогда к чему сложности? Наука и техника достигли невиданного прогресса и облегчили жизнь. Пришел с работы — включи телевизор. КВН, Тринадцать стульев, Голубой огонек, Кинопанорама, На полях страны, Спорт — всё тут, бесплатно, в комнате — смотри, отдыхай. И не надо забивать голову ненужными мыслями.

Чем я хуже других? Что я, рыжий?

Бегу.

Включаю.

Ура, футбол!

На поле команды вышли, по-моему, с одним желанием: как можно скорее и без происшествий разделаться с этой календарной встречей, которая уже никак не влияла на распределение мест.

Защитники двигались неторопливо, больше стояли и не упускали возможности даже с центра поля отдать мяч своему вратарю. Полузащитники разыгрывали какие-то древние комбинации, чаще всего пасуя друг другу по системе треугольника, и только когда становилось совсем неприлично дольше держать мяч, мощным ударом посылали его в аут. Форварды, если и били по воротам, то с таким расчетом, чтобы мяч шел на три метра левее левой штанги и на пять метров правее правой. Когда же

случайно мяч срезался с ноги, то обязательно летел прямо в руки зевающего вратаря.

Телекомментатор засыпал, просыпался и изредка уныло подбадривал зрителей, — дескать, вспышка еще будет, и, дескать, это техническая новинка тренеров. Действительно, оживление в игре наступило, но вряд ли оно было запланировано заранее. Просто один футболист нечаянно ударил другого по ноге, и тот, разъяренный, с минуту гонялся за ним, стараясь съездить обидчика по шее.

В начале второго тайма форварды демонстрировали разученные на многочасовых тренировках приемы: отыгрыш мяча пяткой, отыгрыш щечкой, отыгрыш подъемом. Но одному из нападающих кто-то из партнеров (явно сводя с ним личные счеты) отыграл мяч так коварно, что футболисту ничего не оставалось делать, как двинуться вперед. Однако двигаться вперед ему решительно не хотелось. Он прошел, тупо волоча мяч, сначала на левый край, потом на правый, потом вернулся в центр. Никто из партнеров не открывался, а противник лениво наблюдал за этими перемещениями. Тогда нападающий резко пошел на обострение, но, сблизившись с защитником, тут же упал. Защитник тоже с готовностью лег на травку. Пока суетились врачи и судьи, оба игрока порассуждали о погоде и договорились, как вместе провести сегодняшний вечер. К концу матча у нескольких игроков не выдержали нервы, и они стали рваться к воротам. Их умело сбивали защитники. Пару раз можно было смело назначать одиннадцатиметровый штрафной удар. Но судья уже ни на что не реагировал. Он нетерпеливо следил за стрелкой секундомера и дал финальный свисток на полминуты раньше положенного срока.

За всем этим с трибун стадиона наблюдало

сорок тысяч внешне вполне нормальных людей и еще двадцать миллионов телезрителей.

Не велика печаль: нарвался на скучный матч. Была бы кубковая встреча...

А в Бразилии, говорят, после поражения сборной свергли правительство.

Скоро во всех семьях воцарится мир и покой: каждый вечер — сплошное фигурное катание.

На одном из заседаний клуба «Интеграл» в Академгородке (там выступали по принципу «кто кого переострит») Вадик заявил:

— Из всех искусств для нас важнейшим является телевизор. Доказательства? Пожалуйста! Если наши хоккеисты выиграют первенство мира — вот увидите, — все забудут про неурожайный год!

4

Человек, который после работы стоит полчаса в очереди за помидорами (и они кончаются перед ним), потом полчаса за полуфабрикатами (и они тоже исчезают перед самым его носом), потом десять минут в очереди за яблоками (впереди стоящий пенсионер — «атлет труда», как он сам себя называет — берет 200 грамм изюма, 200 грамм урюка, 200 грамм сухофруктов, 300 грамм кураги, 150 грамм чернослива), и вот, наконец, он лицом к лицу с продавщицей, а она возвращает ему чек, потому что чек пробит в другой отдел

(— О чем же кассирша думала? — А я почему знаю? — Что же делать с чеком? — Подпишите у заведующей. — Где заведующая? — Вышла! — Когда придет? — Граж-

данин, вы мне мешаете! — Сколько времени ее ждать? — Я над ней не начальница!) — так вот, я со всей ответственностью утверждаю, что этот человек — социально опасен: он может запросто броситься на публику и начать кусаться.

Ученый говорил:

— У меня большой выбор классных инженеров. К нам приезжают физики из Ленинграда, Иркутска, Новосибирска — мы берем не всех. Кандидаты наук рвутся в наш институт — мы устраивали для них конкурс. Я в любой момент могу получить самых высококвалифицированных специалистов. Но когда плотник прогуливает из-за пьянки — я делаю вид, что мне ничего не известно. Уборщица в плохом настроении — я трепещу перед ней. Я всячески ублажаю грузчика и унижаюсь перед маляром. А что остается? Уволить? Но попробуйте найти людей на их место! На каждом заборе объявления кричат: требуются, требуются, требуются! Требуются слесаря, маляры, продавщицы, официантки, посудомойки, грузчики. Уборщицы — на вес золота! Всюду требуется обслуживающий персонал. Мы выгоняем лентяя и пьяницу, — его тут же с распростертыми объятиями приглашает соседняя контора. Причем знают, что он и там не будет работать, но нет выхода — всем позарез нужна неквалифицированная рабочая сила.

— Какое решение вы предлагаете? Безработицу?

— Да. Лучше официальная безработица, чем неофициальное ничегонеделанье. Сейчас любой лодырь понимает, что он не пропадет, всегда устроится, и поэтому преспокойно пьет водку в рабочее время.

Когда меня обхамят в магазине или в столовой, я вспоминаю слова Ученого. И все-таки, мне кажется, он не прав. Нет такой специальности — официантка, уборщица, посудомойка, продавец! Не может человек еще в детстве мечтать стоять за прилавком или грузить тюки. Ребята мечтают водить самолеты и поезда, выступать на сцене и управлять хитрым станком. Разве это занятие для Человека подавать щи, мыть посуду, прочищать клозеты? Надеюсь, что в недалеком будущем всем этим займутся автоматы, машины. Но пока нет таких машин, есть спрос на обслуживание, и в сферу обслуживания идут неудачники, неумельцы, никчемные люди. Это не их вина — беда. Они просто ничего больше не умеют. От хорошей жизни еще никто не шел в посудомойки. И сколько бы газеты ни твердили о важности труда уборщицы, сколько бы ни призывали продавцов быть взаимно вежливыми — эти лозунги останутся только на бумаге. Человек создан, чтобы производить материальные ценности, думать, творить. Не может человек любить работу, которая недостойна его высокого имени!

А может, надо просто повесить зарплату?

Тоже мысль. Однако, эта идея заманчива человеку любой профессии. Не мне классифицировать тарифные ставки. Ведь их взяли не с потолка. А потом, не секрет, что тот же маляр зарабатывает больше, чем средний инженер («левыми» заказами? Не знаю. Но знаю печально известную поговорку: «что нам, малярам, — день работам, два гулям!»)

Психология «спеца» в белых перчатках? Красиво шьешь, начальник! Различие между людьми не в специальности, а в профессиональности. Слесарь, который вместе с электрониками монтирует сложнейшие схемы, идет на службу с радостью.

Слесарь, которому надо поменять дверные замки в учреждении, уже заранее смотрит на часы: скорей бы день прошел! (Кстати, это важнейшая деталь. У нас в «шарашкиной конторе» — предприятие, как помните, солидное — многие тоже с утра, вздыхая, поглядывали на часы. Как они были бы счастливы, если могли бы являться в контору только за зарплатой!)

Но нельзя жить с ощущением собственной никчемности. Человек стремится к самоутверждению. Любой, самый малозначащий «винтик» должен ежедневно убеждаться в своей незаменимости (иначе он перестанет себя уважать!). Получается психология «навыворот»: не он обслуживает людей, а люди зависят от него. Поэтому официантка подходит к столику с таким видом, будто она наша благодетельница. Поэтому любимая фраза продавщиц: «Вас много, а я одна». Поэтому мелкий чиновник с наслаждением говорит: «Я человек маленький» — при этом он торжествует, ибо каждому ясно, что хоть он «человек маленький», но ты, кто б ты ни был, еще попрыгаешь перед ним. Всесильный начальник не кричит на подчиненных — нам устраивает разнос вахтер. Дежурная горничная в гостинице следит за нашей нравственностью. Мы заискиваем перед кассиршей аэрофлота. Секретарша разговаривает с нами, как русский царь с бедным евреем.

Вернемся к тому злополучному маляру, перед которым унижался Ученый. А что еще ему оставалось делать, академику, доктору наук? Бригада начала ремонт — все разбросала, перевернула, залила краской — и исчезла. Нет бригады! Как сквозь землю провалилась! А институту надо работать. Наконец появилась запойная личность с хмельной удалью в глазах. Ученый шел за ним

на цыпочках. Я помню, с каким ликованием размахивал кистью маляр — так, что дождь белил хлестал по комнате (можно было бы аккуратно, ведь тут же, за чертежами и книгами сидели люди — им некуда было деваться! Но как же отказать себе в удовольствии продемонстрировать свою власть над этими теоретиками, физиками, математиками, астрономами, инженерами, электрониками, конструкторами — дармоедами! — которые Бог весть сколько учились за народные деньги — а он, маляр, заставляет их сейчас метаться, как кроликов, из угла в угол, спасаясь от его лихой кисти!)

Опять критика! Опять о недостатках! Или ты не видел ничего хорошего?

Видел. Но ведь хорошее воспринимается как должное! И обычно говорят о том, что болит...

За годы моих «странствий по белу свету» я встречал много настоящих прекрасных людей. Я хотел рассказать о каждом из них в отдельности, но боюсь, что тогда мне придется составлять целый том положительных характеристик. (Впрочем, инспекторы из отдела кадров могут обращаться ко мне в любое время.)

«Много настоящих прекрасных людей», — общие слова.

Пожалуйста. Приведу фамилии:

Иванов, Петров, Сидоров, Авилов, Шукин, Гусев, Аксенов, Шафер, Озерова, Фырфырюгин, Данилевская, Катаев, Ауслендер, Скрябин, Воробьев, Новиков, Солоухин, Анджапаридзе, Школьников, Вольский, Садовкин, Слесарев, Маляров, Плотников, Максимов, Штродах, Иорданский, Раскин, Циклаури, Сомик, Павлова, Шадрин, Уханов, Захарова, Говоров, Румянцев, Солдатов, Краминев,

Звонков, Серов, Гибовда, Феоктистов, Лауга, Ратомский, Есеев, Кероспян, Бугаев, Черемных, Вентцель, Славкин, — пятьдесят! Мало? А вы сами знали больше, хороших, настоящих? — и, конечно, Надежда Лукьяновна, повар на полярной станции в Тикси.

Кажется, я неправильно употребил слово «неудачник». Вероятно, я хотел сказать о людях, которым на все плевать — день промелькнул и ладно. Неудачник — это иная статья, значит человек чего-то добивался...

«Удачники» от «неудачников» отличаются как пассажиры пригородной электрички, проходящей без остановки мимо станции, от пассажиров, стоящих на этой станции. И те и другие, в конце концов, приедут к месту назначения. Одни — раньше, другие — чуть позже. Но пассажиры электропоезда лениво посматривают в запотевшие окна на уплывающую назад, заполненную людьми платформу и чувствуют свое некоторое превосходство. А ведь им просто повезло!

5

Нашу работу над составлением заблаговременного долгосрочного прогноза можно разделить на четыре периода.

1. Спокойный. Зависит от физической выдержки, точнее — сколько часов в сутки ты можешь просидеть на стуле, не вставая. То есть идет сбор информации. Анализ справочников, аналогов, температуры воды в океанах. Решение уравнений с учетом притока тепла от излучения, теплопроводности и фазовых переходов воды. И прочее.

Лично мне в этом периоде наиболее интересны

поиски аналогов. Чувствуешь себя детективом. Раскопать в каком году предапрельская обстановка соответствовала нынешней. Словно сличаешь улики. Это не то, это не совсем то, а вот тут, голубчик, ты и попался! Прекрасно, когда находишь «двойника», но «двойники», правда, редко бывают. Что-нибудь да не совпадает. И вот это несовпадение впоследствии весьма существенно. Но уже есть нить. Говоря языком криминалистики — известен почерк.

2. Наивно-оптимистичный. Путем анализа развития и смены макропроцессов, их географической и сезонной обусловленности, ритмичности — определяешь ход погоды. Этот период я бы назвал поэтическим. Тут уж ни к чему твое умение сидеть двадцать часов на стуле. Тут нужен полет фантазии. В природе все закономерно и строго логично. Но каждый взрыв, каждое нарушение привычного климата — тоже закономерно и логично. По принципу: «как аукнется — так и откликнется». И раз где-то аукнулось — то надо предполагать самые невероятные отклики. И чем эти отклики фантастичнее — тем ты ближе к истине. Словом, каждый год, каждый сезон, каждый месяц имеет свой характер. Я их различаю, как людей. Мне попадались сволочные месяцы, паиньки, коварные, добропорядочные, тихие, буйно-помешанные. Допустим, этот год вообще-то был сволочным, каких только бед ни натворил, но август выдался паинькой. Ноябрь, который вот-вот наступит, я по-прежнему считаю сумасшедшим. Предполагаемое тепло в третьей декаде — это явно от завихрения мозгов. Правда, по последнему прогнозу (о котором я уже говорил, тот, который сделали недавно) ноябрь кажется вполне добродетельным. Ладно, поживем — увидим. А вот апрель будет коварным. Только солнышко пригреет, тротуары подсушит, и девочки

перышки почистят и выбегут в тужельках — опять с Севера надолго придет циклон, дождь со снегом. Повторяю, пока это еще не прогноз, пока это мое личное мнение, которое я высказываю, исходя из характера месяца. Что ж, посмотрим, ребята, каким он будет, апрель 1970 года в Северной, Центральной и Западной Европейской части Союза.

Правда, один из наших шефов еще в конце августа громогласно заявил в печати, что, дескать, «весна, по всей вероятности, должна быть ранней». Не знаю, откуда, у него такие сведения. У нас в институте прогноз с полугодовой заблаговременностью еще не делают.

Но, во-первых, это возможно его частное мнение. Во-вторых, прогнозы без достаточных оснований — как правило оптимистичны. В-третьих, он это заявил для печати, то есть для публики. У нашей службы особые отношения с публикой. Расстраивать ее не хотят? Или пугать избегают? Но вот я заметил, что хороший прогноз на воскресный день через каждые полчаса по радио объявляют. А если мы дождь или грозу обещаем, то молчит радио, передает легкую музыку. Мне знакомые начинают домой звонить, дескать, в чем дело? Объяснение, наверно, простое. Не хотят ребята из радиокомитета срывать экскурсии трудящихся за город.

3. Период отчаяния и тоски. Ход погоды ты придумал, а при сопоставлении с реальными условиями — ничего не получается. Все вкривь и вкось. И тогда кажется, что, вообще, не делом мы заняты, что заблаговременный прогноз невозможен, авантюра, и хочется бежать из конторы или подавать заявление о полной своей неспособности в чем-либо разобраться, то есть заявление об уходе по собственному желанию. Отчаяние — это тоже нор-

мальное состояние в нашей работе. Я уже научился по туманным глазам сослуживцев распознавать, когда они впадают в транс. Но, как говорит Старик: «Все образуется». Просто неизбежная трепка нервов. И я привык, знаю, что обязательно наступит этот период, а потом, действительно, все как-то «образуется», и тем не менее — противное время. Тяжелое.

Сейчас я как раз в самом эпицентре.

4. Осторожно-оптимистичный. То есть что-то забрезжило впереди. Начинаешь сводить концы с концами. Тут еще, как резерв главного командования, с машины приходит прогноз отклонений средних месячных приземных температур, плюс прогноз средних месячных полей геопотенциала поверхности 500 миллибар. Уже легче. Времени, правда, совсем не остается, Кероспян волком смотрит, но работа под гору пошла. С ветерком несешься.

А потом — суп с котом. Сядем мы с Кероспяном друг против друга. У каждого — кот в мешке. Бывает, что коты у нас одинаковой масти. Близнецы. А то Кероспян вынимает гладкого серого, а я — рыжего пушистого. Опять кого-то из нас чёрт попутал.

В конце концов, от скрещивания пород получается нечто серо-буро-малиновое (в споре рождается истина!), на обсуждениях в различных инстанциях крапинки добавляются...

И вот он, красавец, готов прогноз!

— Это кто такой хорошенький? — сказала вдруг Ира, — и глаза ее сразу вспыхнули, и она пошла, пошла, вытянувшись, на цыпочках, за подвыпившим парнем, на плече которого, задрав испуганно хвост, сидел маленький котенок. Парень завернул в одну из комнат общежития. Ира за

ним. Потом она вышла и котенок уже был у нее на руках.

— Это кот! — сказала она с гордостью.

Мы привезли котенка из Тикси на станцию, и Ира назвала его Абой.

Утром я тщательно обследовал комнату и нашел, что Аба вел себя прилично, нигде не напакостил. Но когда я сунул ногу в свой теплый ботинок — о Господи, он был полон до краев.

Впрочем, вскоре Аба приобрел «хорошие манеры».

Аба был серенький, пушистый, упругий, как теннисный мячик, с перламутровыми, неправдоподобно прозрачными глазами.

Иногда я брал его с собой в лабораторию, и он там прятался за приборами, шастал по каким-то своим делам, но стоило мне бросить комок газеты на веревочке, как Аба молнией выскакивал из угла. Он гонялся за «приманкой» по всей лаборатории, и я удивлялся его поразительной реакции и энергии.

Когда у меня бывало ночное дежурство, Ира укладывала его спать на мое место.

Однажды в пургу Аба пропал. Потом исчезла Ирка. Я выбежал на крыльцо и вниз, в клубящемся мраке, с трудом различил ее фигуру. Я тащил Ирку в дом, а она кричала, звала: — Абочка! Аба!

Котенка не нашли. Наверно выскользнул за дверь, его и унесло. Хороший был котенок, ничего не скажешь.

Сколько с тех пор прошло времени? Сейчас я сижу, анализирую карту, в комнате полно народу, нормальная рабочая обстановка, — а в ушах у меня звучит ее голос, Иркин крик: «Абочка, Аба! Миленький!» И я чувствую — вот-вот разревусь. Что со мной? Я совсем расклеился. Стал как сенти-

ментальная бабка. Девочка моя, другого котенка достанем. Зачем же звать Абочку? Ничего не получается: сижу и как идиот шмыгаю носом. Слава Богу, всем известно, что я простужен. Никто не обращает внимания. Идет очередная эпидемия гриппа. У всех насморк.

Круги вокруг себя! Эгоист. А рядом, за стеной, человек мучается, говорят, ночами не спит. Бедный Сидор Петрович Белиц-Гейман! Что же ему делать со своим выигрышем? Ох уж эти устроители лотереи! Опять напутали, в соблазн человека ввели!

— Володя, — шепчет мне Сидор Петрович, — а если ничего не получать по билету? Не разминаться на мелочи? Пусть под рукой лежит. Такое богатство, какая энергия! Может, звезда моя в сто раз больше Солнца? И тогда я, — он испуганно оглянулся и зашептал еще тише, — властелином мира стану? Представляешь?

— Страшно представить, Сидор Петрович!

— Бог с вами, Володя, — он замахал руками. — Я не допущу, чтоб ее в военных целях использовали. Вы же знаете, я человек миролюбивый... Надеюсь, мне вы доверяете?

— Доверяю, Сидор Петрович. Вам — доверяю. И жене вашей, и детям, и внукам — всем доверяю. Только я не знаю, каким человеком будет ваш двоюродный племянник, который, возможно, еще и не родился. Мало ли что ему в голову взбредет в один прекрасный вечер, пока все ваши наследники по телевизору развлекательную программу смотрят? Вдруг племяннику что-либо не понравится? Вдруг его кто-нибудь обидит? Надежная система страховки? Согласен. Но ведь бывает и короткое замыкание? А племянник, как на грех, отвертку найдет? Я вообще человек крайне

отсталых взглядов. Считаю, что люди должны вы-
янить свои отношения по старинке — кулаками.
Семейную историю расскажу. Слушайте. Дед мой в
деревне Фотеевка жил. А рядом село Дарьино. Так
вот, мужики из Фотеевки часто ссорились с со-
седями. Драки бывали. Стенка на стенку шли. Как
престольный праздник — так драка. Однажды
сильно избили деда. Очень он разозлился. Света
белого не взвидел. Умру, говорит, но Мишку Кри-
вого изуродую. Схватил палку — и в Дарьино.
Мишку Кривого он побил, да братья на подмогу
выскочили. Здорово деду досталось. Потом, прав-
да, они все опять выпили и, вроде бы, помирились.
Кстати и сейчас эти два села рядом. Поезжайте в
Тульскую область. Своими глазами увидите: бо-
гатые села, в каждом крепкий колхоз. Соревну-
ются. Совместно больницу и клуб построили. К че-
му я эту историю вспомнил, Сидор Петрович? По-
жалуйста! Представьте: что было бы с деревней
Дарьино, и была бы вообще деревня, если бы, в
тот злосчастный момент, под рукой у моего пья-
ного деда не палка, нет, кнопка оказалась? Чело-
веку свойственно ошибаться. Согласен. На ошиб-
ках учимся. Так лучше палка, чем кнопка. А то
ведь, случайно, опять ошибемся, не ту кнопку на-
жмем, и не перед кем будет признаваться в своих
ошибках.

Поэтому, Сидор Петрович, мой вам дружеский
совет: обменяйте билет на «Запорожец».

6

Утром 8 ноября поехали мы с Аленой в центр.
Людей посмотреть и себя показать. А заодно...
Правильно! Угадали! Заодно и в магазин зайти.
Гости к нам вечером приходили. Все подъели. Но

хорошо праздник отметили. И Наташка была веселой. И я сам еще веселеньким проснулся. Ну, а по такому настроению, естественно, на свежий воздух. Иду и мечтаю. О чем утром после праздника мечтать? Конечно, о премии. Пока все ничего складывается. Морозец — как по заказу, как и предполагали. На тротуарах и мостовой снег лежит. На проезжей части он, правда, подтаивает. Гололед. Машины скользят. Все в соответствии с прогнозом. Конец первой декады. Холода должны отступить. Вчера мы с Кероспяном (с женой он у нас был) даже чокнулись за успех нашего предприятия. Кероспян сказал, что месяц удачно начался, и жалко будет, если прогноз не сойдется, дескать, он по-прежнему мне не верит, но ему деньги нужны, а если тепло не придет, то премия накроется, и как же иначе с меня пятьдесят рублей получишь? И вот прогуливаюсь я в самых приятных размышлениях, как вдруг нос к носу сталкиваюсь с Ириной подругой. Когда Ирка у нас жила, то подруга к нам забегала, так что Алка ее узнала.

Здрасьте, здрастьте! Где тетя Ира? Почему не заходит? Занята тетя Ира. Учится. А ты как четверть кончила? Что по-английски?

Так они поговорили и настала моя очередь вопросы задавать.

Как и что? Как самочувствие? Как настроение? Наташке лучше. Да, вот такие дела. Праздник вместе встречали? Прекрасно. Ну и как повеселились?

— Хорошо. У хозяйки дома — кстати, баба отлично знает английский — много записей. Магнитофон орал во всю мочь.

— Все американские певцы с бархатными голосами?

— Вот именно.

— А Ирка.

— Не знаю. Ушла раньше меня с каким-то

очень приличным мужиком, который весь вечер не отходил от нее и не спускал с нее глаз. Я звонила ей сегодня, но там никто не подходит к телефону. Или спит, или ушла.

— Или еще не приходила.

— Да ты брось, я этого не думаю. Спит наверно.

— А записи хорошие были?

— Я же говорила: английские. Битлы, Френк Синатра...

— Как у тебя с хвостами?

— Диамат не могу сдать.

И т. д.

Ты, начальник, всем начальникам начальничек, отпусти, слышишь, отпусти, очень прошу, отпусти, ну хочешь — на колени встану, отпусти на волю! Знать измучилась, а может, и скурвилась, на свободе дроля. Ведь не приходила она домой, не ночевала, это ясно, как Божий день! Ни упреков, ни попреков — все понятно. Полтора месяца она меня не видела, мучилась, переживала, а потом на вечеринке опять тоска напала. И решила она: плевать, все что угодно, лишь бы сегодня не быть одной. Так с ней однажды уже было. И это мы проходили. И может, мужик-то стоящий. То, что ей надо. Без всяких комплексов. И свободен. И влюбился в нее. Любовь с первого взгляда. И квартира у него, и положение. И спокойно ей с ним будет. Может, она замуж за него пойдет? Начальничек, отпусти!

Отпустил бы, отпустил бы тебя на волю, да воровать, знаю, воровать ты будешь!

Правильно. Какой смысл отпускать? Ничего это не изменит. Еще больше запутаюсь. Опять домой прибегу. У меня две девочки, — как же им жить без меня? Это все равно, что я сейчас остав-

лю Алену посредине площади — кругом машины шныряют, скользко, гололед...

А ты напейся воды, воды холодненькой — про любовь забудешь. Время и не такое залечивало. Все проходит, все забывается. Напейся воды, воды холодненькой. Ирка не ночевала дома. Точно, не ночевала. Надо и это выдержать. А ты как думал? Надо уметь терять. Надо уметь терять даже такую девочку, лучше которой нет и не будет.

Пил я воду, пил холодную, пил не напивался. Начальничек, отпусти! Вот она, стоит передо мной в старом халатике. Такая тоненькая, совсем ребенок, и тоже — абсолютно беспомощна. И столько дури у нее в голове! А вдруг ее обидят? Господи, как легко ее обидеть! Отпусти, начальничек!

Правильно. Ее очень легко обидеть. Поэтому, оставь ее. А ты напейся воды и перестань ее мучить. Раз ты не видишь выхода, раз ничего не можешь предложить, то не надо ее трогать. Она успокоится, образумится. Она найдет другого, достойного ее человека, полюбит. Она выйдет замуж, у нее будет ребенок, у нее будет семья. Она будет счастлива, понимаешь? Ты желаешь ей счастья? Значит, не мешай. Напейся воды холодной и иди своей дорогой. Нет, не мешай ей. Хоть катайся по земле, хоть кричи, хоть плачь, но не трогай ее, дай ей отдохнуть от той каторги, которую ты для нее придумал, дай ей пожить спокойно. Не можешь? Но ты должен, должен это сделать! Трудно?

Знаешь что? А ты напейся...

И все-таки я сорвался, позвонил Ирке. Встретились после работы. На улице туман. Под ногами

жидкая снежная каша. Зашли в кафе-мороженое. Бутылка «рислинга», две порции ассорти. Соседи за столиком, молодая супружеская пара, выясняли друг с другом, чьи родители правы. Муж с волевым подбородком и жестким милицейским ртом учил жену уму-разуму, говорил, дескать, как бывает у людей. Мы чинно вели беседу на общие темы. Ирка держалась независимо, и в каждом ее вопросе звучала некоторая ирония. Меня подчеркнуто не принимали всерьез. Я рассказывал о погоде, которую намечаю на апрель. Плохо будет в апреле. Дождливо.

Я проводил ее почти до самого дома, и вот тут все и началось.

Она попросила, чтоб мы сейчас же отправились на другую квартиру, в ту комнату, где когда-то с ней жили. Я отказался, сказал, что не могу, что надо было договориться заранее, что я не предупредил, что давай, перенесем на завтра.

— Позвони и объясни. Придумай какую-нибудь причину!

Я опять повторил свои доводы. Сказал, что, вообще, сегодня это неудобно.

— Ага, ты заботаешься только о своих удобствах!

— При чем здесь я? Наташка будет нервничать. Ты знаешь, что, если мы туда придем, я останусь на ночь.

— А я каждую ночь не нервничаю? Мне спокойно? Но тебе плевать. Ты меня просто не любишь.

— Ирка, это каприз.

— Да, каприз! Но могу я один раз в жизни потребовать, чтобы ты сделал хоть что-то для меня? Все только ради Наташки. Ты думаешь только о ней.

— Она больна.

— А я здорова? Если я сойду с ума, тебе будет все равно? Кто тебе дороже?

— Она мой ребенок.

— Удобная теория. А я сверхчеловек? Я тебя не видела два месяца. Это легко? Это можно выдержать? И теперь ты не можешь исполнить мою просьбу?

Нет, я не мог. Я не мог позвонить домой и услышать растерянный Наташкин голос. Я знал, что она не спит без меня. Она просто боится быть ночью одной. Но как это объяснить Ирке? Рассказывать о таких вещах — значит, предавать Наташку. И потом, примет ли Ирка мои объяснения? Она все поймет по-другому. Я понимал, что Ира хочет проверить на конкретном случае: кого я люблю больше? Но они дороги мне обе. И единственно, что мне сейчас оставалось — это попытаться успокоить Ирку, отвести ее домой. И я бормотал какие-то слова.

Шел дождь. Я видел, что Иринина шуба и шапка промокли, а сапоги ее были рассчитаны на другую погоду. Я боялся, что Ирка простудится, и был согласен на все, лишь бы довести ее до дома. В конце концов Ирка заявила, что я ее не люблю, и она меня тоже не любит, и что отныне мы порываем всякие отношения. Мы холодно попрощались. Я дошел до угла. Оглянулся. Ирка бежала за мной. Она сказала, что хочет меня проводить, что это ей по дороге. Дождь усиливался. Я спросил, куда она идет. Она сказала, что к тому парню, с которым познакомилась на празднике, но это теперь меня не касается. Потом она достала двухкопеечную монету и зашла в будку телефон-автомата. Я стоял, отвернувшись. Мы опять шли по лужам, и уличные фонари таяли в тумане. Около подземного перехода Ирка спросила — не передумал ли я. Нет. Ах так, то я сам виноват. Она

уйдет к этому парню. И Ирка спустилась по лестнице. Я смотрел ей вслед, дождался, пока она скрылась, но продолжал стоять. Она вернулась, и мы опять плутали по улицам. Потом она сказала, что спала с этим парнем, и хоть этого не могло быть, я сделал вид, что поверил, а потом и вправду поверил. Действительно, почему нет? Я слишком самоуверен. Вполне вероятно! Нет у меня права ее осуждать. Может, ей так легче? Ирка сказала, чтоб дальше я ее не провожал. Она завернула в переулок. Я стоял и ждал. Она вышла из-за угла, взяла меня под руку и мы опять пошли, и я вытаскивал платок и вытер ее мокрое лицо. Потом она просила, чтобы я еще раз все как следует обдумал, что иначе я ее теряю. Навсегда. Неужели мне так важно сегодня ночевать дома? — Вот его подъезд, — сказала Ирка. Я молчал. Мне уже было все равно. В конце концов там она будет в тепле. За ней захлопнулось парадное, и я побрел к метро. Оглянулся. Пустая улица. Господи, как страшно все получилось! До чего же я довел ее, раз она решилась на такое? На последнее, чем она могла меня удержать? Единственно, что у нее есть, это она сама. Она бросает себя в грязь и, все равно, не помогает, я ухожу. Я оглянулся. Она бежала за мной, как собачонка.

Всю дорогу до дома она плакала, и говорила, что все придумала, что любит только меня, что больше не может так жить, что понимает, как мне тяжело, что это истерика, но у нее нет больше сил, а я в ответ бормотал какие-то слова, и успокаивал, и обещал, что все будет хорошо.

Потом мы еще долго стояли на лестнице, и я целовал ее мокрый нос. Она поклялась, что примет аспирин, мы пожелали друг другу спокойной ночи, она позвонила, ей открыли, я выбежал на улицу.

Два часа. Общественный транспорт не работает.

Буду ловить такси. Ночным королям, естественно, в другую сторону. Пронесются мимо. Даже не тормозят. Дождь хлещет. Впрочем, это уже не имеет значения. В каждой ботинке у меня болото. Вообще, ничто не имеет значения. Все безнадежно. Нет выхода. Я не знаю, что тут можно придумать. Все равно бесполезно. Надо идти и дышать свежим воздухом. Прекрасная погода. Отличная погода. Дождь теплый. Туман. Сугробы исчезли, словно зимы никогда и не было. Сейчас, наверно, плюс пять. Весенний дождик, красота.

И тогда я стал медленно-медленно соображать. Не вдруг, а постепенно, до меня дошло, что между прочим, сегодня двадцатое, нет, извиняюсь, уже двадцать первое ноября, начало третьей декады.

8

Вот что произошло с погодой к понедельнику 24 ноября:

В Париже минус два. В Испании заморозки. В Белоруссии +6, +11, на западе Украины днем местами до +16. В Москве плюс семь. Вскрылась Северная Двина, чего в это время не наблюдалось за последние девяносто лет. Затор льда в районе Усть-Пинеги (Северная Двина) усилился и уровень воды повысился на 1,2 м за сутки. В результате нагонных ветров днем 24 ноября на Неве в районе Ленинграда уровень воды повысился до отметки 130 см над нулем графика. Продолжается подъем паводка на Западной Двине ниже Полоцка; выше Даугавпилса подъем над предпаводочным горизонтом составил 1,5 - 2,5 м. На Днепре в районе Дорогобужа начался спад паводка, ниже продолжается медленный подъем. Дождевые паводки высотой до

1,5 м над предпаводочным горизонтом проходят на Верхней Тиссе и ее притоках.

На Западе Украины, в Прибалтике, Белоруссии, центральном районе — дождь и ветер. В Ленинградской области и автономных республиках Поволжья — мокрый снег. В Карелии, Архангельской и Мурманской областях — снегопады, местами сильные.

Это два циклона с центрами над Кольским полуостровом и над Чехословакией закрутили в Европе две гигантские воронки.

На юго-западе дожди. Набухают реки. Циклон смещается на северо-восток.

Теплый воздух движется поверху. Вниз спускается холодный. Поэтому мокрый снег, туман, гололед.

Машины буксуют, идут медленно. Пробки на дорогах, огромные очереди на автобусных остановках. Люди опаздывают на работу, нервничают, и проклинаят, проклинаят последними словами сволочную погоду, а заодно и нашего брата синоптика.

Старик сказал: сейчас звонил Главный и спрашивал, дескать, что думает ваш Мартынов о возможности паводка на Тиссе и в Закарпатье и как он оценивает обстановку на Северной Двине? Если будет топить, то почему Мартынов не говорил об этом раньше?

— Привет, — ответил я, — получается, что Мартынов еще и виноват! И почему вопросы ко мне? Есть же краткосрочники, есть же Штаб?

Старик посмотрел на меня, как на неразумного ребенка, и улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Считайте, что вас поздравили с удачным прогнозом.

И я пошел в Штаб.

В большой комнате, похожей на аудиторию вуза — только между рамами окон выставлены пакеты с молоком (полагается за вредность), а за столиками, вместо студентов сидят прогнозисты-краткосрочники и на картах, испещренных данными метеорологических станций, рисуют линии (то есть анализируют карту), да в левом углу беспрерывно звонит телефон, и женщина приглушенным дежурным голосом повторяет: «...облачная погода, временами дождь, ветер южный...» — так вот, в этой комнате, за длинным «профессорским» столом, в три часа ежедневно собирается Штаб. Приходят представители всех наших оперативных служб и обговаривают, уточняют, решают прогноз на завтра.

На доске кусками магнита прикреплены графики, таблицы, карты, фотографии со спутников.

Представители служб докладывают по очереди. Сначала об океанах (тайфуны, штормы, ураганы), потом — ход погоды, потом — давление на высотах, потом — спутниковая метеорология, потом — волнение на морях, положение наших судов (фамилию старика-докладчика знают наверно все опытные капитаны: корабли идут рекомендованным путем, по курсу, который прокладывает для них старый гидролог), потом — реки, потом — почва.

Погода всей земли, здесь, на столе, разложена для всеобщего обозрения.

Я тут человек посторонний. Наши отделы никогда не сталкиваются, мы свой прогноз составляем для других ведомств и учреждений и если краткосрочники заглядывают иногда в месячный прогноз, то только в тот, который делается накануне. Естественно, чем прогноз ближе, — тем точнее...

Лично меня сейчас интересует погода в двух районах.

— ...Углубляется, заполняется... Отходят фронты... Антарктида пуста (то есть нарушена связь, нет данных)... Формирование депрессий... Будет подрастать гребень.

Стоп. Вот это и меня касается. Циклон над Чехословакией и Закарпатьем. Грета (наша звезда, самый толковый краткосрочник) говорит, что машина показала: на западе давление растет, на востоке — падает. Значит циклон покатится вправо.

— ...Белое море неплохо, единственное оправдало прогноз...

Это говорит старый гидролог. Речь идет о последнем месячном прогнозе, и о прогнозе на декаду.

Руководитель штаба спрашивает:

— Остановится ледоход на Северной Двине?

— Вы резкого холода не даете, так что вряд ли...

Теперь мой вопрос:

— Насколько вероятна возможность паводка?

Женщина-гидролог (докладывала о реках) даже не смотрит в мою сторону. Тут привыкли не удивляться. Раз человек спрашивает, значит, так надо.

— Почти исключено. Уровни поднялись не намного. Перемычка льда сохраняется ниже Котласа. Не то время, чтобы все льды растопить. И потом, соответствующие меры были приняты еще в сентябре, когда мы дали заблаговременный ноябрьский прогноз.

Хорошо, что на меня никто не обращает внимания. Я чувствую, что лицо мое покраснело. Шутка ли: «соответствующие меры были приняты!» А все потому, что товарищ Мартынов, бегал, бил себя в грудь и кричал: «Будет в ноябре тепло, вскроются реки!»

Заседание штаба закончено. Руководитель делает короткое резюме:

— Пока все ничего. Пока терпит.

Я подхожу к Грете.

— Грета, как в Закарпатье? Будет топить?

— Сам слышал. Циклон по всем данным должен сместиться на восток. Не успеет. А ты чего волнуешься?

— Да я, понимаешь, составлял прогноз на ноябрь.

Грета поворачивает ко мне голову. В глазах ее любопытство.

— Помню. Значит, это ты именинник? (Ошибался я. Все-таки, кое-кто за нами следит!) — Ладно, вот карта. Смотри.

Все правильно. Уйдет циклон.

— Ну и вообще как дела?

— В Среднем Поволжье ожидаются сильные ветры. 10-15 метров в секунду. Но там синоптики предсказывают 20-25.

— А чем они обосновывают?

— Нервы не выдерживают, вот и штормят. Для перестраховки. Но мы это дело им поломали.

Прогноз особо опасных и важнейших гидрометеорологических явлений:

«26 ноября ветры 30-35 м/сек будут наблюдаться на Охотском море, Курильских островах и Камчатке».

Старик сказал, что в дирекции его просили, дескать, пусть пока Мартынов оставит апрель и следит за Закарпатьем. В случае чего, докладывать сразу Главному.

В Москве зарегистрирован абсолютный рекорд: плюс 11°.

Эти два дня я сижу у краткосрочников. На Северной Двине порядок, а вот в Закарпатье...

Дело — труба. Остановился циклон и все.

Кажется, прогноз на завтра — самое простое. И давление падало на востоке, и машина рассчитала, — пройти должен был циклон. А он стоит. На востоке подрастает гребень. На Севере откуда-то взялся фронт... Где же вы западные, традиционные, обязательные ветры? Где же смещение вправо? Ни черта не понятно! Стоит циклон, стоит как проклятый. И льет, и льет. Реки начинают выходить из берегов.

Стоит циклон. И ни с места.

Синоптик пишет: «Облачная погода, временами дождь».

А что еще остается?

Штормить или не штормить?

Там в деревнях и в маленьких городишках люди, наверно, сидят на чемоданах, пожитки собирают, радио каждый час слушают...

Штормить?

Это эвакуация населения, остановка предприятий. Армия поднимается по боевой тревоге. Солдаты на вездеходах вывозят женщин и детей. В каждом райкоме создается оперативный штаб. Люди захватывают с собой все, что могут, заколачивают ставни покинутых домов. Учреждения и конторы отводятся под временное жилье. Строительная и дорожная техника брошена к реке... Укрепляются дамбы, насыпают новые...

Второй день я уйду из института в одиннадцать вечера и ночью жду звонка дежурного.

У нас образовалось нечто вроде бригады «ско-

рой помощи». Сидим и решаем: штормить или не штормить?

Но не должен стоять циклон! По всем показателям он вот-вот начнет смещаться... По карте это ясно, как Божий день. Через три часа, через шесть часов — и завтра так непременно — он уйдет на северо-восток.

Так, может, не штормить?

Но наступает долгожданное завтра, а циклон стоит, стоит, как заколдованный.

Прогноз погоды
с 26 по 28 ноября.

Центральный район Европейской территории СССР. Облачная погода с прояснениями, временами осадки преимущественно в виде дождя. Усиление ветра до 7-12, местами до 18 м/сек. Температура 26 ноября ночью $+2$, $+7^{\circ}$, днем $+5$, $+9^{\circ}$, в последующем небольшое понижение температуры ночью до $+2 - 3^{\circ}$.

.
Остальная часть Белорусской ССР и север Украинской ССР. Местами кратковременные дожди, усиление ветра до 12-15 м/сек. Температура ночью — $+2$, $+7^{\circ}$, днем $6-11^{\circ}$.

Молдавская ССР и большая часть Украинской ССР. Преимущественно без осадков, местами туман. Температура ночью $5-10^{\circ}$, днем $9-14^{\circ}$ (на крайнем юге до 19°).

Не штормим. Успокаиваем. Показываем, что циклон уйдет на северо-восток.

Из Закарпатья станции сообщают, что дожди прекратились. Но циклон-то стоит! В любой момент может полисть («местами кратковременные осадки»), и тогда уж точно, начнет топить.

В Москве осадки «преимущественно в виде дождя». Временами. С того самого вечера, когда мы с Иркой в кафе-мороженое ходили. И я ей не позвонил. Некогда. Ибо я — преимущественно в другом месте. А с ней — временами, когда мне это надо, или — когда мне удобно. А зачем звонить? Что я ей скажу? Она меня просила, один раз в жизни просила сделать что-то для нее! Я все планирую, мечтаю, строю воздушные замки, в которых мы с ней будем жить лет через двести, а пока, дескать, временами, пока я преимущественно, пока нельзя. А она не верит в эти замки, она хотела одного, единственного доказательства, доказательства того, что она мне нужна, дорога, и я обязан был на все плюнуть, она имеет право, хотя бы раз в жизни, но я, понимаете ли, не мог, я не имел права, я только так, в виде дождя. И если в конце концов у нас ничего не получится, если мы разойдемся в разные стороны, она мне не простит — нет, не потерянных лет, не молодости, которую я ей в каторгу превратил, не своего двусмысленного положения (любовница-домработница) — не простит Ирка мне этого вечера, когда я вроде бы не мог, не имел права, но она-то была права!

Ладно, решено, я позвоню ей завтра. Что-нибудь придумаю. Но как бы я ни старался — все будет плохо. Или для нее, или для Наташки. Вот точный прогноз. Прогноз на завтра. Заблаговременный. На двести лет вперед. Усиление ветра. В последующем — понижение температуры. Временами осадки. Преимущественно в виде дождя. Нескольких капель на лице.

А в общем, обыкновенный треугольник. Типичная, стандартная ситуация.

Достигнем уровня мировых стандартов!

И все-таки не штормим. Тут меня поддержал один краткосрочник. Тоже парень с Севера. На ледоколе синоптиком плавал, в Тикси в Радиометцентре служил. На Севере поневоле научишься спокойствию. Там правда картина всегда яснее, погода не так прыгает, как в средних широтах, хотя, конечно, она тоже капризна. Но не мелочится: пурга — так на две недели, туман — так носа соседа не видишь.

Предсказав опасное явление за сутки, синоптик на Севере получает пятьдесят рублей премии. Кажется, милое дело — как сомневаешься, так кричи караул. Если Южак не пришел, никто с тебя не взъщит. Однако не штормят попусту. Может потому, что все наглядно. Город, поселок вымирает, жизнь останавливается. А вина твоя, это ты, дурак, испугался. Как же потом в глаза людям смотреть?

Север приучает к ответственности. Пролетел прогноз — так все, кому надо, через несколько часов уже знают, что не Радиометцентр, не синоптики, а именно Иванов, или Петров, или Сидоров напутал.

А может, мне надо было остаться в Тикси?

Тимофеич, замначальника станции по хозяйственной части — а попросту завхоз — двадцать лет прожил в поселке и через каждые три года уезжал навсегда, плевался, божился, что в это проклятое Богом место он никогда не вернется, даже дом себе приобрел где-то под Туапсе, планировал огурцы и помидоры выращивать да греться на солнышке в свое удовольствие, чтоб снег только в кино видеть или по телевизору, а самому в это время пивом баловаться да вяленой рыбешкой закусывать — так нет, возвращался он в Тикси, недогулявши отпуск, приезжал как миленький. Романтика? Зов Севера? Не тот характер, не тот возраст

у Тимофеича, чтоб себе лишние хлопоты выдумывать, а за слово «романтика» можно было и по роже получить — в непонятных словах Тимофеич издевку усматривал. Проста разгадка: только в Тикси Тимофеич себя человеком чувствовал, только там он понимал, на что пригоден. Стоило Тимофеичу попасть «на большую землю» — будь то Москва, Краснодар, Туапсе, — как его со всех сторон человечество окружало, миллионы прекрасных людей, которые заполняли сотни учреждений, заводов, контор, которые наступали на пятки в автобусе, давили в очередях по магазинам, занимали все столики в столовых и ресторанах, толкали на улице, ругались, спорили, спрашивали, кричали, молчали, пели, плакали, читали, считали, плясали, просили, отказывали — все вместе, абстрактно, достойные люди, но слишком их было много, и поневоле вопрос возникал: что изменится, если вдруг Тимофеич исчезнет? Никто не заметит! А на станции другое дело. Если леер порвало, то кто же в пургу из дома выйдет? Тимофеич. Вездеход застрял (как метель, так мотор глохнет — особая тайна конструкции), к кому же за помощью бегут? К Тимофеичу. У супермонитора — хитрая штука канадского производства — контакт пробило, тонкие пластинки нужны, где же их в тундре найти? Тимофеич в своем сарайчике откапает. Спирт понадобится, приспичило ребятам, немого-ту — к кому идут? К Тимофеичу.

Да и сам Тимофеич знает, что он не песчинка в миллионном прекрасном человечестве — он среди людей живет, конкретных, знакомых людей, чьи привычки и характер он досконально изучил. Каждый человек на станции для него открытая книга, известно, на что каждый способен, когда и в каких случаях на кого можно рассчитывать. И в Тикси не безликие учрежденческие вывески. Ну-

жен бульдозер — обращайся к Вольскому, движок — к майору Перепелову, рыба — к Быкову. Ребята ноют, дескать, киномеханик картины плохие привозит — так сними трубку и поговори ласково с Марьей Ивановной! Крышу надо в столовой переложить, так зачем писанину разводить — пригласи Толика, выставь бутылку, угости пельменями, словом, уважь человека — и назавтра, глядь, приехала машина с шифером. В общем, понимал Тимофеич, что только на Севере человек, как личность, свою цену имеет.

...Наш институт уникальный. Один на Москву, один на весь Союз. Нам бы держаться друг за друга, но мы пришиблены большим городом, и наши сотрудники для нас тоже часть человечества. Поэтому, в лучшем случае, мы знаем — кто где работает, но не знаем — кто над чем работает. Поэтому, мы идем не к Иванову, и не к Петрову, а идем в отдел исследований по спутниковой метеорологии, в отдел гидрологических прогнозов, в отдел планетарной циркуляции, в вычислительный центр... И если, заходя в комнату чужого отдела, мы вдруг видим знакомое лицо, да еще, случайно, где-то как-то запомнили его имя-отчество, а человек за столом улыбнется (значит, тоже где-то как-то тебя приметил, выделил из шести миллионов дорогих сограждан) — о Господи, сколько радости!

9

Циклон уходит.

Спрашивается — к чему эти волнения последних дней? Ведь по заблаговременному долгосрочному прогнозу, по трехдневному, по суточному — он должен был уйти. Может, он специально остановился, чтоб нервы нам потрепать, может, у него

характер такой, самостоятельный, «что хочу — то и делаю», — у Циклон Циклоньча Циклонова, обладающего энергией большей, чем сотни водородных бомб, ни Богу, ни дьяволу, ни человеку, не подчиняющемуся, никакой известной нам наукой не управляемому? Может, у него, у Циклоньча, уговор был с каким-нибудь знакомым протуберанцем на Солнце (дескать, Вася-друг, пока ты там шуруешь — я тут отдохну), и стоял он, и поплевывал, и развлекался тем, что за нами наблюдал, как мы считаем, анализируем, голову ломаем, за него что-то придумать хотим. Потом ему это дело наскучило или он меня лично пожалел...

Ирка сказала: «Ты сам во всем виноват. Если у тебя не было уверенности, что сможешь уйти от Наташки, то не надо было меня около себя держать, мучить нас обеих. У тебя не хватает мужества порвать со мной. Или ты надеешься на чудо (на какое?), или ты рассчитываешь на время, мол, потихоньку, постепенно меня подготовить, мол, так мне будет легче? Это нечестно, мне так хуже, понимаешь? Или ты ничего не понимаешь? Но главное, — в данной ситуации — именно ты считаешь себя самым несчастным человеком, и думая так, наверно, успокаиваешься...»

Наотмашь. Все про меня знает.

Но как же, ребята, я могу сказать: «Прощай, Ира», — когда вижу в ее глазах страх, ужас от сознания того, что вдруг, действительно, я сейчас произнесу такие слова?

Если бы я остался в Тикси, жил бы в своей комнатке, сидел бы за столиком, записывал показание приборов, слушал свист ветра — блаженное одиночество на станции — и никуда бы не улетал, а если бы даже захотел, то не смог — нет

погоды, неделю, месяц, год, — нет летной погоды над Тикси и никогда не будет!

...Мечта идиота.

И ведь Наташку она знала лучше меня.

Снова пошла у меня двойная жизнь. Снова раз в неделю, под благовидными, объективными, дурацкими предлогами — младенцу было понятно, что все это наглое вранье — я не ночевал дома. И когда, заикаясь, с веселой улыбкой (чувствуя себя настоящим подонком) я вскользь, небрежно *проборматывал*, дескать, вот так, получается, дежурство, встреча, командировка, землетрясение в районе Серпухова, требующее моего непосредственного присутствия, — и потому, наверно, — Наташка смотрела на меня и говорила: «Но ты завтра придешь? Приходи, ладно?» и больше ничего никогда не спрашивала.

А началось все с того вечера, когда циклон тронулся, когда стало ясно, что топить не будет. А приди иная метеосводка, я бы не ушел из штаба, провел бы ночь в институте. Но сводка пришла, и я подумал: ведь, могла она задержаться, откуда Наташка узнает, что сводка не опоздала? И позвонил Ирке, и приехал в ту, старую нашу комнату...

Зря я клеветцу, ребята, на свою жизнь! Это счастье, когда я вижу Ирку, когда Ирка здесь, рядом.

И пусть меня четвертуют, но ради одного дня, первого за два месяца...

«Володенька. Володенька, Володенька ты мой — люби...»

После полуночи в коридоре закричал телефон.

Подошла Ирка. Вернулась и сказала, что, услышав ее голос, там положили трубку.

Могли звонить кому-нибудь из соседей — просто не решились просить так поздно к телефону. Могла звонить Иринина мать — проверяла. Могли просто ошибиться номером. Все могло быть, и так, вероятно, и было.

Исключено, что звонили с моей работы. Правда, на всякий случай, я оставил дежурной этот номер. Так почему не позвали?

Но я чувствовал, что меня трясет, и делал все возможное, чтобы Ирка этого не замечала.

Исключено, чтобы Наташка звонила мне на работу (она была предупреждена и давно должна была спать) — а вдруг? Исключено, чтоб дежурная (баба своя в доску, понимающая) дала бы Наташке этот телефон — а вдруг? Совсем исключено, чтоб Наташка звонила мне именно сюда (абсолютно противоречит ее характеру) — а вдруг?

А вдруг?

Вдруг там тот самый «всякий случай»? Вдруг там что-то случилось! И Наташка ждет моей помощи, и только в последний момент, услышав Ирку, не захотела, постыдилась меня позвать?

...Потом я еще долго рассказывал всякие басни, курил, а тем временем успокаивал себя, уверял, что этого не может быть, просто ошиблись номером, и главное, я не имею права вот сейчас встать и уехать домой, это значит — убить Иру, а чем же она виновата?

Разве она виновата в том, что я ее обманываю? Действительно, обманываю.

Я люблю ее, очень люблю, не думал, что так можно любить, не предполагал, что сам на это способен, что мне повезет встретить такую девочку — но какая тут к черту любовь, когда

там

могло

что-то

случиться?

Бедный Сидор Петрович Белиц-Гейман! Говорят, он был толковым специалистом, он даже брошюру выпустил в Гидрометиздате, у него, говорят, почти готова кандидатская о физико-статистической связи некоторых характеристик облачных полей с рядом параметров состояний атмосферы — и надо же, так ему не повезло! Выиграл «Запорожец» по денежно-вещевой лотерее! Теперь он конченный человек. Что бы с ним ни произошло — защитит диссертацию, издаст еще десять брошюр, получит должность начальника отдела, будет избран в Академию — теперь ничто не имеет значения, он уже никого не удивит, он навсегда останется «счастливчиком, который по лотерее выиграл машину!» Превзойти такую славу никому не дано! Жалко Белиц-Геймана, говорят, он был человеком не без способностей...

В рамочке, куда я заносу в муках рожденные истины (надеюсь, вы тоже повесили ее на стенку?) осталось еще свободное место. Хорошо бы коротко сформулировать и записать там мораль истории, которую я вам рассказал. А-то я плел плел какую-то ерунду — к чему, спрашивается? Нынче неприлично без морали (впрочем, как и во все времена).

Итак:

«Жизнь прожить — не поле перейти?»

Туманно.

«Не имей сто рублей, а имей сто друзей?»

Не то.

«Без труда не вытащишь и рыбку из
пруда?»

Мелко.

«Все хорошо, что хорошо кончается?»

Обидные слова.

«Лучше быть первым в деревне, чем
последним в городе?»

Не точно.

Нет, не получается. Пусть останется место.
Любители афоризмов могут сами придумать и
записать. Пожалуйста!

«
. »

Я рассказал обыкновенную тривиальную историю про человека, который искал свое призвание, свой особый путь в науке, и это дело, оказывается, совсем не простое. А ведь сначала мне повезло. В конторе у начальника я занимал весьма высокое положение (если судить по табелю о рангах). Все, что происходило потом, считалось для меня дорогой вниз. Я кружил, кружил, бросал одно, хватался за другое, пока, наконец, не вернулся «на круги своя», стал исследователем, специализировался, то есть нашел свое место в жизни. И вот только сейчас я пожинаю первые плоды моей работы. Собственно, я не сделал никакого выдающегося открытия. Подумать: точный заблаговременный прогноз на месяц! Ну и что? Правда, прогноз был особенный, сложный, и его оценят лишь немногие специалисты. Но все-таки оценят! В меня верили два человека: Ирка и Старик. Теперь, пожалуй, и мне самому ясно, что я выбрал правильную дорогу, что идя по ней, я добьюсь большего

(не в личной карьере, хотя, все может быть, — не надо изображать скромную девицу), — большего в науке, то есть смогу максимально использовать свои знания и способности для блага людей — да, ребята, именно так, для кого же еще все мы работаем?

Значит, я победил? Значит, мне удалось доказать начальничку, что человек должен быть личностью, а не винтиком, шестеренкой в машине, даже если это машина современная, комфортабельная, на мягких рессорах?

Что же дальше? По «долгосрочному прогнозу» получается, что впереди у меня светлое будущее, успехи, победы... Для этого — есть все условия. Пожалуй, я могу предсказать, что будет через десять лет. Но десять лет состоят из каждодневной работы, нервотрепки, разочарований, поисков, борьбы с самим собой. Можно устать, успокоиться, остановиться, потерять веру в себя, попросту — сломаться. Как ни парадоксально, но я знаю, что будет через десять лет, и не знаю, что произойдет завтра.

Наш главный шеф сказал: «Природа вообще не очень считается с такими условностями, как календари!»

10

Как определить этот последний момент, когда после угроз, сцен, упреков, которые воспринимаются как каприз и к которым уже привык, зная, что потом обязательно наступит примирение и все будет как прежде — так вот, как определить этот последний рубеж, когда вдруг, вроде бы по пустячному поводу, следует решительный поворот, рвутся отношения, человек уходит, уходит навсегда?

Потом начинаешь думать и гадать: когда же надо было остановиться, схватить ее крепко, еще раз объясниться, просить прощения, удержать силой — словом, что-нибудь предпринять, лишь бы не доводить до того последнего момента, не переходить последний рубеж?

Увы, теперь поздно. Процесс необратим. Она ушла и все больше себя накручивает, все больше настраивается против тебя. Обида растет, и уже появляются весьма определенные планы на новую жизнь, жизнь без тебя.

Да и ты сам не сразу понимаешь, что вы уже миновали этот рубеж. Тоже ходишь обиженным, тоже себя накручиваешь. Тебе еще кажется, что продолжение следует, что дальше, что потом... И вдруг выясняется — всё, всё кончено. Точка.

Наверно, это было тогда, когда мы вели очередной (может, четыреста девяносто третий по счету) разговор на одну и ту же тему, разговор который начинался ее словами: «Ты всех жалеешь, а меня тебе не жалко?»

И мы крутились по улицам, и был мороз и ветер, и в мертвенном свете ртутных фонарей я видел, как посинело от холода ее лицо, и не было, не было у меня денег, чтоб зайти в какое-нибудь кафе погреться, — не знаю я такого кафе, где можно посидеть за рубль.

То, о чем мы говорили, постороннему человеку показалось бы бредом, сумасшествием, но слова для нас не имели значения. В каждой ее фразе была откровенная, исступленная мольба: будь со мной! И в каждом моем слове звучал жалкий, извиняющийся, извивающийся отказ. Вот что было главным.

— Ты себя не ценишь, Тыща, — говорила она — ты единственный, ты штучного производства,

ты один на миллион людей, сошедших с конвейера. Я верю в тебя. Я знаю, что и в эти дни, и вообще всегда, ты думаешь о своей науке, о том, что только ты один можешь совершить. Те открытия, которые под силу тебе, люди сделают только через сто лет. Но тебе надо жить по-другому, сконцентрироваться на науке, а без меня ты не сможешь, только я твой помощник, только я создам для тебя все условия. Ведь жизнь коротка, тебе мало осталось, ты совсем уже не мальчик. Проблемы твоей семьи — это проблемы миллионов людей во всех странах. Каждую минуту на земле рождается и умирает тысяча человек. Но им не под силу сделать то, что сможешь ты. Мир огромен. Появятся еще миллиарды новых людей, но тебя не будет! Ты умрешь и не выполнишь своего предназначения.

— Да, ты права. У меня мало времени, еще меньше, чем ты предполагаешь, ибо так просто разочароваться в своих силах и потерять уверенность в себе. Я знаю, мне будет легче с тобой, более того, мне надо жить только с тобой. Надо жить по большому счету, а жизнь дается один раз, и надо заботиться о главном, — о призвании, о том, что можешь совершить только ты один. В этом большая мудрость. Философская истина. Но если даже я действительно, не только в твоих глазах, не только в своих бредовых фантазиях, а вообще, объективно, представляю какую-то ценность для миллионов людей, то для меня эти миллионы начинаются с двух моих девочек — но они не могут жить без меня и я не могу без них, а если не будет двух моих девочек, то мне плевать, понимаешь, плевать на эти миллионы, без них никого у меня нет, и я никому не нужен. Эта примитивная, простая истина, но на ней держится всё в этом мире.

— Значит, ждать, когда ты устроишь им счастье? Но я устала. Нет у меня сил на такую жизнь. Год назад я еще могла. А теперь — нет.

Естественно, что все кончилось взаимными уверениями, дескать, ничего, все будет хорошо. Но это был последний рубеж.

Некоторое время я еще надеялся: как-нибудь обойдется, что-нибудь придумаю... Теперь я знаю — нет у меня Ирки. Отныне и навсегда.

Сегодня я встретил компанию мальчиков и девочек. Ребята совсем молоденькие, одеты не модно, с отцовского плеча. Идут вразвалку, держатся развязно, хватают девочек за руки (и этим скрывают свое смущение — наверно, первая совместная прогулка). И девочки не яркие, тоже смущены, щебечут только друг с другом. А одна похожа на Ирку. Она еще будет красивой. Парнишка в кепочке играл на гитаре и пел обыкновенную песню, ту, которую поют в подворотнях — про жестокую любовь, крошку Мэри, бедного юнгу, — и несколько ребят ему подпевали. Шли они нестройно, разрозненно, но им было хорошо, и я понял, почему им хорошо. И мне стало тоже хорошо, а может, даже лучше, чем им, ибо они не знали, что такое молодость, им казалось — она навечно, а для меня молодость прошла, и сейчас только на минуту вернулась, но и эта минута пройдет — уже был виден мой дом, я уже приготовил слова, с которыми появлюсь на пороге.

Компания осталась позади, а переборы гитары еще доносились, грустная мелодия затихала, и я вдруг опять вспомнил Ирку, не таясь вспомнил, откровенно, и почувствовал такую дикую, невыносимую боль — знаю, так никогда больше не буду о ней вспоминать.

Я пришел домой и сказал приготовленные веселые слова. Потом стал искать сигареты. Конечно, если я не позабочусь, в доме нет сигарет. Наконец, нашел окуроч. Любой бы другой, на месте Наташки, догадался, что со мной происходит. Но она обладала удивительной способностью ничего не замечать. А может, в этом ее счастье. Я смотрел, как она хлопочет на кухне, смотрел на ее некрасивое, а может красивое, но всегда для меня дорогое, любимое лицо, и постепенно успокаивался.

Я спросил о ее планах на вечер, и она сказала, что собирается пойти в магазин. Сама. Впервые после больницы. Что надо купить?

Я достал лист бумаги и написал:

Масла — 200 грамм.

Мясо — 1 кг.

Сахар — 1 кг.

Майонез — 1 банку.

Маргарин — 1 пачку.

Хлеб — 1 батон.

Сигареты — 1 пачку.

Я вручил ей деньги, сумку, помог одеться, проводил до дверей и уже на лестнице попросил, что если останется мелочь — пусть купит еще две бутылки пива.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая	5
Часть вторая	61
Часть третья	123

Анатолий Г л а д и л и н принадлежит к так называемому «четвертому поколению» советских писателей, которое зародилось в годы после XX съезда КПСС, когда молодежь хлынула широким потоком в литературу. Его главные представители в жанре прозы — В. Аксенов, А. Кузнецов, В. Войнович, Г. Владимов и др. — обновили и модифицировали традиционную модель социалистического романа. Внесли они в литературу страстное желание переоценки ценностей, потребность самоопределения, уверенность в необходимости преобразования существующих порядков, готовность к разумному участию, часто замаскированную мнимым скептицизмом. Это они ввели в обиход задушевный тон исповеди своих героев, весьма чувствительных, но на вид грубоватых, не доверяющих объявленным истинам и избегающих громких слов. А. Г л а д и л и н типичный представитель силы и слабости этой литературной смены, которая в поисках антисхематичности успела выработать новые схемы.

Родившийся в 1935 году в Москве Анатолий Тихонович Г л а д и л и н располагал скромным жизненным опытом к началу своего литературного пути. Школа, работа электромехаником, несколько месяцев военного училища, первый курс Литературного института. Первую повесть «Хроника времен Виктора Подгурского» он опубликовал в журнале «Юность» в 1956 году.

Стремясь изучить жизнь, писатель немало поездил по Советскому Союзу. Для написания таких книг, как «Бригантина подымает паруса. История одного

неудачника» (1959) и «Песни Золотого прииска» (1960) — ему пришлось работать простым рабочим.

Отвечая в 1962 году на вопросы анкеты журнала «Вопросы литературы» — как он понимает долг писателя в формировании в людях новых, коммунистических качеств? — Г л а д и л и н ответил: «Писать только правду, не лакируя и не приукрашивая действительности. Достаточно в свое время иные авторы кормили читателя розовыми лубками».

Этого принципа Анатолий Г л а д и л и н держался довольно твердо во всех своих повестях, посвященных процессу формирования характера советского молодого человека, как «Дым в глаза. Повесть о честолюбии» (1959), «Первый день Нового года» (1963) — о конфликте между отцами и детьми.

Роман «История одной компании» (1965), созданный на жизненном материале о мужающих в труде юношах и девушках, подвергся резкой партийной критике за идейные недостатки и формальную смелость. Журналу «Юность», опубликовавшему большинство произведений А. Гладиллина, вменял это в вину не один раз многолетний первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов, которому не нравились похождения описываемых Гладилиным «мальчиков».

Уязвленный недоброжелательным отношением к нему официальной критики, хотя и поддерживаемый постоянно Валентином Катаевым, который вручил ему путевку в жизнь, Г л а д и л и н забросил свои хроникально-репортерские повествования о молодых людях своего поколения, о том что их волнует. Некоторое время он перебивается переводами, а в 1970 году публикует «Евангелие от Робеспьера. Повесть о великом французском революционере».

Теперь же волны самиздатовского прилива выбросили на наш берег последний роман Анатолия Г л а д и л и н а «Прогноз на завтра», в котором автор раскрывает внутренний мир уже сложившегося характера взрослого человека. Его герой, Володя Мартынов, представитель средней технической интеллигенции, рассказывает искренне и непретенциозно историю своей жизни и работы, усложненную постоянной материальной нуждой и терзающим душу конфликтом любовного треугольника.

К сожалению, в текст на крылышках суперобложки вкрались две досадные опечатки. Просим их исправить.

	Напечатано	Следует читать
Лев. стор. 13 стр. сверху	социалистического	социологического
Прав. стор. 3 стр. снизу	нужной	нуждой

аба
шорка

13 по

ПРОГНОЗ
ПОГОДЫ

Облачность
ослабнет в вечер
температура
7-12 и днем
ветер 2-5 + 5-7
морозы
ветер 2-5 + 5-7
морозы
ветер 2-5 + 5-7
морозы